

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074-7306

*И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4*

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4, 2023

Периодичность 4 номера в год

*Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым*

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 76204
от 02 августа 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

докт. юрид. наук, проф., академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ **Шапсугов Д. Ю.** (директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Краковский К. П.** (докт. юрид. наук, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления, зам. главного редактора, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., академик РАН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П. П.** (зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Овчинников А. И.** (зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., профессор **Шатковская Т. В.** (зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Егорова М. А.** (начальник Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проф. кафедры конкурентного права МГЮУ имени О.Е. Кутафина, г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Корецкий А. Д.** (зав. кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Момотов В. В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Овсепян Ж. И.** (зав. кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Супатаев М. А.** (г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Авакян Р. О.** (академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Алиев А. И.** (юридический факультет Бакинского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф., **Алиева С. И.** (зав. кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории» Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф. Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Турецкая Республика, г. Стамбул); доктор права, университетский профессор **Шелухин С. И.** (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк).

Редакционный совет

докт. юрид. наук, проф. **Акопов Л. В.** (проф. ДГТУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Бойко А. И.** (проф. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л. И.** (проф. кафедры международного права ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Казинян Г. С.** (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Исмаилов М. А.** (руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического факультета Дагестанского государственного университета, г. Махачкала); доктор юридических наук, проф. **Исмаилов Х. Д.** (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю. А.** (проф. ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Радачинский Ю. Н.** (доц. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону), председатель ТИК г. Батайска; докт. юрид. наук, проф. **Фаргиев И. А.** (судья Верховного Суда РФ, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2023, № 4

16+

"To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives"

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4/ 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

Nº 4, 2023

Regularity 4 times a year

Published since 1997

*was founded
by Doctor of Law, professor
D. Y. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

*Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019
issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies
and mass media (Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF **Shapsugov D. Y.** (Director of Legal Research Center of SRIM RANEPA, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K. P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPA, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P. P.** (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, SRIM RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A. I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State SRIM RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T. V.** (Head of the Department of Theory and History of Law and State, SRIM RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Egorova M. A.** (Head of the Department of International Cooperation of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University), professor of the Department of competitive right of MGYuU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A. D.** (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V. V.** (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh. I.** (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Supataev M. A.** (Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R. O.** (Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, Professor **Aliev A. I.** (Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S. I.** (Head of Department of General History and Technology of History Teaching, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Ataturk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York)

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L. V.** (professor of Don State Technical University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A. I.** ((professor of SRIM RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L. I.** (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Kazinyan G. S.** (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor **Ismailov M. A.** (Head of the Research Laboratory "Customary Law" of the Faculty of Law of Dagestan State University, Makhachkala, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh. D.** (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Y. A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Y. N.** (associate professor, SRIM RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Fargiev I. A.** (Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-203-63-89,

e-mail: yurvestnik@mail.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	9
T. В. Шатковская	
Систематизация законодательства как способ обеспечения устойчивого развития государства.....	9
П. И. Абайханова (Магаяева)	
Законодательные акты как основа реформ 1860–1870 гг.: историографический аспект.....	17
Ф. А. Озова	
Трансформации социальной структуры и политических институтов традиционного черкесского общества через призму хабзэ в конце XVIII – начале XIX в.....	25
И. Д. Хабаев	
Государственное устройство Имамата Шейха Мансура: основные черты и особенности становления властных структур	34
И. В. Федосов	
Изменение правового положения немусульманского населения Османской империи в контексте реформ Танзимата	44
Д. А. Леусенко	
Интегративное правопонимание: содержание определения и объект исследования	50
Ю. Б. Чупилкин	
Проблемы терминологии в сфере охраны права	60
Е. Ю. Клеветова	
Об опыте систематизации законодательства в Своде законов Российской империи и его оценке в научной юридической литературе во второй половине XIX – начале XX вв.....	67
Д. Э. Кравчик	
Теоретические основы современного народовластия.....	74
И. М. Магомадова	
Правовое образование как способ предупреждения и противодействия правонарушениям среди молодежи	81
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА	86
Ж. И. Овсепян	
О суверенитете Российского государства в контексте факторов современного мирового развития (исследование на основе Закона о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ)	86
С. П. Федоренко, Р. Г. Непранов	
Особенности возникновения и развития отечественного конституционализма: к 30-летию Конституции Российской Федерации.....	102
К. С. Иналкаева	
Формирование федеративных отношений в Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития	109

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА	114
<i>Е. Н. Богданова</i>	
Ребёнок – особый субъект права в сфере здравоохранения РФ	114
<i>С. А. Пузиков, А. И. Гончаров</i>	
Об отдельных правовых аспектах регулирования деятельности по техническому обслуживанию внутридомового газового оборудования	123
<i>А. Б. Арзуманян</i>	
Влияние технологий искусственного интеллекта на права человека в сфере труда	129
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	135
<i>Ю. А. Ляхов</i>	
Без установления истины нет справедливого судопроизводства.....	135
<i>Н. Ю. Лазарева</i>	
Участие несовершеннолетних в террористических сообществах и организациях: анализ международных стандартов и отечественного законодательства.....	139
<i>Н. В. Веретенников</i>	
К вопросу о неравенстве процессуальных прав и процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения	147
ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....	154
<i>И. А. Иванников</i>	
Прекращение СССР: политico-правовой аспект	154
<i>Д. Н. Чушенко</i>	
О правоприменительной практике по делам о дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе проведения Специальной военной операции	163
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	170
НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ	174
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	175

CONTENTS

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE	9
<i>Tatiana V. Shatkovskaya, Tatiana A. Mosienko</i>	
Systematization of legislation as a way to ensuring sustainable development of the state	9
<i>Patiya I. Abaykhanova (Magayeva)</i>	
Legislative acts as the basis of the reforms of 1860-1870: historiographical aspect.....	17
<i>Fatima A. Ozova</i>	
Transformations of the social structure and political institutions of traditional Circassian society through the prism of habze in the late XVIII – early XIX centuries.....	25
<i>Ibragim D. Khabaev</i>	
The state structure of the Imamate of Sheikh Mansur: the main features and peculiarities of its formation.....	34
<i>Ivan V. Fedosov</i>	
The changes of the legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire in the context of the Tanzimat reforms.....	44
<i>Dmitry A. Leusenko</i>	
Integrative legal understanding: the content of the definition and the object of the study.....	50
<i>Yuri B. Chupilkin</i>	
Problems of terminology in the field of right protection	60
<i>Evgenia Yu. Klevetova</i>	
About the experience of systematization of legislation in the Collection of laws of the Russian empire and its evaluation in scientific legal literature in the second half of the XIX – early XX centuries	67
<i>Daniil E. Kravchik</i>	
Theoretical foundations of modern people's power.....	74
<i>Imani M. Magomadova</i>	
Legal education as a way to prevent and counteract offenses among young people	81
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL LAW	86
<i>Zhanna I. Ovsepyan</i>	
On the sovereignty of the Russian state in the context of the factors of modern world development (a study based on the Law on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 № 1-FKZ)	86
<i>Svyatoslav P. Fedorenko, Ruslan G. Nepranov</i>	
Features of the emergence and development of domestic constitutionalism: on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation.....	102
<i>Kazban S. Inalkaeva</i>	
Formation of federal relations in the Russian Federation: experience, problems, development prospects	109
PROBLEMS OF CIVIL AND LABOR LAW.....	114
<i>Elena N. Bogdanova</i>	
A child is a special subject of law in the healthcare sector of the Russian Federation	114
<i>Sergey A. Puzikov, Alexander I. Goncharov</i>	
On certain legal aspects of regulating the maintenance of indoor gas equipment.....	123
<i>Anna B. Arzumanyan</i>	
The impact of artificial intelligence technologies on human rights in labor relations.....	129

PROBLEMS PROBLEMS OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LAW	135
<i>Yuriy A. Lyakhov</i>	
Without establishing the truth, there is no fair trial	135
<i>Natalia Yu. Lazareva</i>	
Participation of minors in terrorist communities and organizations: analysis of international standards and domestic legislation.....	139
<i>Nikolay V. Veretennikov</i>	
On the issue of inequality of procedural rights and procedural capabilities of participants in criminal proceedings on the part of the prosecution	147
CONTROVERSIAL ISSUES	154
<i>Ivan A. Ivannikov</i>	
The termination of the USSR: political and legal aspect.....	154
<i>Dmitry N. Chushenko</i>	
On law enforcement practice in cases of discrediting the Armed Forces of the Russian Federation during a Special military operation.....	163
SCIENTIFIC LIFE.....	170
OUR CONGRATULATIONS.....	174
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES	175

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 9–16
North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(4):9–16

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-9-16>

EDN YQOJMB

Систематизация законодательства как способ обеспечения устойчивого развития государства

Татьяна Владимировна Шатковская^{1,2}, Татьяна Александровна Мосиенко²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

¹shatkovskaya.tv@gmail.com

²mosienko5858@mail.ru

Аннотация. Статья нацелена на разработку структуры системы законодательства государства, нацеленного на устойчивое развитие. На современном этапе развития государство остается единственной силой, способной организовать общество, скоординировать индивидуальное и групповое поведение и обеспечить властно-нормативный порядок для решения общих проблем, угрожающих основам жизнедеятельности людей. Авторы полагают, что теория устойчивого развития, воспринятая в мировой политике, как стратегия будущего имеет серьезные противоречия. Несостоятельность теории устойчивого развития как целостной концепции не должна привести к игнорированию проблем, на которые она нацелена. На современном этапе наиболее эффективными могут быть меры, принимаемые на уровне отдельных государств и их региональных объединений. Сделан вывод о том, что решение задач устойчивого развития определяет системные изменения в структуре национального законодательства. На примере Российской Федерации авторами разработано строение такой системы законодательства.

Ключевые слова: государство, законодательство, имплементация, устойчивое развитие, правовое регулирование, система законодательства

Для цитирования: Шатковская Т. В., Мосиенко Т. А. Систематизация законодательства как способ обеспечения устойчивого развития государства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 9–16. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-9-16>. EDN YQOJMB

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Systematization of legislation as a way to ensuring sustainable development of the state

Tatiana V. Shatkovskaya^{1,2}, Tatiana A. Mosienko²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

^{1,2}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹shatkovskaya.tv@gmail.com

²mosienko5858@mail.ru

Abstract. The article is aimed at developing the structure of the state legislative system aimed at sustainable development. At the present stage of development, the state remains the only force capable of organizing society, coordinating individual and group behavior, and providing a power-normative order for solving common problems that threaten the foundations of people's livelihoods. The authors believe that the theory of sustainable development, perceived in world politics, as a strategy for the future, has serious contradictions. The failure of the theory of sustainable development as a holistic concept should not lead to ignoring the problems it is aimed at. At the present stage, the most effective measures may be those taken at the level of individual states and their regional associations. It is concluded that solving the problems of sustainable development determines systemic changes in the structure of national legislation. Using the example of the Russian Federation, the authors developed the structure of such a legislative system.

Keywords: sustainable development, state, legislative system, legislation, legal regulation, implementation

For citation: Shatkovskaya T. V., Mosienko T. A. Systematization of legislation as a way to ensuring sustainable development of the state. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):9-16. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-9-16>. EDN YQOJMB

Современным трендом развития государства становится готовность его нормативной системы к преодолению разнообразных вызовов. Их появление, масштабирование и усложнение напрямую связано с ростом активности людей в социально-природной среде. После развенчания мифа о незыблемости прогресса как результата человеческой активности и признания деструктивности теории «государства роста» постмодернистских идеологов, становится актуальным интеллектуальный поиск идей, позволяющих, с одной стороны, обеспечить общее сотрудничество, сохранение высоких стандартов жизни и сокращение социально-экономических диспропорций в условиях многополярного мира. С другой стороны, снизить антропогенное давление на окружающую среду.

Решение проблем, влекущих социально-природный коллапс, невозможно ни в рамках одной национальной системы, ни интеллектуальными усилиями одного или нескольких научных направлений. Вызов, такого уровня сложности, требует консолидации ресурсов всех государств, международных организаций, национальных интеллектуальных элит и научного сообщества.

Одной из широко обсуждаемых и внедряемых в практику государственного управления в последние десятилетия стала теория устойчивого развития. Анализ зарубежной и отечественной научной литературы [1, 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12] позволил обнаружить недостаточное внимание к ней со стороны юристов, в том числе и российских. Это тем более удивительно, что, во-первых, обеспечение стабильного развития государства выступает одной из основных функций позитивного права. Во-вторых, устойчивое развитие закреплено в законах всех ведущих государств современного мира. Так, в Российской Федерации (далее РФ) устойчивое развитие названо стратегическим направлением государственной политики.

В законодательстве закрепляется система мер для обеспечения устойчивости социально-экономического и экологического развития как государства в целом, так и отдельных регионов. Вместе с тем, строение системы законодательства, обеспечивающей устойчивое развитие государства в XXI в. не разработано. Исходя из этого, цель данного исследования состоит в разработке структуры системы законодательства государства, нацеленного на устойчивое и сбалансированное развитие.

Для реализации цели исследования поставлены задачи научно-критического осмысливания господствующей теории устойчивого развития на предмет наличия или отсутствия общих положения и основных начал, имеющих универсальный характер для применения в различных национальных системах; определение структуры системы законодательства государства, избравшего стратегию устойчивого развития; установление возможной корреляции между состоянием системы законодательства и реализацией стратегии устойчивого развития.

Закон представляется собой словесно-грамматическую форму выражения мыслей, заложенных в нее законодателем. Использование теории устойчивого развития в качестве концепции законодательства предполагает ее всесторонний анализ на предмет соответствия закона непротиворечия. Воплощение идей, нарушающих законы логики, в концепции закона приводит к системным нарушениям в национальном законодательстве, разрушению постоянных и необходимых системных связей, то есть к последствиям противным природе закона.

Кроме того, закрепление в законе сложных противоречивых целей и правил поведения, содержащих абсурдные рекомендации, делает закон бессмысленным. Декларативные и противоречивые положения не могут быть реализованы, поэтому у государства не возникает право требования подчиняться данным правилам.

На основании анализа научной литературы [1, с. 10-15; 4, с. 35-40; 7, с. 5-10], нормативно-правовых и международных актов можно выявить сущность теории устойчивого развития. Как представляется, это такое воздействие человека на социально-природную среду, которое приводит к целенаправленным изменениям, соответствующим следующим требованиям: программно-проектная структура взаимосвязанных мер воздействия, влекущих изменения; надежная измеримость изменений посредством устойчивых величин; стабильность изменений во времени, в пространстве и по кругу лиц, обеспечивающая баланс и динамическое равновесие в системе отношений «природа-общество-человек»; результивативность, предполагающая качественные улучшения предмета воздействия без ущерба для других отношений в экосистеме.

В целом идея устойчивого развития нацелена на разрешение существующих и возникающих противоречий в системе «природа-общество-человек». Полагаем, что осуществление данной цели затруднено дихотомичностью самой теории устойчивого развития, а также динамично возрастающими противоречиями вследствие усложнения социальных систем.

Дихотомичность теории устойчивого развития выражается в ее акценте на взаимоотношениях «окружающая среда-человек». Причем защита природных ресурсов в данных отношениях выступает приоритетом в силу объективной зависимости человека от природы. Поэтому сохранение окружающей среды предполагает в этой теории изменение образа жизни современного человека в направлении контроля за потреблением природных ресурсов и установления пределов экономического развития в виде требования сохранения окружающей среды во всем ее разнообразии.

Теория, претендующая на баланс интересов, имеет три направления социальное, экономическое и экологическое. Приоритетным оказывается именно экологическое развитие [10, с. 427-440], которому предлагается подчинить и экономику, и образ жизни человека в условиях сложившегося общества потребления и техногенного типа экономики, созданного без учета экологических ограничений.

Подтверждение тому, что три вышеуказанные направления не могут быть единой целью развития, дают исполнители программ устойчивого развития. Так, индикаторы устойчивого развития разработаны и объединены в группы по каждому из направлений. Однако сложное не является суммой простых состояний и не сводится к совокупности свойств, составляющих ее элементов.

Научные подходы к понятию устойчивости отличаются для каждой из систем. К примеру, для социально-экономических систем устойчивость связывается с безопасностью, надежностью, прочностью, целостностью, способностью развиваться в течение определенного времени, переходя от одного устойчивого состояния к другому, и является количественной характеристикой для оценки изменений [11, с. 24-30]. В экологической науке устойчивость рассматривается как экологический императив и отказ от технократической культуры [9, с. 4-7].

Теоретики устойчивого развития нацелены на гармонизацию антагонистических по природе отношений. В частности, отношения между богатыми и бедными людьми, развивающимися и экономически развитыми странами, все возрастающими человеческими потребностями и исчерпаемыми природными ресурсами, настоящим и будущим развитием и др.

Мировой исторический процесс показывает, что данные отношения перманентно находятся в состоянии борьбы. Поэтому стирание различия, гармонизация данных антагонистских групп без качественного изменения таких отношений, как представляется, имеют декларативный характер и практически не выполнимы [6, с. 626–630].

Более того, отстаивая идею биологического своеобразия сторонники теории устойчивого развития лишают человечество социального разнообразия, сохранения многополярности, дающей цивилизационные и культурные альтернативы развития.

Реализация идеи устойчивого развития предполагает глобальное сотрудничество, так как сохранение экосистемы возможно только в планетарном масштабе. Не случайно, что правовые акты по устойчивому развитию приняты на международном уровне. К примеру, Декларация о стратегии устойчивого развития человеческого развития и планеты как среды обитания была принята в 1992г. в Рио-де-Жанейро с участием глав более 150 государств¹.

Однако внедрение экотехнологических видов производства предполагает отказ от использования природоразрушающих технологий, что могут себе позволить не все государства. Кроме того, «зеленые» технологии дорогостоящие и не имеют универсального характера. Не стоит забывать, что негативное хозяйственное воздействие человека на природу обладает региональным своеобразием [2, с. 20–29].

«Месторазвитие» государства всегда отличается уникальностью и индивидуальностью. Поэтому глобальное сотрудничество государств по целому ряду актуальных экономических, экологических и социальных вопросов затруднено их природной спецификой.

Таким образом, при значимости и актуальности отдельных элементов в целом теория устойчивого развития, воспринятая в мировой политике, как стратегия будущего имеет серьезные противоречия. Основными из них, препятствующими четкому законодательному регулированию, считаем: полипредметность, включение в предмет регулирования антагонистических элементов; декларативность поставленных целей и их несоразмерность с предлагаемыми практическими мерами; акцент на негативных последствиях социально-экономических и экологических проблем, а не на их причинах; преобладание количественных (постоянно изменяющихся) индикаторов устойчивости над качественными, что не дает понимания о состоянии связей внутри системы, ее жизнеспособности, то есть способности выдерживать внутренние и внешние нагрузки.

Несостоятельность теории устойчивого развития как целостной концепции не должна привести к игнорированию проблем, на которые она нацелена. Отказ от стратегии развития любой ценой является важной идеей, объединяющей все человечество. Еще в конце прошлого века ученые просчитали предельность экономики роста и ее негативные последствия для всех государств [8, с. 72]. Поэтому универсальным можно признать комплексный подход к решению экологических проблем, который требует адекватных мер во всех областях человеческой жизнедеятельности. Не менее значима согласованность действий различных государств.

Вместе с тем, на современном этапе наиболее эффективными могут быть меры принимаемых на уровне отдельных государств и их региональных объединений. Возможности глобального регулирования в условиях «пермокризиса» и отрицания оснований действующего миропорядка весьма ограничены во многом вследствие их несправедливости. Так, Комитет по устойчивому развитию ООН включает представителей 53 государств. При этом большинство из них (39) представляет три региона (Северную Америку, Западную Европу и Африку). Поэтому одним из способов обеспечения устойчивого развития на данном этапе может стать динамически развивающаяся система национального законодательства.

В позитивистской теории права бытовало устойчивое представление о том, что законодательство регулирует отношения между людьми. Причем право (в позитивистской доктрине – синоним законодательству) выступало только одним из социальных регуляторов, выполняющих охранительную и регулятивную роль с опорой на государственное принуждение.

¹ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

Социальные нормы отделялись от технических правил, предназначенных для регулирования отношений между человеком и сферой техники.

Исходя из этого выстраивалась иерархическая централизованная система законодательства. В ней юридическая сила правил поведения (норм права) определялась исходя из возможностей принуждения, входящих в компетенцию того или иного компетентного органа.

Сложность понятия устойчивое развитие показывает, что такой подход к выстраиванию системы законодательства является односторонним. Во-первых, три основных типа отношений с участием человека, а именно «человек-окружающая среда», «человек-техника», «человек-общество» тесно взаимосвязаны [13, с. 900–906]. Поэтому законодательное регулирование не может ориентироваться только на один тип отношений, а требует комплексного подхода. Во-вторых, усложнение, в том числе цифровизация общественных отношений стимулирует разработку государством правил поведения в новых социальных и технико-экономических сферах для обеспечения общественного порядка. Все это приводит к увеличению законов и качественному усложнению системы законодательства.

Структура законодательства напрямую связана с правоустановительной и нормоустановительной деятельностью государства, а также состоянием предмета, который оно регулирует.

Связь с нормоустановительной деятельностью проявляется в том, что регулирование каждого из элементов устойчивого развития требует разработки целого спектра технических (правила удобного и простого достижения известного практического результата с использованием законов природы), хозяйственно-экономических (шаблоны использования материальных средств для достижения целей), социально-технических (правила, построенные на принципе общей пользы порядка), нравственных (установление определенного нравственного давления, исходящего от государства и направленного на граждан) и даже условно-бытовых (правила организации должного быта) норм.

Нормы-долженствования в системе законодательства государства, нацеленного на устойчивое развитие, должны быть сбалансированы правовыми установлениями. Под ними понимаются правила социальной жизни, предоставляющие субъекту возможность поступать по своему усмотрению.

Правоустановления каждого государства базируются на духовных и нравственных принципах, объединяющих людей в организованное целое. Тем самым человек в данных духовно-нравственных пределах получает свободу действий. Обе разновидности правил впоследствии оформляются в статьях нормативных правовых актов. Такой сбалансированный подход предотвращает доминирование принципа формальной законности над принципом личных прав и выступает гарантой сохранения в обществе идеалов права и нравственности.

Приоритетным вопросом повестки устойчивого развития справедливо считается экология. Сегодня экологическая безопасность выступает стратегическим национальным интересом большинства государств мира [8, с.200]. В частности, в законодательстве РФ экологическая безопасность неотъемлема от национальной безопасности¹. Поэтому решение вопросов устойчивого развития должно обеспечиваться экологическим законодательством, которое играет роль специальной отрасли в системе законодательства государства, нацеленного на устойчивое развитие.

Так, в актах стратегического планирования устанавливаются цели, задачи, механизмы реализации задач устойчивого развития. На уровне подзаконного регулирования закрепляются конкретные практические меры их исполнения.

Система законодательного регулирования напрямую связана со структурой государства. К примеру, в федеративном государстве регулирование осуществляется как на федеральном, так и на региональном уровнях.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

Объект законодательного регулирования стратегии устойчивого развития имеет сложный характер и включает природные, природно-антропогенные и антропогенные явления, отношения и процессы.

Цель законодательного регулирования в рамках реализации стратегии устойчивого развития может быть сформулирована следующим образом: обеспечение экологической безопасности и защита прав граждан на безопасную окружающую среду. Такая формулировка цели предполагает сбалансированный подход к соотношению обязанностей и прав граждан, способствует экологической трансформации как социально-экономической, так и иных сфер общественной жизни [14, с. 27–30].

Данный баланс следует закрепить в законодательстве. К примеру, в Основах государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 года наряду с иными целями и принципами закреплено соблюдение экологических прав граждан¹. Однако данное положение не получило конкретизации ни в задачах, ни в предложенном механизме реализации государственной политики.

Полагаем, что действенность норм экологического законодательства и ожидание их положительного воздействия на формирование экологического сознания населения напрямую связано с содержанием норм, которые в них выражены [2, с. 28–40]. Данные нормы должны содержать вариант возможного или должно поведении по отношению к природе для снижения на нее антропогенного воздействия [8, с. 20], иметь форму нормативных требований или правоустановлений, быть информативными и понятными, иметь конкретный механизм реализации.

В целом структура системы законодательства государства, нацеленного на устойчивое развитие, складывается из следующих элементов: специальное законодательство (природо-ресурсные и природоохраные НПА), общие НПА (акты конституционного значения, акты стратегического планирования), межотраслевые НПА (отраслевые кодифицированные акты, общесоциальные законы).

Структура системы законодательства как организованное строение взаимосвязанных элементов (норм и правоустановлений, выраженных в НПА), обеспечивающее сохранение основных свойств и функций законодательства включает содержание (цель, предмет, элементы, свойства) и форму может быть выражена в схеме, представленной на рис. 1.

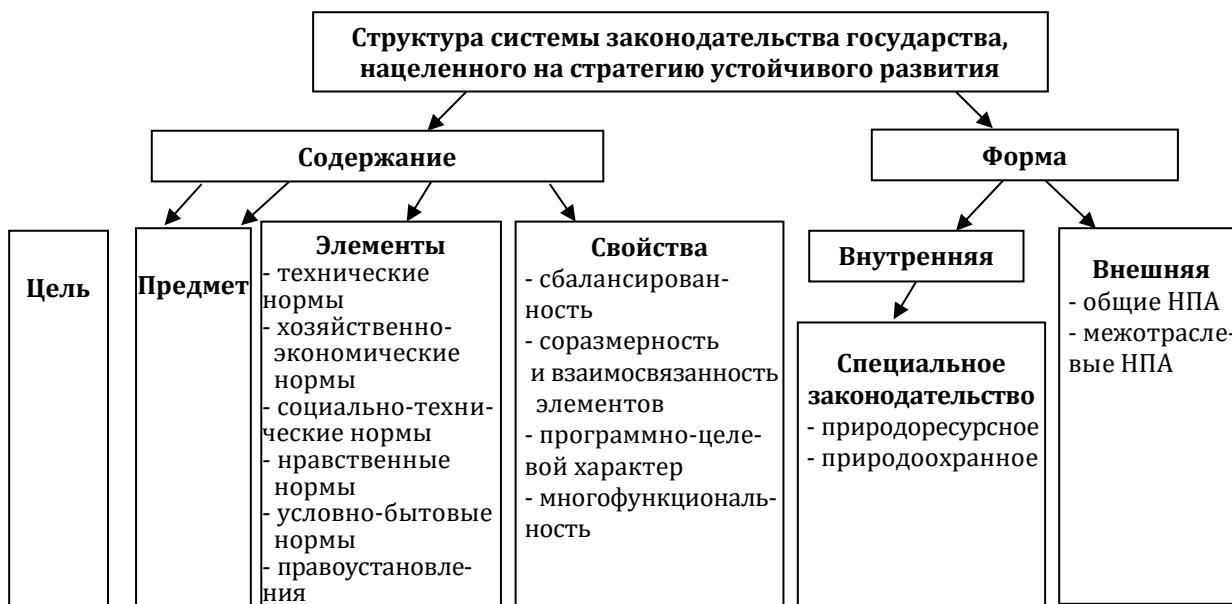

Рис. 1. Структура системы законодательства государства, нацеленного на стратегию устойчивого развития

Fig. 1. The structure of the state's legislative system aimed at a sustainable development strategy

¹ «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. Президентом РФ 30.04.2012).

Все вышесказанное позволяет сформулировать ряд выводов: во-первых, на современном этапе развития государство остается единственной силой, способной организовать общество, скоординировать индивидуальное и групповое поведение и обеспечить властно-нормативный порядок для решения общих проблем, угрожающих основам жизнедеятельности людей.

Для их решения необходимы конкретные реалистические шаги, нацеленные на постепенное улучшение отдельных сторон государственной жизни. Их реализация в современном государстве требует разработки определенных шаблонов должного поведения, закрепленных в законодательстве.

Во-вторых, теория, ставшая концептуальной основой международных актов по устойчивому развитию, характеризуется такими недостатками как противоречивость, полипредметность, декларативность, что не позволяет ее имплементировать в национальное законодательство. Негативными последствиями ее имплементации станет постановка противоречивых целей законодательного регулирования, практическая невыполнимость доктринально-декларативных установок, снижение авторитета национального законодательства и доверия к государству.

В-третьих, система законодательства государства с устойчивым развитием должна обладать такими свойствами как *сбалансированность* (разумное соотношение стабильных принципов жизнедеятельности и положительных динамических принципов развития, соответствующих тенденциям современной жизни); *соподчиненность*, лежащих в основе ее содержания нормоустановлений и правоустановлений; *комплексность* ее структуры и *взаимосвязанность* отдельных ее элементов, обеспечиваемая гарантированными государством и последовательно реализуемыми в конкретных мероприятиях принципами государственной политики, согласованными с общечеловеческими ценностями и общественным мнением граждан конкретно-исторической эпохи; *программно-целевой характер*, выражющийся в планировании законодательной деятельности с выделением приоритетных ее направлений; *многофункциональность*, то есть выполнение не только регулятивной и охранительной, но и воспитательной и культурной функции, стимулируя население к соблюдению экологических стандартов современной жизни.

Список источников

1. Дульзон А. А. Парадокс устойчивого развития. М., Триумф, 2018. –264с.
2. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы стратегирования в экологическом праве // Lex russica (Русский закон) (2020) №1 (158). С. 28–42.
3. Иглин А. В., Левина Я. В. Проблема международной ответственности государства за загрязнение окружающей среды // Теория права и межгосударственных отношений. 2017. № 1 (5). С. 20-29.
4. Кондратьев К. Я., Крапивин В. Ф., Лакаса Х., Савиных В. П. Глобализация и устойчивое развитие. Экологические аспекты. Введение. СПб., Наука, 2005. – 259 с.
5. Кузнецов О. Л., Больщаков Б. Е. Устойчивое развитие. Научные основы проектирования в системе природа-общество-человек. СПб. – М., Дубна, 2002. – 604 с.
6. Epifanova, T. V. Correlation of private and public legal interests as theoretical and scientific and practical problem of modern law / T. V. Epifanova, T. V. Shatkovskaya // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Vol. 7. P. 625–643.
7. Львов Д. С. Экономика развития. М., 2002. – 512с.
8. Маклаков В. В., Креопалов В. В., Киселева А. И., Шкляр Т. Л., Нарциссова С. Ю. Обеспечение техногенной безопасности и актуальные проблемы экологии. М., Академия МНЭПУ, 2020. – 278с.
9. Meadows D.K., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. The limits to growth. New York, 1972.
10. Моисеев Н. Н. Коэволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза // Экология и жизнь. 1997. № 2–3. С. 4–7.
11. Ougolnitsky G.A., Usov A.B. Problems of the sustainable development of ecological-economic systems, Global Climatology and Ecodynamics: Anthropogenic Changes to Planet Earth, Eds.A.P.Cracknell, V.P.Krapivin, C.A.Varotsos. Springer-Praxis, 2009. P.427–444.
12. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России, Рук. авт. колл. Н.Ф. Глазовский. М., 2002. – 444 с.

13. Shatkovskaya Tatiana V., Epifanova Tatiana V. Vovchenko Natalia G., Maslova Irina S. Goals, and Interests in the Law of the Digital Age, Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. Springer Nature Switzerland AG, 2020. P. 899–907.

14. Тарко А. М. Антропогенные изменения глобальных биосферных процессов. Математическое моделирование. М., 2005. – 232 с.

References

1. Dulzon A. A. *The paradox of sustainable development*. Moscow: Triumph; 2018. 264 p. (In Russ.)
2. Zhavoronkova N. G., Vypkhanova G. V. Legal problems of strategizing in environmental law. *Lex russica (Russian Law)*. 2020;1(158):28–42. (In Russ.)
3. Iglin A.V., Levina Ya.V. The problem of international responsibility of the state for environmental pollution. *Theory of Law, and Interstate Relations*. 2017;1(5):20–29. (In Russ.)
4. Kondratyev K. Ya., Krapivin V. F., Lakasa H., Savinykh V. P. *Globalization, and sustainable development. Environmental aspects. Introduction*. St. Petersburg: 2005. 259 p. (In Russ.)
5. Kuznetsov O. L., Bolshakov B. E. *Sustainable development. Scientific foundations of design in the nature-society-human system*. St. Petersburg – Moscow, Dubna: 2002. 604 p. (In Russ.)
6. Epifanova T. V., Shatkovskaya T. V. Correlation of private and public legal interests as theoretical and scientific and practical problem of modern law. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2016;(7):625–643.
7. Lvov D. S. *Economics of Development*. Moscow; 2002. 512 p. (In Russ.)
8. Maklakov V. V., Kreopalov V. V., Kiseleva A. I., Shklyar T. L., Nartsisova S. Yu. *Ensuring technogenic safety and current environmental problems*. Moscow: Academy of MNEPU; 2020. 278 p. (In Russ.)
9. Meadows D. K., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. *The limits to growth*. New York, 1972.
10. Moiseev N. N. Co-evolution of nature and society. Paths of noospherogenesis. *Ecology and Life*. 1997;(2–3):4–7. (In Russ.)
11. Ougolnitsky G. A., Usov A. B. *Problems of the sustainable development of ecological-economic systems, Global Climatology and Ecodynamics: Anthropogenic Changes to Planet Earth*, Eds. A. P. Cracknell, V. P. Krapivin, C. A. Varotsos. Springer-Praxis; 2009:427–444.
12. *Transition to sustainable development: global, regional, and local levels. Foreign experience and problems of Russia*. Ruk. auto coll. N.F. Glazovsky. Moscow; 2002. 444 p. (In Russ.)
13. Shatkovskaya Tatiana V., Epifanova Tatiana V. Vovchenko Natalia G., Maslova Irina S. Goals, and Interests in the Law of the Digital Age, *Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality*. Springer Nature Switzerland AG. 2020. 899–907.
14. Tarko A. M. *Anthropogenic changes in global biosphere processes. Math modeling*. Moscow: 2005. 232 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. В. Шатковская – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Т. А. Мосиенко – кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

T. V. Shatkovskaya – Dr. Sci. (Jurid.), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA; Professor of Department of Civil Law of Rostov State University of Economics.

T. A. Mosienko – Cand. Sci. (Jurid.), Professor of the Department of Civil Law of Rostov State University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 12.11.2023.

The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 12.11.2023.

Законодательные акты как основа реформ 1860–1870 гг.: историографический аспект

Патия Исмаиловна Абайханова (Магаяева)

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, Карабаевск, Россия, patiya_m@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен исторический опыт государственных реформ, которые являются одной из наиболее актуальных задач российской исторической науки на протяжении всего периода ее развития. Закон от 19 февраля 1861 года не рассматривается как отдельный, изолированный акт, а представляет собой основу модернизации всего государственного строя. Автор отмечает, что изучение законодательной деятельности высших государственных учреждений Российской империи в эпоху фундаментальных реформ 1860-х и 1870-х годов позволяет лучше понять процессы, происходящие в органах власти Российской Федерации сегодня.

Ключевые слова: исторический опыт, крепостное право, национальные окраины, Российская империя

Для цитирования: Абайханова (Магаяева) П. И. Законодательные акты как основа реформ 1860–1870 гг.: историографический аспект // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 17–24. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-17-24>. EDN ZMFANS

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Legislative acts as the basis of the reforms of 1860–1870: historiographical aspect

Patiya I. Abaykhanova (Magayeva)

Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev, Karachaevsk, Russia, patiya_m@mail.ru

Abstract. This article presents the historical experience of state reforms, which are one of the most urgent tasks of Russian historical science throughout the entire period of its development. The Law of February 19, 1861 is not considered as a separate, isolated act, but represents the basis for the modernization of the entire state system. The author notes that the study of the legislative activity of the highest state institutions of the Russian Empire in the era of fundamental reforms of the 1860s and 1870s makes it possible to better understand the processes taking place in the authorities of the Russian Federation today.

Keywords: historical experience, serfdom, national suburbs, Russian Empire

For citation: Abaykhanova (Magayeva) P. I. Legislative acts as the basis of the reforms of 1860–1870: historiographical aspect. *North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(4):17–24.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-17-24>. EDN ZMFANS

Буржуазные реформы в России начались с крестьянской реформы, то есть с отмены крепостного права, которое больше всего препятствовало развитию новых капиталистических отношений.

Новый император Александр II, царствовавший в 1855–1881 гг., будучи наследником, занимал умеренно консервативные позиции в отношении крестьянского вопроса. Но, вступив на престол в момент кризиса старой системы, пробуждения общественного сознания,

стремления общества к реформам, он смог осознать ситуацию и начал искать новые решения и новых людей. «Стремление к преобразованиям обуяло всех», – отмечал один из активных деятелей крестьянской реформы 1861 г., будущий военный министр Д. А. Милютин [1, с. 456]. Дворяне, встревоженные слухами о скором освобождении крестьян, обратились к Александру II, на что в ответ 30 марта 1856 г. царь произнес известную московскую речь, в которой прозвучало и знаменитое «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу» [1, с. 456].

В российской историографии отмечается, что подготовка реформы началась в 1857 г., когда был создан Секретный комитет по крестьянским делам. Год спустя он был преобразован в Главный комитет, который опирался в своей работе на провинциальные дворянские комитеты.

В 1859 г. были созданы редакционные комиссии для объединения материалов провинциальных комитетов, главой которых был назначен Н.А. Милютин. Борьба между прогрессистами и реакционерами развернулась в Главном комитете. Первые настаивали на передаче земли крестьянам за выкуп, вторые – на сохранении всей земельной собственности в руках помещиков и освобождении безземельных крестьян. Победило либеральное течение, то есть крестьяне были освобождены от крепостной зависимости и наделены землей. Но обратите внимание, что основная часть земли осталась за помещиками, что предопределило прусский путь развития.

19 февраля 1861 г. был подписан главный законодательный документ – Манифест о даровании свободы крепостным крестьянам и ряд других актов об отмене крепостного права (о покупке земли, о поземельном устройстве крестьян в различных губерниях. Всего было подписано 17 законодательных актов.

Мнение, что крепостное право было «краеугольным камнем» государственного устройства и его атрибутов в отечественной историографии представляется совершенно бесспорным. Однако в этом «сугубо традиционном взгляде», американский историк - русист, специалист по истории русского либерализма видит только «долю правды», так как эта точка зрения «упускает из вида ту самую «идеологию» реформ, которая обычно объединяет все крупные преобразования в одну эпоху и одну систему» [2, с 365-386].

Как известно, данный период вошел в историю страны как эпоха «великих реформ», хотя с определенного времени в научно-популярной литературе употребляется термин «революция сверху». В этой связи в историографии продолжают оставаться нерешенные проблемы, как хронологические границы эпохи реформ, роль Александра II в проведении реформ, их предпосылки, взаимосвязь между ними и их дальнейшая судьба.

Свое видение спорных моментов, связанных с преобразованиями во второй половине XIX в. в Российской империи предлагает исследователь Л. Г. Захарова. В своей статье «Великие реформы 1860-1870-х гг.: поворотный пункт российской истории», автор отмечает, что отмена крепостного права в России в 1861 г. и последовавшие за ней реформы (местного самоуправления, т.е. земская и городская, судебная, отмена телесных наказаний, военная, народного просвещения, цензуры и др.), проведенные в царствование Александра II, – это «перелом», «поворотный пункт» истории России [4, с.151-167].

В то же время важно подчеркнуть, что император оставался ядром государственного механизма самодержавной России в течение обозначенного периода. Его сохранение в руках всех ветвей и рычагов власти предопределило зависимость эволюции политической системы Российской империи от личности самодержца. В конечном счете это привело к незавершенности реформ, переходу к контрреформам и углублению социально-политических противоречий в начале XX века.

Что касается законодательных актов рассматриваемого периода, то высшие государственные учреждения не установили четкого распределения законодательных функций между Комитетом министров, Государственным советом и Правительствующим сенатом. Наряду с этим, высшие государственные учреждения не обладали правом законодательной инициативы.

Как и прежде, значительное внимание было уделено вопросу деятельности мировых посредников в качестве арбитров при разрешении земельных споров между землевладельцами и крестьянами, т.е. правам как на собственность на землю, так и методам ее разрешения.

Среди авторов, занимавшихся этим вопросом, следует выделить А. З. Попельницкого [12], А. А. Корнилова [5], Н. В. Давыдова, бывшего мирового посредника в проведении крестьянской реформы. Эти авторы, признавая важность и прогрессивность реформы, тем не менее затронули ее недостатки [6–7].

После отмены крепостного права в 1861 г., наиболее последовательной из реформ 1860–70-х гг., проведенных в Российской империи, была судебная (1864 год). Вместо сословного феодального суда она вводила новый, бессословный суд, основанный на принципах юридического равенства.

Новые судебные уставы уголовного и гражданского судопроизводства, утвержденные 20 ноября 1864 г. Александром II, гарантировали «суд скорый, правый и милостивый, равный для всех» [8, с. 305]. И действительно, власти стремились к осуществлению этой цели. Создавались институты присяжных заседателей, адвокатов, нотариат» [9, с. 339].

Судебная реформа впервые утвердила в России 4 основных принципа нового права: независимость суда от администрации, несменяемость судей, гласность, состязательность судопроизводства.

Были созданы общие и мировые суды. Мировой суд (в составе одного человека – мирового судьи) разбирал менее важные дела и гражданские иски.

Общий суд состоял из Окружных судов. Судебных палат и Сената. Окружные суды разбирали все гражданские и уголовные дела (кроме особо важных). Судебная палата рассматривала особо важные уголовные и почти все политические дела (кроме особо важных). Особо важные политические дела были подсудны Верховному уголовному суду, который функционировал не постоянно, а лишь в исключительных случаях. Единой кассационной инстанцией для всех судов империи был Сенат.

Известный историк и публицист Г. А. Джаншиев наглядно показал, насколько судебная реформа была необходима стране и её гражданам, и как её восприняли современники [10, с. 133]. Вот как отзывалась о судебной реформе редакция газеты «Вестник Европы»: «Высочайшая власть, совершившая судебную реформу нынешнего года, сделала прочное дело, историком которого останется сам стоустый народ, а нами в летописях народной жизни назовется годом «откуда есть пошла наша правда» [10, с. 130].

Не менее восторженный отзыв о судебной реформе дается в «Русском Вестнике»: «Из всех великих реформ нынешнего царствования судебная реформа наиболее способна коренным образом изменить условие нашего народного и государственного быта, как ни решительны и глубоки были государственные преобразования, предшествовавшие судебной реформе, ей одной принадлежит самый обширный круг действий на все наши общественные отношения, частные и официальные, и вместе с тем на понятие всех классов народонаселения» [10, с. 133].

Реформы в России 1860-х гг. были рассмотрены и освещены авторами всех изданий серии «История государства и права России» [11–12].

В советской историографии немало работ, посвященных отдельно судебной реформе и ее реализации, среди которых следует отметить работу М. Г. Коротких [13]. В ней автор дает общую характеристику состояния российского судопроизводства до судебной реформы 1864 г., отмечает предпосылки его преобразования на основе анализа проектов Д. Н. Блудова, Д. А. Оболенского, анализирует различные подходы к судебной реформе на подготовительном этапе (1859–1861). Он показывает взаимосвязь изменений в судебной системе с другими реформами (с реформами полиции и военной юстиции, частично с крестьянской реформой), тщательно анализирует вопрос подготовки «Основных положений преобразования судебной части в России» (1862), как основополагающего документа реформы 1864 г.

Для полноты картины покажем, как внедрялись новые реформы в жизнь национальных окраин страны. Если в России реформы были вызваны как социально-экономическими, так и политическими причинами, то на Кавказе причины буржуазных реформ были иными. К примеру, предпосылки реформ в высокогорном Карабае определялись не внутренними нуждами развития экономики края, а, прежде всего, экономическими и политическими потребностями России, которая нуждалась в Кавказе как в geopolитическом пространстве, обеспечивающем ее границы со стороны Турции и Персии, а также как в источнике сырья и рынке сбыта. В Карабае, как и на всем Северном Кавказе, феодализм еще не вступил в стадию своего разложения, то есть здесь еще не было потребности в ускоренном развитии буржуазных отношений.

Главной задачей проведения крестьянской реформы в национальных районах, как ее понимала российская администрация, было расширение торгово-экономических связей центра России с национальными окраинами в целях формирования общероссийского рынка с разветвленной системой, включающей и отдаленные районы Российской империи. Поэтому экономическая необходимость развития крестьянской реформы в Карабае объясняется интересами бурно развивавшегося российского капитализма. Русская буржуазия нуждалась в новых рынках сбыта для своих изделий. «Крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынки дальше, среди того нового населения, которое колонизировало Новороссию, Юго-Восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.» [14, с. 592].

Замкнутость натурального хозяйства, его слабая вовлеченность в товарно-денежные отношения тормозили проникновение в горские общества фабричных изделий, препятствовали развитию у них товарного производства. В этой связи, для дальнейшего «распространения сферы господства капитализма на новые территории» требовалась отмена крепостного права и на Северном Кавказе.

Другой важной причиной проведения крестьянской и земельной реформы в Карабае и других районах Северного Кавказа была борьба крестьян за свое освобождение от власти местной знати. Крестьянские волнения принимали все более широкий характер и доходили до самых глухих аулов. «Дух времени и слухи об освобождении крестьян в России и Закавказском крае возымели свое действие, – писал главнокомандующий на Кавказе военному министру в 1866 г., – и случаи столкновений горских холопов с их владельцами и взаимные жалобы их становились все чаще и чаще, делая отношения между ними все более и более натянутыми» [15, Ф. 452. Оп. 1. Д. 1. Л. 35].

Для изучения вопроса об освобождении крестьян на Северном Кавказе в конце 1866 г. был создан специальный «Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа» [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 42], председателем которого был назначен генерал-адъютант Карцев. Основная роль в деятельности Комитета отводилась сбору сведений «О родах и степенях зависимости» [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 46] и разработке основных положений по освобождению крестьян, причем работа проводилась так, чтобы не ущемить интересы владельцев. Помощник начальника Кубанской области по управлению горцами П. Г. Дукмасов писал, что в области приступили к вопросу «о средствах и порядке прекращения обязательных отношений зависимых сословий к их владельцам, с возможным меньшим ущербом для господ и без крайнего отягощения крестьян» [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 103].

Сбором сведений по округам занимались чиновники и офицеры Кавказской армии. Эльбрусский округ, в состав которого входил Карабай, был поручен адъютанту помощника главнокомандующего Кавказской армии штабс-капитану Бильдерлингу [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 158], хотя основную работу по сбору сведений по Эльбрусскому округу провел его начальник Н. Г. Петрусович, который намного лучше разбирался в нормах обычного права карачаевцев и абазин, чем приезжий чиновник.

Завершив свою работу Комитет предполагал к сентябрю 1866 г., но начальник Эльбрусского округа Н. Г. Петрусович сообщил, что по его округу сведения будут готовы не ранее января 1867 г. [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 266-268.].

По итогам сбора сведений Комитет приступил к выработке примерных условий освобождения. При этом знать рассчитывала на освобождение крестьян без земли и за больший выкуп, а крестьяне надеялись на бесплатное освобождение.

Для дальнейшей работы Комитет выработал примерный проект освобождения, для обсуждения условий которого кавказская администрация предложила избрать депутатов от владельцев и крестьян, что, несомненно, придавало видимость гласного обсуждения.

Каждое сословие избирало депутатов «соответственно тому, сколько крестьян было в их руках» [14, с. 283]. Эльбрусский округ выдвинул 12 человек, в том числе от карачаевских владельцев – 6 человек (2 от биев, 3 от узденей и 1 от азатов) и крестьян – 6 человек. Кроме этих 12 депутатов по Эльбрусскому округу были выбраны по 2–3 представителя от абазинских и черкесских крестьян и владельцев. Выборы депутатов состоялись 1 октября 1867 г. С самого начала обсуждение условий вызвало между депутатами ожесточённые споры и разногласия. В основном расходились на выкупных ценах, которые в Карабае, согласно нормам обычного права, были гораздо выше, чем у черкесов. В связи с этим, карачаевские владельцы были довольны ценами, установленными Комитетом. В итоге обсуждения совещание приняло решение о повышении выкупных цен. Так решавшим при отчуждении оказалось мнение владельцев, а не крестьян.

Следующим спорным вопросом был раздел крестьянского имущества. И на этот раз совещание поддержало требование владельцев, считавших, что половина крестьянского имущества должна перейти к ним, хотя, как отмечал начальник Эльбрусского округа Н. Г. Петруевич, «желательно было бы, чтобы имущество крестьян не подвергалось делению пополам между освобождающимися и владельцами» [14, с. 283]. Наконец, был разработан окончательный вариант условий освобождения крепостных крестьян, согласно которому свобода им доставалась за определенный выкуп, уплачиваемый деньгами или отрабатываемый.

Суть реформы остроумно прокомментировал Г. Ф. Чурсин, сказав: «Карачаевские феодалы взглянули на освобождение крестьян с самой широкой точки зрения и отпустили бывших холопов на все четыре стороны, освободив их от рабства и от земли, на которой они сидели» [14, с. 283].

Таким образом, освобождаемые крестьяне совершенно лишились земельных наделов и не имели возможность выплатить за себя выкуп. Такой подход к решению земельного вопроса не соответствовал положениям Кавказского комитета, согласно которым освобождаемые крестьяне должны были наделяться земельными наделами так же, как и свободные крестьяне, по общенному праву. Во-вторых, этот подход не отменил крепостнический характер дальнейших мероприятий.

Тяжелые условия выкупа грозили полным разорением хозяйству освобождаемых крестьян. «На некоторое время крестьяне останутся в условиях гораздо более тяжелых, чем, в каких они находились до настоящего времени» [15, Ф. 774. Оп. 1.Д. 653. ЛЛ. 266–268] – писал о сложившейся ситуации начальник Кубанской области. Но даже такие условия выкупа не удовлетворяли горских феодалов, стремившихся совершенно избежать приближающейся реформы. «Освобождение крестьян есть мера, противная желанию владельцев», – отмечал Н. Г. Петруевич [15, Ф. 452. Оп. 2. Д. 593. Л. 7].

Заключение добровольных сделок началось в Карабае в конце 1867 г. Крайним сроком для их заключения было назначено 1 мая 1868 г. За это время по таким сделкам освободились 980 чел. В течение первых 3-х месяцев 1868 г. было освобождено еще 1381 человек [16, с. 285].

Чтобы обеспечить владельцев на период посевных, уборочных и сенокосных работ рабочими руками, кавказская администрация перенесла установленный срок отмены крепостного права с 1 мая на ноябрь 1868 г.

При проведении крестьянской реформы сказывалось и пренебрежительное отношение царизма к большинству населения национальных окраин. С «Правилами об освобождении зависимых сословий в горских округах Кубанской области» большая часть крестьянства не могла быть ознакомлена. Многие не имели ясного представления о том, как будет производиться освобождение, т.к. «Правила» не были переведены местной администрацией на национальные языки.

Объявление об освобождении крестьян было оглашено 1 ноября 1868 г. в торжественной обстановке. Начальник Кубанской области объявил о том, что с этого дня крестьяне считаются свободными. Однако это торжественное провозглашение свободы не соответствовало истинному положению вещей. Крестьяне не могли почувствовать себя свободными, так как условия выкупа были очень тяжелыми. Это волновало и кавказскую администрацию, которая опасалась народных волнений. «1 ноября прошло и даже без серьезных недоразумений между освобожденными и их бывшими владельцами» [Ф. 774. Оп. 1. Д 653. Л. 27], – отмечалось в рапорте и. о. начальника Кубанской области генерал-лейтенанта В. Н. Своева.

Для заключения обязательных сделок об освобождении крестьян с первых чисел ноября 1868 г. приступил к работе мировой посредник, прибывший в Карабай специально для урегулирования различных конфликтов.

Намерение кавказской администрации провести реформы в течение 1868 г. не соответствовало реальной действительности, так как фактически реформа только начиналась в конце 1868 г. Для действительного освобождения от своих владельцев крестьянам еще нужно было выплатить огромные суммы или их отработать.

Таким образом, анализ результатов отмены крепостного права в Карабае показывает нерешенность аграрного вопроса и после реформы. Наблюдается дальнейшее ухудшение уровня жизни основной части населения. Кабальные методы эксплуатации бывших крепостных крестьян и рабов привели к обострению социальных противоречий в обществе и его дроблению на новые классы. Но даже такая частичная отмена крепостного права была прогрессивным явлением. В Карабае и других высокогорных районах Северного Кавказа она покончила с рабством, частично освободила крестьян от крепостной зависимости, подорвала основы патриархально-феодальных отношений, разорвала замкнутость натурального крепостнического хозяйства, способствовала втягиванию горского населения в систему всероссийского рынка.

Закон 14 декабря 1893 г. лишал крестьян права требовать выдела своего участка из общинного землевладения после внесения всей выкупной суммы, данного им статьей 165 «Положений» 19 февраля 1861 г. Этим закрывалась реальная возможность освобождения крестьян от власти «мира» и утверждения прав частной собственности крестьян на надельную землю. Наряду с консервацией общины, законом 1886 г. «О порядке разрешения семейных разделов» укреплялась патриархальная власть главы большой крестьянской семьи. Все эти меры не соответствовали проводимой Н. Г. Бунге социально-экономической политике, более того, они ставили преграды на пути создания правового государства и гражданского общества.

Таким образом, в течение десятилетий все реформаторские проекты в России выливались в полумеры, и даже великие реформы 1860 – начала 1870-х гг. не вышли за рамки незавершенных либеральных преобразований. Также противоречиво развивалась в России и судебная реформа. В ней также отразилось нежелание чиновных реформаторов решительно расчистить путь для развития гражданских отношений в сфере политики и права. Ещё более сложным оказалось проведение судебной реформы на Северном Кавказе, где базис оставался феодальным, а в области права господствовали нормы адата, переплетавшиеся с нормами шариата. Специфика юридических норм народов Северного Кавказа препятствовала распространению на них в полном объеме русского законодательства, что, по мнению чиновников кавказской администрации, не способствовало «полному замирению» этого неспокойного края. К общим причинам, побуждавшим правительство проводить судебно-административные реформы, присоединились и местные причины, обусловленные военно-колониальной политической русского царизма. Для народов Северного Кавказа судебная реформа явилась самым кардинальным изменением в их жизни, так как внесла в их жизнь, помимо адатов и шариата, более современные нормы уголовного и гражданского законодательства.

30 декабря 1869 г. в Кубанской области, куда входил и Карабай были введены судебные уставы, изданные 20 ноября 1864 г. в России. Однако они были распространены только на русское население области, а что касается горского населения, то в тот раз судебная реформа их не коснулась. С 1 января 1871 г. горское население Кубанской области перешло в гражданское

управление. Одновременно с введением гражданского управления в горских округах вводились и новые судебные учреждения – Горские Словесные Суды. Аналогичные ранее существовавшим так называемым «народным судам», Горские Словесные Суды имели мало общего с судебными уставами 1864 г. Новые суды вводились, якобы, временно, до полного, как писалось, распространения русского законодательства. В соответствии с этим, для руководства работой судов 18 декабря 1870 г. было обнародовано постановление о введении в Кубанской и Терской областях «Временных правил Горских Словесных Судов», утвержденных кавказским наместником. Но это снова были очередные временные правила, вводившиеся до внедрения судебных уставов 20 ноября 1864 г. В этой связи, во «Временных правилах Горских словесных судов» уточняется, что «предусмотренные уложением о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1866 г.) и отнесенные уставом уголовным судопроизводством 20-го ноября 1864 г. к ведомству окружного суда проступки и преступления изъемляются из ведения горских судов» [17, с. 435].

Исследование показало, что судебная реформа 60–70-х годов XIX в. на Северном Кавказе, вызванная политическими потребностями России, подменяемая различными временными правилами, так и не была распространена на горское население Кубанской области. Русские суды и законы не всегда были последовательны в своих решениях, и попытка сочетать их с местными адатами не всегда получалась удачной. Это было связано с тем, что одни и те же законодательные акты в пределах одной страны применялись по-разному. Введение на Северном Кавказе с 1869 г. судебных уставов по российским образцам 1864 г. не ликвидировало сословности горского суда. В преобразованиях судебной системы на Северном Кавказе имели место консерватизм и непоследовательность. Главными причинами, тормозившими проведение кардинальной реформы горских судов, были различная подсудность населения Кубанской и Терской областей, смешение гражданского и уголовного судопроизводства, вмешательство в судопроизводство администрации.

Справедливости ради отметим, что историография накопила богатый фактический материал, множество ценных выводов и наблюдений, которые позволяют сделать вывод о том, что реформы 60–70-х годов XIX в., проведенные в Центральной России, в том числе и на Северном Кавказе, представляют собой сложное явление. И поэтому их нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, они ломали традиционное устройство горских обществ, но, с другой стороны, эта ломка была исторически оправдана. Несмотря на ограниченность, это были действительно великие реформы, которые изменили коренным образом всю жизнь страны, в том числе и горских народов Северного Кавказа. Они помогли горским народам подняться на более высокую ступень общественного развития.

Вместе с тем изучение данной проблемы остается фрагментарным и изолированным. Сопоставление результатов исследований, анализ работ по различным реформам, более внимательное отношение к знаниям, уже сложившимся в историографии, совместно с расширением круга источников могут дать новые подходы и новые ответы на ряд дискуссионных вопросов в этом направлении.

Список источников

1. Ключевский В. О. Курс Русской истории. Т. 3. М., 1993. 456 с.
2. Эммонс Т. «Революция сверху» в России: размышления о книге Н. Эйдельмана и о другом // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 365-386.
3. Захарова Л. Г. Великие реформы 1860-1870-х годов: поворотный пункт российской истории // Отечественная история. 2005. №4. С. 151-167.
4. Попельницкий А. З. Первые шаги крестьянской реформы// Великая реформа. Ред. А. К.Дживелегова, С. П.Мельгунова, В. И.Пичета. М.,1911. Том 5. 311 с.
5. Корнилов А. А. Деятельность мировых посредников // Великая реформа. Ред. А. К. Дживелегова, С.П.Мельгунова, В. И.Пичета. М.,1911. Том 5. 311 с.
6. Рогов В. А. История государства и права России XIX – начала XX в. М.: Зерцало: ТОО «ТЕИС», 1995. 263 с.

7. Развитие русского права во второй половине XIX-начале XX века / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1997. 364 с.
8. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. 305 с.
9. Пушкирев С. П. Обзор русской истории. Ставрополь, 1993. 339 с.
10. Джаншиев Г. А. Из истории судебной реформы. М., 1883. 130 с.
11. Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2004. 797 с.
12. Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1991. 653 с.
13. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа в России. Воронеж, 1989. 183 с.
14. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. М., 1971. 592 с.
15. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. 452. Оп. 1. Д. 1. Л. 35; Оп. 2. Д. 593. Л. 7.; Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. ЛЛ. 42, 46, 158, 266-268, 27.
16. Невская В. П. Карачай в XIX веке. Черкесск, 1966.
17. Памятники права народов Северного Кавказа. Т.10. Памятники права Карачая/ [сост. и авт. предисл. П. И. Абайханова (Магаяева)]. М.: ООО Изд-во «Перо», 2012. 435 с.
<https://search.rsl.ru/ru/record/01005594121>

References

1. Klyuchevsky V. O. *Course of Russian history*. Vol. 3. Moscow; 1993. 456 p. (In Russ.)
2. Emmons T. "Revolution from above" in Russia: reflections on the book by N. Eidelman and others. *In thoughts about Russia (XIX century)*. Moscow; 1996:365–386. (In Russ.)
3. Zakharova L. G. The Great Reforms of the 1860s and 1870s: a turning point in Russian history. *Russian history*. 2005;(4):151–167. (In Russ.)
4. Popelnitsky A. Z. The first steps of peasant reform. In: *The great reform*. – Edited by A.K.Dzhivelegov, S.P.Melgunov, V.I.Picheta, Moscow; 1911. Volume 5. 311 p. (In Russ.)
5. Kornilov A. A. Activity of world intermediaries. In: *Great reform*. – Edited by A.K.Dzhivelegov, S.P.Melgunov, V.I.Picheta, Moscow; 1911. Volume 5. 311 p. (In Russ.)
6. Rogov V. A. *History of state and law of Russia of the XIX – early XX century*. Moscow: Mirror: TEIS LLP, 1995. 263 p. (In Russ.)
7. *Development of Russian law in the second half of the XIX-early XX century*. Ed. by E. A. Skripilev. Moscow: Naukaj 1997. 364 p. (In Russ.)
8. Eroshkin N. P. *Essays on the history of state institutions of pre-revolutionary Russia*. Moscow; 1960. 305 p. (In Russ.)
9. Pushkarev S. P. *Review of Russian history*. Stavropol, 1993. 339 p. (In Russ.)
10. Dzhanshiev G.A. From the history of judicial reform. Moscow; 1883. 130 p. (In Russ.)
11. Isaev I. A. *History of state and law of Russia*. Moscow: Jurist; 2004. 797 p. (In Russ.)
12. Isaev I. A. *Political and legal utopia in Russia (late XIX – early XX century)*. Moscow; 1991. 653 p. (In Russ.)
13. Korotkov M. G. *Autocracy and judicial reform in Russia*. Voronezh; 1989. 183 p. (In Russ.)
14. Lenin V. I. *The development of capitalism in Russia*. Moscow; 1971. 592 p. (In Russ.)
15. *The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK)*. F. 452. Op. 1. D. 1. L. 35; Op. 2. D. 593. L. 7.; F. 774. Op. 1. D. 653. LL. 42, 46, 158, 266-268, 27.
16. Nevsky V. P. *Karachai in XIX century*. Cherkessk; 1966. (In Russ.)
16. *Monuments of the law of the peoples of the North Caucasus*. Vol.10. Monuments of the law of Karachai. [comp. and author's preface by P. I. Abayhanov (Magayeva)]. Moscow: LLC Publishing House "Pero", 2012. 435 p. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005594121>. (In Russ.)

Информация об авторе

П. И. Абайханова (Магаяева) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Карабаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева.

Information about the author

P. I. Abaykhanova (Magayaeva) – Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Russian history, Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Трансформации социальной структуры и политических институтов традиционного черкесского общества через призму хабзэ в конце XVIII – начале XIX в.

Фатима Анатольевна Озова

Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсиrokova, Черкесск, Россия, fo7799@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу транскриптов черкесских адатов / хабзэ в части норм, касающихся сословных отношений и политических институтов (пшыщхуэ / великий князь / валий, хей / княжеский суд, мекхеме) конца XVIII – начала XIX в. Нормы рассматриваемого периода свидетельствуют о демократической трансформации сословной структуры традиционного черкесского общества и о влиянии шариата на политические институты. Хабзэ, записанные в 1840-х и 1860-х гг., демонстрируют, что кодекс Адыгэ хабзэ, несмотря на дивергенцию социально-политического развития востока и запада страны, продолжал развиваться как единая система права.

Ключевые слова: Восточная Черкесия, Западная Черкесия, собственное законоположение Черкесии Адыгэ хабзэ, трансформация

Для цитирования: Озова Ф. А. Трансформации социальной структуры и политических институтов традиционного черкесского общества через призму хабзэ в конце XVIII – начале XIX в. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 25–33. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-25-33>. EDN ZZCNYB

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Transformations of the social structure and political institutions of traditional Circassian society through the prism of habze in the late XVIII – early XIX centuries

Fatima A. Ozova

Karachay-Cherkess Order "Badge of Honor" Institute of Humanitarian Studies named after H. H. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, fo7799@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of transcripts of Circassian adats / khabze in terms of norms relating to class relations and political institutions (pshchyskhue / grand duke / valii, hey / princely court, mekhkeme) of the late 18th - early 19th centuries. The norms of the period under review indicate a democratic transformation of the class structure of traditional Circassian society and the influence of Sharia on political institutions. Khabze, recorded in the 1840s and 1860s, demonstrate that the code of Adyge khabze, despite the divergence of socio-political development in the east and west of the country, continued to develop as a single system of law.

Keywords: Eastern Circassia, Western Circassia, transformation, own legal status of Circassia Adyge khabze

For citation: Ozova F. A. Transformations of the social structure and political institutions of traditional Circassian society through the prism of habze in the late XVIII – early XIX centuries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):25–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-25-33>. EDN ZZCNYB

Значительный вклад в изучение обычного права народов Северного Кавказа, в частности черкесов, внесли как исторические, так и юридические исследования последних десятилетий. Многие из них состоялись в рамках проекта *Правовой мир Кавказа*, объединяющего большое число историков и юристов во главе с вдохновителем и основателем этого проекта доктором юридических наук, профессором Д. Ю. Шапсуговым. За 2011–2023 гг. в рамках этого проекта изданы не только десятки томов «Антологии памятников права народов Кавказа», вобравшие в себя важнейшие источники по праву практически всех народов Кавказа, но и материалы тридцати (на 2023 г.) научно-практических конференций, посвященных правовой культуре Кавказской цивилизации. Первые пять томов «Антологии...» вобрали в себя памятники права черкесов – наиболее крупного до 60-х гг. XIX в. кавказского этноса. Вопросам правогенеза, политогенза и социогенеза черкесов также посвящены многие материалы ежегодных конференций проекта.

В настоящей статье на основе анализа хорошо известных памятников права черкесов акцентируется внимание на тех трансформациях сословной структуры и политических институтов традиционного черкесского общества в конце XVIII – начале XIX в., которые по каким-то причинам остались без внимания исследователей до настоящего времени и на которые обратил свое внимание автор этой статьи благодаря публикациям профессора Д. Ю. Шапсугова [16–23].

Правовое пространство Черкесии составляло несколько полей. Наибольшее из них охватывало всю страну и опиралось на нормы хабзэ, принятые на общечеркесских собраниях / хасэшхуэ. Значительная часть хабзэ имела партикулярный характер: регулировала правовые отношения в отдельных княжествах, уделах, с конца XVIII в. – еще и в демократических республиках.

Источниками права в Черкесии отражавшими содержание обычаев / хабзэ, были законодательные акты народных собраний хасэ, зэгурыIуэ / соглашения, уэркътын / дворянские пожалования, дыщырыкI / личное имущество замужней женщины, в основе которого лежало ее приданное, уасэ / выкуп [за невесту] [9, с. 10]. *Форма права* имела внешнее выражение в зэгурыIуэ / соглашении, маслагате / прецеденте, актах сословно-представительных собраний / хасэ и судов [9, с. 12]. Решения хасэ и судов облекались в письменную форму под названием *дефтер / дафтар / свиток* [10, с. 296] (этим же термином зачастую именовались также судебники). Прописанные в дефтерах нормы / хабзэ употреблялись в Черкесии в Позднее Средневековье и Новое Время в смысле закона, договора / условия.

Хабзэ передавались из поколения в поколение преимущественно через устную традицию. Однако согласно сведениям одного из первых собирателей черкесских адатов / хабзэ просветителя, историка, филолога, корнета кавказско-горского полуэскадрона в Санкт-Петербурге (1830–1835) Ш. Б. Ногмова (1794–1844), самое раннее законодательное оформление норм обычного права в Черкесии имело место при великом князе / пшимяпш / пщымяпш Черкесии Инале Светлом / Инал Нэху (1427–1465) и в правление в Кабарде одного из его потомков – великого князя / пшишхо / пщышхуэ Кабарды Беслана Тучного / Беслана Пцапца / Беслен Пцапцэ (1498–1525) [12, 95, 125]. В конце XVI в. в оккупированных черкесских городах и на их аграрной периферии великим визирем султана Мурада III Осман-пашой Оздемир-заде (1584–1585) [24, с. 26, 219] был составлен реестр (муфасалдефтер) на основе которого с крестьян и крепостных взимались налоги в пользу черкесских феодальных сеньоров и османского государства [13].

Начало процесса формирования позитивного права, выразившегося в принятии нормативно-правовых актов органами государственной монархической власти и избранными демократическим путем органами управления республик Западной Черкесии, профессор Д. Ю. Шапсугов относит к концу XVIII – началу XIX в. [16, с. 10]. Упоминание о том, что в Кабарде пользовались писанными законами встречаются у исполнявшего должность управляющего Кабарды генерал-майора И. П. Дельпоццо (1805–1815), отмечавшего, что в конце XVIII – начале XIX в. при судебных разбирательствах в Кабарде руководствовались письменными судебниками / дафтарами [4, с. 11]. В первой половине XIX в. в Кабарде также имели хождение несколько сборников («тетрадей»), использовавшихся для руководства в судебных разбирательствах [10, с. 48]. Эти записи хабзэ / адатов, использовавшиеся в судебных разбирательствах в Черкесии до включения в состав

Российской империи, имеют наибольшую источниковую ценность для понимания природы правовой культуры черкесов.

В контексте территориальной экспансии Российской империи в Черкесию в 1763–1864 гг. (в Кабарде в 1763–1822 гг.; в Западной Черкесии – в 1830–1864 гг.) также была проведена кодификация черкесских адатов / хабзэ. Имевшиеся в Кабарде записи обычно-правовых норм были сведены в 1822 г. в один свод и представлены в 1822 г. генералу А. П. Ермолову секретарем канцелярии великого князя Кабарды (1806–1822) и секретарем Кабардинского времененного суда (1822–1838) Я. М. Шардановым [4, с. 11]. В него вошел замечательный памятник права черкесов «Постановления о сословиях в Кабарде». Он впервые был опубликован как приложение к труду Ш. Б. Ногмова на немецком и русском языках. Этот документ, состоявший из четырех частей, наиболее полно описан Х. М. Думановым [14, с. 12–13].

Возникновение первой и второй частей «Постановлений о сословиях в Кабарде» датируется периодом не позже XVII – начала XVIII в. [14, с. 9]. Очевидно, они содержали в себе также поправки, внесенные в них на протяжение всего XVIII в. В них дана удельная структура Кабарды, названы сословные категории феодального кабардинского общества. 26 статей содержат нормы, составлявшие Пши хабзэ – княжеское право, Уорк хабзэ – дворянское право, Тлхукотль хабзэ – крестьянское право [1, с. 71]. Взаимные права тех и других были определены в нормах обычного права детально. Пункт 27 ст. 26 касался отношений кабардинских князей с представителями разных социальных слоев соседних народов [14, с. 53, 54].

Важно отметить, что третья («Народное условие, сделанное в 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев») и четвертая («В дополнение кабардинских обрядов установлено до узденей Куденетовых относящееся») части этого документа фиксируют поправки к ранее действовавшим нормам хабзэ, зафиксированным в предыдущих двух частях. «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев» представляет собой «собственно “маслагат”, “народный ряд”, принятый кабардинцами на общем народном собрании, после бывших перед этим замешательств, и установивший новый modus vivendi между отдельными классами» [10, с. 48, 49]. В данном случае еще раз находит подтверждение тезис о том, что адат, привычно ассоциирующийся с неизменными дедовскими обычаями, на самом деле динамично менялся, «фиксируя не столько преемственность, сколько прецедент очередного изменения правового обычая» [2, с. 34]. Главной причиной принятия поправок стала демографическая катастрофа конца XVIII — начала XIX в., унесшая жизни 90 % населения Кабарды [3, с. 62]. (Чума и отчасти военные действия в Кабарде в начале XIX в. имели более катастрофический масштаб чем пандемия чумы в Европе / Черная смерть, пик которой пришелся на 1346–1353 гг. и унесшей жизни 30–60 % населения европейских стран, в том числе Руси и Черкесии).

В сорока одной статье «Народного условия...» зафиксировано изменение «отношений привилегированных сословий к подвластным» [10, с. 50]. Здесь также закреплено разграничение компетенций адата / хабзэ, шариата и российских законов. На наш взгляд, ст. 22, 23, 24 должны были предотвратить окончательную депопуляцию ее населения путем запрета на свободное переселение уорков и вольноотпущенников / азатов [12, с. 163]. Важные изменения коснулись института великого князя, названного в этом памятнике права на турецкий манер валием (ст. 26), и судебной системы Кабарды. Ст. 26, 27 зафиксировали рецепцию норм шариата в Адыгэ хабзэ Кабарды: постоянные княжеские суды были преобразованы в духовные суды. Соответственно, поменялось и наименование судов: исконное черкесское xe / хей было заменено на межкеме [12, с. 164]. Однако в вопросах межсословных отношений, как свидетельствует ст. 20, княжеский суд на основе адатов / хабзэ продолжал действовать безальтернативно для крепостных крестьян («черни»). Дела, касающиеся «народа», за исключением межсословных споров между князьями и уорками, могли по желанию сторон разбираться как по адату / хабзэ, так и по шариату [12, с. 163].

Хабзэ / адаты, объединенные под рубрикой «В дополнение кабардинских обрядов установлено до узденей Куденетовых относящееся», содержали статьи-поправки к нормам,

регламентировавшим межсословные отношения. Часть из них касалась привилегий первостепенных дворян / тлекотлешей Куденетовых [12, с. 166]. Сюда же вошли статьи, регулировавшие отношения крестьян с другими сословиями [1, с. 72].

Поправки, зафиксированные в третьей и четвертой частях «Постановлений о сословиях в Кабарде» действовали до 1822 г., когда Кабарда стала частью Российской империи и на смену кабардинским хабзэ, особенно в области сословных и социально-политических отношений, пришли прокламации генерала А. П. Ермолова и составленное на их основе «Наставление временному суду в Кабарде» [10, с. 257–259].

Систематический сбор сведений о правовой культуре черкесов и кодификация хабзэ / адатов начались в период планирования территориальной экспансии в Кабарду Российской империей, т. е. в 1740 гг.; они продолжились в период завоевания Черкесии в 1763–1864 гг. (Кабарды в 1763–1822 гг.; Западной Черкесии – в 1830–1864 гг.).

Одним из первых таких документов была записка, составленная 4–9 июля 1780 г. секунд-майором А. фон Сисингом. Он был направлен в один из кабардинских уделов – Талоустаней – в контексте проводимой командованием Кавказской линии политики социального раскола и колонизации захваченных территорий Кабарды для разбора жалоб крестьян на своих владельцев в соответствии с обычаями. Это ценный документ из 69 ст. был записан со слов черкесских крестьян и иллюстрирует взаимоотношения князей и уорков с податными сословиями в Кабарде и правовое положение последних с большой полнотой [15, с. 23]. Нормы, зафиксированные в этом документе идентичны значительному числу норм, зафиксированных самими кабардинцами во второй части «Постановлений о сословиях в Кабарде» [14, с. 13].

В 1841 г. в условиях начавшейся колонизации Западной Черкесии располагавшиеся здесь черкесские политические субъекты были разделены в зависимости от лояльности к российскому правительству на *мирных* и *немирных*. При этом российские проекты по устройству системы управления распространялись не только на *мирных* (на тот момент это были только черкесы Кабарды), но и на еще независимые субъекты (*немирных*) Западной Черкесии, боевые действия по завоеванию которых начались еще в конце XVIII в.

Первого февраля 1841 г. заведующий Канцелярией по управлению мирными горцами при Генеральном штабе подполковник Д. С. Бибиков (1836–1848) обратился к командующему Отдельным Кавказским корпусом (1837–1842) генералу от инфантерии Е. А. Головину с докладом о необходимости собрать сведения об обычаях (адатах) кавказских народов, так как в соответствии со ст. 2651 десятого тома Свода Гражданских Постановлений судебные разбирательства между представителями народов Кавказа должны были производиться на основе их обычаев и законов [10, с. 90]. Этот доклад дал новый импульс огромной работе по изучению и кодификации обычного права народов Кавказа, в том числе и черкесов: была разработана программа по сбору адатов из 12 категорий вопросов, избраны офицеры, которые могли бы эту работу осуществить [10, с. 93, 94].

В 1843–1844 гг. был подготовлен самый полный свод правовых норм кабардинцев «Полное собрание кабардинских древних обрядов, 1844 г. (кн. Голицына)», названный так в честь начальника центра Кавказской линии подполковника князя А. С. Голицына, руководившего этой программой в Кабарде. Х. М. Думанов выявил значительную роль в подготовке этого свода вышеупомянутого майора Я. М. Шарданова [14, с. 15]. В него вошла значительная часть норм «Постановлений о сословиях в Кабарде», а также собранные в Кабарде показания «почетных стариков» (так звались наиболее авторитетные члены Хасэшхо Кабарды, представлявшие прежде всего аристократическую знать) [10, с. 48]. Все эти нормы были классифицированы и сведены в 12 разделов (в соответствии с программой обследования) и 127 параграфов. Первый (I) раздел воспроизводил обычай административно-территориального разделения Кабарды. Второй (II) – содержал 61 ст. и касался привилегий, прав и обязанностей каждого сословия, включая духовенство. Разделы III, IV представляли собой прежде всего кодекс процессуального обычного права, а VII, VIII, X, XI, XII – материального обычного права. Раздел IX состоял из двух статей, регулировавших отношения между объединенными узами аталычества семьями.

Другим важным памятником права черкесов является подготовленное войсковым старшиной А. А. Кучеровым «Собрание сведений, относящихся к народным учреждениям и законоположению горцев – адату 1845 г. (Кучерова)» [10, с. 152–153]. Собрание А. А. Кучерова – это 95 статей, разделенных между семью главами. Первые пять глав были посвящены сословным отношениям, одна – судам по адатам / хабзэ (процесс и уголовное право), седьмая – наследственному праву в различных сословиях. Считается, что собрание А. А. Кучерова представляет собой обычное право западно-черкесских демократических республик. Однако оно, на наш взгляд, гораздо масштабнее так как охватывает правовые обычаи не только демократических республик, но и княжеств Западной Черкесии. Таким образом, этот памятник права свидетельствует, что в 1840-е гг. система собственного законоположения Адыгэ хабзэ, несмотря на дивергенцию социально-политического развития востока и запада Черкесии, вновь стала развиваться как единая система права. Наиболее яркое подтверждение возможности применения норм Адыгэ хабзэ как в княжествах, так и в демократических республиках дают параграфы: 1, 2, 7, 21, 38–44.

Такая универсальность хабзэ в условиях различных политических систем была обеспечена за счет использования в демократических республиках исторических терминов, выработанных некогда в княжествах, но получивших в условиях новой социальной реальности новое содержание. Следовательно, демократические реформы в республиках Западной Черкесии и консервативные установления черкесских княжеств были взаимоувязаны терминологически, что дало возможность для правоприменения одних и тех же норм как в республиках, так и в княжествах. Подтверждение тому и некоторые факты, которые были бы невозможны даже на рубеже XVIII–XIX в., как, например, брачные и атальческие связи между княжескими и уоркскими (тлекотлешскими) семьями княжеств и старшинскими (тлекотлешскими) семьями в демократических республиках. В последнем случае старшинские семьи назывались тлекотлешскими не в изначальном смысле этого исторического социального термина, т. е. знатными аристократическими, а как представители новой политической силы черкесского общества, состоявшей преимущественно из наиболее богатой прослойки третьего сословия – фактически представлявшей собой буржуазию. Недопустимые в феодальный период мезальянсы в первой половине XIX в. стали постепенно не только возможны, но и приемлемы для старой черкесской аристократии. Наиболее известным примером такого мезальянса стал брак между третьим наимом имама Шамиля в Черкесии шейхом Мухамедом Амином (1848–1859) и сестрой владетельного князя Кемиргоя Джамбулата Болотоко. Одобренный князьями Болотоко брак все еще воспринимался их соотечественниками как «пример неслыханный неравного брака княжны с дагестанским пастухом» [10, с. 187]. Или то, что тому же Мухамеду Амину сошла с рук казнь (по решению духовного суда межкеме) маюшевского князя Мухамеда Багарсоко за сношения с командованием Кавказской линии. Или атальческие связи между княжеской фамилией Болотоко с абадзехскими и убыхскими старшинскими родами.

Приведенный факт взят из помещенного Ф. И. Леоновичем в своем издании значительного фрагмента из этнографических записок К. Ф. де Стала («Адаты черкес Кубанской области. Извлечение из этнографического очерка черкесского народа, составленного генерального штаба полковником бароном Сталем в 1849 г.» [10, с. 158–202]). В них приводятся ценные сведения о различных аспектах политической (черкесская монархия, сословно-представительные собрания, судебная система), социо-нормативной (обычное право, гостеприимство, атальчество, кровная месть) и духовной культуры (верования и искусства). Барон де Сталь также собрал ценную информацию о хозяйственной деятельности третьего сословия тлхукотлей у абадзехов, впервые установивших в Черкесии демократическое правление. Немаловажны в этом контексте и факты о купле-продаже обрабатываемых участков земли в Абадзехии [10, с. 193].

Однако следует отметить, что К. Ф. де Сталь не дифференцировал аристократию черкесских княжеств от категорий третьего сословия демократических республик, которые, как и первые назывались уорками и тлекотлешами [10, с. 190]. Хотя он и отмечал, что они не сопоставимы по своей социальной значимости с тлекотлешами в княжествах [10, с. 192].

Тем не менее он объединил уорков княжеств и республик и дал их общее число в 100 тыс. [10, с. 190]. Таким образом, в одной цифре были неправомерно исчислены разряды населения, имеющие различную социальную природу: феодальное дворянство и наиболее богатая прослойка третьего сословия. Описывая систему управления в демократических республиках, он вновь отождествляет уорков в этих республиках и уорков в княжествах [10, с. 192], что вносит значительную путаницу в понимание вопросов социально-политического развития черкесов. Учитывая, что, действительно, как в княжествах, так и в демократических республиках имелась категория населения называвшаяся уорками, следует различать их: сословие уорков трех, четырех или пяти степеней княжеств следует именовать, как это принято в кавказоведении, дворянством и теми наименованиями, которые они получили еще в эпоху Беслана Пцапца: тлекотлеш, дыжинуго, уорки-шаотлегусо, беслен-уорки. Под уорками же демократических республик – узденями или уорками I степени-тлекотлеш и уорками II степени – следует понимать разряды среднего / третьего сословия. Во втором случае тюркская лексема уузденъ употреблялась в своем исконном смысле: *свободный, вольный, а значит благородный, человек*.

Весьма важными источниками по политической и правовой истории черкесов являются записи норм обычного права / хабзэ дипломатического чиновника при генерале А. А. Вельяминове Л. Я. Люлье и заведовавшего Черноморской береговой линией генерал-майора Н. И. Карлгофа (1850–1854).

Записи Л. Я. Люлье были сделаны на основе непосредственного пятилетнего пребывания в черкесской среде. В итоге в 1840–1860-е гг. появились его записи [11], фундированные ценной информацией об административно-территориальной структуре Западной Черкесии, о характере управления в различных провинциях Черкесии, классификации провинций по характеру управления. Для нашей темы важно подчеркнуть, что Л. Я. Люлье, дифференцировал исторические термины *Адыгэ-чиль* и *Абадзе-чиль* и раскрывал не только их этническое, но и социальное наполнение. К Адыгэ-чиль относились политические субъекты с аристократическим управлением, к Абадзе-чиль – не только этнические абазины, но и черкесские политические субъекты с демократическим управлением, установившемся здесь после демократических преобразований конца XVIII – середины XIX вв. [11, с. 9]. Благодаря Л. Я. Люлье сохранились записи норм наиболее подробные сведения о хронологии демократических преобразований в Западной Черкесии, механизме демократического переворота здесь и роли в его обеспечении сословно-представительных собраний, принципах управления в демократических республиках, различиях в процессе формирования Абадзехии, Шапсугии и Натхъуаджа [11, с. 17–23]. Неоценимое значение для реконструкции традиционной системы судопроизводства в Черкесии имеет статья Л. Я. Люлье «Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухажцев» [11, с. 37–47].

Н. И. Карлгоф выявил отличие социально-политических институтов у черкесов и европейцев [8, с. 517], особенность социо- и полите-генеза черкесского общества [8, с. 523]. Н. И. Карлгоф выделил основополагающие принципы, на которых строилось черкесское общество, ему принадлежит один из наиболее точных анализов сословной структуры черкесского общества [8, 522–523].

Особую ценность для понимания принципов социально-политической организации черкесского общества представляют сведения, собранные служившим на Западном Кавказе подполковником Н. Л. Каменевым (1863–1867). Изучив черкесский язык, он смог записать у носителей языка ценные сведения, в том числе они касались и норм, регулировавших социально-политические отношения в черкесском обществе. Сопоставляя собранные данные с археологическими и письменными источниками, он дал характеристику основам правовой и политической культуры черкесов, их главным социальным и политическим институтам, системе их взаимодействия [6, 7].

Записки Н. Л. Каменева содержат уникальные материалы по политической, социальной и правовой истории черкесов. Они позволяют увидеть ключевые события в истории этой страны более чем за 200-летний период. Собранный Н. Л. Каменевым материал позволяет выявить факторы, приведшие в Западной Черкесии к демократической революции 1796–1803 гг., судить о ее движущих силах, оценить трансформацию социально-политической системы

Черкесии в ее результате, возникновение на основе западно-черкесских княжеств в ходе демократических преобразований демократических республик: Абадзехии, Шапсугии, Натухая / Натхокуаджа, Убыхии. Существенное значение имеет использование Н. Л. Каменевым для описания как феодальной истории Черкесии, так и демократических процессов в ней исконных черкесских исторических терминов. Воспроизведение черкесской терминологии в черкесской транслитерации, с сохранением семантики лексем имеет неоценимое значение.

Таким образом, транскрипты адатов / хабзэ черкесов не только зафиксировали действовавшие в черкесском традиционном обществе правовые нормы, но и их трансформации в области социальных и политических отношений в конце XVIII – первой половине XIX в.

Список источников

1. Антология памятников права народов Кавказа. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009. Т. 1. – 671 с.
2. Бобровников В. О. Кавказский адат в российской науке и политике XVIII–XIX вв.: источники, практики, подходы // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: Материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 10–13 октября 2023 г.). – Ростов-на-Дону: Изд. ЮНЦ РАН, 2023. – С. 29–37.
3. Дельпоццо И. П. Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. – С. 9–41.
4. Думанов, Х. М. Якуб Шарданов: из истории изучения обычного права кабардинцев. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 83 с.
5. Каменев Н. Л. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 2 (13 января). – С. 7, 8; № 5 (4 февраля). – С. 19, 20; № 14 (8 апреля). – С. 55, 56; № 23 (7 / 17 июня). – С. 92, 93; № 27 (15 июля). – С. 107, № 28 (22 июля). – С. 111, № 29 (29 июля). – С. 115, 116, № 49 (16 декабря). – С. 205, 206, 207.
6. Каменев Н. Л. О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 15, 16, 17, 18.
7. Каменев Н. Л. Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в особенности // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 39 (7 октября). – С. 159, 160.
8. Карлгоф Н. И. О политическом устройстве черкесских племен, населявших северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т. 28. Кн. II. – 517–551.
9. Крымшокалова Ф. Х. Источники обычного права кабардинцев в XVIII – второй половине XIX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2006. – 23 с.
10. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. – Одесса: Тип. П. А. Зеленаго, 1882. – 396 с.
11. Люлье Л. Я. Черкессия: историко-этнографические статьи. – Краснодар: Изд. Общества изучения Адыгейской автономной области и Адыгейского областного историко-этнографического музея, 1927. – 48 с.
12. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Сост. Т. Х. Кумыков. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.
13. Озова Ф. А. «Адыгская вотчина» В. Х. Кажарова как ключ к изучению социально-экономической системы Черкесии XVII в. // Новая Турция (журнал). Анкара, 2015. № 79. С. 630–636.
14. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. / Сост. Х. М. Думанов, Ф. Х. Думанова. – Майкоп: Меоты, 1997. – 280 с.
15. Сисинг А. фон. Описание о податях, чинимых от черного народа своим узденям: Новый источник о социальных отношениях в Кабарде в конце XVIII в. / Х. Ж. Беров // Советские архивы. 1986. № 6. – С. 23–26.
16. Шапсугов Д. Ю. Правогенез у народов Северного Кавказа: «республиканская» и «монархическая» модели формирования права. (Постановка проблемы) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 3. – С. 7–12.
17. Шапсугов Д. Ю. Теоретико-правовые основания исследований правового мира Кавказа // Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Международной научно-практической конференции. Нальчик, 14–15 апреля 2011 г. / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д., 2011. – С. 8–14.
18. Шапсугов Д. Ю. Государство и право народов Кавказа как историко-политический факт и научная проблема // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития. Материалы

Международной научно-практической конференции. Нальчик, 27–28 апреля 2012 г. / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д., 2011. – С. 6–8.

19. Шапсугов Д. Ю. Проблема органичности государственно-правового развития в истории государства и права народов Кавказа // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития. Материалы III Международной научно-практической конференции. Нальчик, 27–28 апреля 2012 г. / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д., 2012. – С. 22–34.

20. Шапсугов Д. Ю. Проблемы формирования методологии исследования, адекватной истории государственно-правового развития народов Кавказа // Государство и право народов Кавказа: проблемы методологии исследования государственно-правового развития народов Кавказа: Материалы Международной научно-практической конференции. Нальчик, 21–22 мая 2013 г. / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д., 2013. – С. 14–30.

21. Шапсугов Д. Ю. Политико-правовые компоненты кавказской цивилизации // Право Кавказской цивилизации: истоки, особенности, мировое значение. (К 150-летию окончания Кавказской войны): Материалы IV Международной научно-практической конференции. Нальчик, 21–22 мая 2014 г. / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д., 2015. – С. 39–47.

22. Шапсугов Д. Ю. Основные проблемы исследования процессов формирования, развития, трансформации политico-правовых компонентов Кавказской цивилизации. (Вступительное слово) // Политико-правовые компоненты Кавказской цивилизации: общее и особенное в системах власти, правовых институтах, ценностях, менталитете народов Кавказа: Материалы V Международной научно-практической конференции. Нальчик, 20–23 мая 2015 г. / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д., 2015. – С. 6–13.

23. Шапсугов Д. Ю. Об основных тенденциях в развитии и исследовании систем власти и права на Кавказе (XVIII–XX вв.): Вступительное слово // Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи, Советов (XVIII–XX вв.): сравнительный анализ. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Нальчик, 18–21 мая 2016 г. / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д., 2016. – С. 7–14.

24. Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Отв. ред и сост. А. Д. Желтяков. Пер. А. П. Григорьева. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: Наука, 1979. – 287 с.

References

1. *Anthology of monuments of the law of the peoples of the Caucasus*. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House; 2009. Vol. 1. 671 p. (In Russ.)
2. Bobrovnikov V. O. Caucasian adat in Russian science and politics of the XVIII–XIX centuries: sources, practices, approaches. In: *Peoples of the Caucasus in the XVIII–XXIV centuries: history, politics, culture: Materials of the X International Forum of Historians of the Caucasus*. Rostov-on-Don; 2023. (In Russ.)
3. Delpozzo I. P. A note on the Big and Small Kabarda. In: *Russian authors of the XIX century on the peoples of the Central and Northwestern Caucasus: In 2 vols.* – Nalchik; 2001. Vol. 1:9-41. (In Russ.)
4. Dumanov H. M. *Yakub Shardanov: from the history of the study of the ordinary the rights of Kabardians*. Nalchik: Elbrus; 1988. 83 p. (In Russ.)
5. Kamenev N. L. Psekups basin. *Kuban military vedomosti*. 1867. № 2 (January 13). – pp. 7, 8; № 5 (February 4). – Pp. 19, 20; № 14 (April 8). – With. 55, 56; № 23 (7 / 17 June). – Pp. 92, 93; № 27 (July 15). – p. 107, № 28 (July 22). – p. 111, № 29 (July 29). – Pp. 115, 116, № 49 (December 16). - Pp. 205, 206, 207. (In Russ.)
6. Kamenev N. L. On dependent estates in the mountainous population of the Kuban region. *Kuban military vedomosti*. 1867;(15, 16, 17, 18). (In Russ.)
7. Kamenev N. L. A few words about the colonization of the Western Caucasus in general and the Psekupsky regiment in particular. *Kuban military vedomosti*. 1867;39 (October 7): 159, 160. (In Russ.)
8. Karlgoф N. I. On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea. *Russian Bulletin*. 1860;(28). Book II:517–551. (In Russ.)
9. Krymshokalova F. H. *Sources of customary law of Kabardins in the XVIII – second half of the XIX centuries: abstract ... cand. Jurid. sciences'*. Rostov-on-Don; 2006. 23 p. (In Russ.)
10. Leontovich F. I. *Adats of the Caucasian highlanders: Materials on the customary law of the North and East Caucasus*. Issue I. Odessa: Type. P. A. Zelenago, 1882; 396 p. (In Russ.)
11. Lyulye L. Y. *Cherkessia: historical and ethnographic articles*. Krasnodar: Ed. The Society for the Study of the Adyge Autonomous Region and the Adyge Regional Historical and Ethnographic Museum, 1927; 48 p. (In Russ.)

12. Nogmov Sh. B. *The history of the Adyke people, compiled according to the traditions of the Kabardins.* Comp. T. H. Kumykov. Nalchik: Elbrus; 1994. 232 p. (In Russ.)
13. Ozova F. A. "The Adyghe patrimony" by V. Kh. Kazarov as a key to the study of the socio-economic system of Circassia of the XVII century. *New Turkey (journal).* Ankara. 2015;(79):630–636. (In Russ.)
14. *Legal norms of the Adygs and Balkars-Karachays in the XV–XIX centuries.* Comp. H. M. Dumanov, F. H. Dumanova. Maikop: Meots; 1997. 280 p. (In Russ.)
15. Sising A. von. Description of the taxes paid by the black people to their slaves: A new source on social relations in Kabarda at the end of the XVIII century / H. J. Berov. *Soviet Archives.* 1986;(6):23–26. (In Russ.)
16. Shapsugov D. Y. Legal genesis among the peoples of the North Caucasus: "republican" and "monarchical" models of law formation. (Problem statement). *North Caucasian Legal Vestnik.* 2010;(3):7–12. (In Russ.)
17. Shapsugov D. Y. Theoretical and legal foundations of research on the legal world of the Caucasus. In: *The legal world of the Caucasus: past, present, future: Materials of the International Scientific and Practical Conference.* Nalchik, April 14-15, 2011 Ed. and comp. D. Y. Shapsugov. Rostov-on-Don; 2011:8–14. (In Russ.)
18. Shapsugov D. Y. The state and the law of the peoples of the Caucasus as a historical and political fact and a scientific problem. In: *The state and the law of the peoples of the Caucasus: problems of formation and development. Materials of the International Scientific and Practical Conference.* Nalchik, April 27-28, 2012. Ed. and comp. D. Y. Shapsugov. Rostov-on-Don; 2011:6–8. (In Russ.)
19. Shapsugov D. Yu. The problem of the organicity of state and legal development in the history of the state and the law of the peoples of the Caucasus. In: *The state and the law of the peoples of the Caucasus: problems of formation and development. Materials of the III International Scientific and Practical Conference.* Nalchik, April 27-28, 2012. Ed. and comp. D. Y. Shapsugov. Rostov-on-Don; 2012:22–34. (In Russ.)
20. Shapsugov D. Yu. Problems of formation of research methodology, adequate history of state and legal development of the peoples of the Caucasus. In: *State and law of the peoples of Kavkaza: problems of methodology of research of state and legal development of the peoples of Kavkaza: Materials of the International scientific and practical conference.* Nalchik, May 21-22, 2013. Ed. and comp. D. Y. Shapsugov. Rostov-on-Don; 2013:14–30. (In Russ.)
21. Shapsugov D. Y. Political and legal components of the Caucasian civilization. In: *The law of the Caucasian civilization: origins, features, world significance. (To mark the 150th anniversary of the end of the Caucasian War): Materials of the IV International Scientific and Practical Conference.* Nalchik, May 21-22, 2014 / Ed. and comp. D. Y. Shapsugov. Rostov-on-Don; 2015:39–47. (In Russ.)
22. Shapsugov D. Y. The main problems of studying the processes of formation, development, transformation of the political and legal components of the Caucasian civilization. (Introductory speech). In: *Political and legal components of the Caucasian civilization: common and special in the systems of power, legal institutions, values, mentality of the peoples of the Caucasus: Materials of the V International Scientific and Practical Conference.* Nalchik, May 20-23, 2015. Ed. and comp. D. Y. Shapsugov. Rostov-on-Don; 2015:6–13. (In Russ.)
23. Shapsugov D. Yu. On the main trends in the development and research of systems of power and law in the Caucasus (XVIII–XX centuries): Introductory speech. In: *Systems of power and law of the autochthonous peoples of the Caucasus, the Russian Empire, the Soviets (XVIII–XX centuries): comparative analysis. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference.* Nalchik, May 18-21, 2016. Ed. and comp. D. Y. Shapsugov. Rostov-on-Don; 2016: 7–14. (In Russ.)
24. Chelebi E. *Travel book. (Extracts from the writings of a Turkish traveler of the XVII century).* Ed. and comp. A.D. Zheltyakov. Transl. by A. P. Grigoriev. Issue 2. Lands of the North Caucasus, Volga region and Podonye. Moscow: Nauka; 1979. 287 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ф. А. Озова – доктор исторических наук, доцент, академик АМАН, заведующий Отделом истории народов Карачаево-Черкесской Республики Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсиrokova.

Information about the author

F. A. Ozova – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Academician of the Adyghe International Academy of Sciences, Head of the Department of the History of the Peoples of the Karachay-Cherkess Republic of Karachay-Cherkess Order "Badge of Honor" Institute of Humanitarian Studies named after H. H. Khapsirokova.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 03.12.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 03.12.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Государственное устройство Имамата Шейха Мансура: основные черты и особенности становления властных структур

Ибрагим Дагаевич Хабаев

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия, ibragim_habaev@mail.ru

Аннотация. На исходе XVIII века народы Северного Кавказа начали национально-освободительную борьбу против колонизаторской политики царизма. Горцы во главе с первым Имамом Кавказа Шейхом Мансуром впервые в Новой истории предприняли попытку создания единого общекавказского исламского государства. Автор на основе анализа научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей предпринял попытку обобщить имеющиеся в них сведения о государственном устройстве Имамата Шейха Мансура и высветить основные черты и особенности становления его властных структур.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Чечня, Кабарда, Дагестан, государство, имамат, Шейх Мансур, феодализм, национально-освободительное движение, религия, Ислам, шариат, Высший Совет, Мехкан Кхеташо, Мехк Кхел, народный съезд

Для цитирования: Хабаев И. Д. Государственное устройство Имамата Шейха Мансура: основные черты и особенности становления властных структур // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 34–43. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-34-43>. EDN WYONHI

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The state structure of the Imamate of Sheikh Mansur: the main features and peculiarities of its formation

Ibragim D. Khabaev

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, ibragim_habaev@mail.ru

Abstract. At the end of the XVIII century, the peoples of the North Caucasus began a national liberation struggle against the colonization policy of tsarism. The highlanders, led by the first Imam of the Caucasus, Sheikh Mansur, for the first time in Modern history, attempted to create a single Caucasian Islamic state. Based on the analysis of scientific publications of domestic and foreign researchers, the author made an attempt to summarize the information available in them about the state structure of the Imamate Sheikh Mansur and highlight the main features and features of the formation of his power structures.

Keywords: North Caucasus, Chechnya, Kabarda, Dagestan, state, imamate, Sheikh Mansur, feudalism, national liberation movement, religion, Islam, Sharia, Supreme Council, Mehkan Khetasho, Mehk Khel, People's Congress

For citation: Khabaev I. D. The state structure of the Imamate of Sheikh Mansur: the main features and peculiarities of its formation. *North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(4):34–43.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-34-43>. EDN WYONHI

По мнению кавказоведов, отличительной особенностью политического устройства Чечни в Новое время стало то, что в XVIII–XIX вв. чеченцы совместно с мусульманскими народами Кавказа впервые в своей истории предприняли попытку создания общегорского исламского государства. Вдохновителем идеи объединения горцев и духовным лидером (имамом) национально-освободительного движения народов Северного Кавказа 1785–1791 гг. стал уроженец чеченского села Алды Ушурма сын Шаабаза. Он происходил из горного с. Элистанжи родового

владения тайпа элистанжхой который входил в «тукхум – военно-экономический союз определенной группы тайпов, не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена» [1, с. 18] Нохчмаххахой.

За относительно короткий отрезок времени он «своими проповедями завоевывает доверие широких слоев народа и поддержку влиятельных мулл и богословов Чечни, которые объявляют его шейхом, дав ему имя Мансур (по-арабски «победитель»)» [2, с. 21]. Поучения и наставления «шейха – представитель высшего мусульманского духовенства, богослов и правовед» [3, с. 640] не выходили за рамки установлений Корана и Сунны. Ратуя за чистоту веры и всенародное очищение, он призывал горцев к отказу от прелюбодеяния, курения табака, пьянства, воровства, грабежей, убийств и всего того, что противоречило букве и духу Ислама. Особое место в своих речах Мансур придавал отмене некоторых горских адатов, таких как кровная месть, брак умыканием невесты и других пережитков прошлого.

Программа Мансура, направленная на оздоровление чеченского общества, состояла из трех фундаментальных направлений: «1) освобождение Чечни и всего Кавказа от власти угнетателей; 2) очищение нравов путем возвращения к аскетическому исламу времен пророка Мухаммеда; 3) борьба против противоречащих исламу местных обычаяев (адатов) и введение, убеждением или силой, общего для всех законов шариата» [4, с. 23–24].

Став идеологической базой мансуровского государственного образования, Исламу удалось за короткое время консолидировать разрозненный кавказский мир, состоявший из различных племен и народов. Оказав существенное влияние на процесс формирования механизма государства Мансура, его структуру и форму управления, исламская догматика стала детонатором объединительного процесса горцев Северного Кавказа в монолитное общество, отвечавшее их общегосударственным и общерелигиозным интересам.

Крупнейший отечественный исследователь эпохи Шейха Мансура, автор книги о первом имаме Кавказа, профессор Ш.Б. Ахмадов перечисляет три основных направления его политического курса: «1. Возвращение к исламу чистому и аскетическому; 2. Борьба против адатов и введение убеждением или силой закона шариата; 3. «Священная война» (газават) ведется сначала против соблюдающих адаты, затем против «неверных» (иноверцев - горцев) и, наконец, против царизма» [5, с. 315–339], которые как ни странно поразительно схожи с перечисленными нами выше тезисами другого автора.

О причинах всколыхнувших чеченское общество к вооруженным действиям против царизма подробно указывается в авторской статье чеченских историков во главе с вице-президентом АН ЧР, академиком Ш.А. Гапуровым. На их взгляд «Военные экспедиции царских войск, насаждение в Чечне кабардино-дагестанских феодалов в качестве представителей российской власти, строительство Кавказской линии вызвали мощное восстание горцев под руководством Ушурмы (Мансура) из чеченского селения Алды в 1785 г.» [6, с. 25]. Аналогичной позиции придерживался и другой известный советский историк-кавказовед, профессор Н.И. Покровский. Он писал: «Плоскостная Чечня в описываемую эпоху ведет упорную борьбу с пытающимися здесь закрепиться феодалами из Аварии, кумыksких аулов и Кабарды. К этому времени феодалы проникают в плоскостную Чечню, и среди чеченских «владельцев» мы находим князей атагинских, алдинских, большечеченских и т.д. Феодалы эти усиленно искали поддержки российского царизма, зная о том, что удержать родовое чеченское общество в повиновении себе собственными силами они не могут» [7, с. 117–118].

Как известно на заре Советской власти с легкой руки новаторов Новейшей истории Мансур в угоду сложившейся в стране обстановке был объявлен чуть ли не коммунистом и включен в разряд революционеров, как противник царского режима. Так, например, окрещенный большевиками пионером новой истории России марксистского толка М.Н. Покровский, описывая деятельность Мансура, приводит слова первого этнографа-чеченца Умалата Лаудаева, который писал: «Народ признал Мансура своим устазом, т.е. ходотаем перед богом: целовали полы его одежды, и так увлеклись религиозным настроением, что прощали друг

другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самую кровь» [8, с. 208]. В конце своего повествования, он приводит слова, без которых не обходится, пожалуй, ни одна научная публикация о новоявленном имаме: «Это был первый кавказский революционер, которому пришлось умереть на далеком севере (его сослали в Соловецкий монастырь)» [8, с. 208].

Примечательно, что его высказывание стало единственной положительной цитатой отечественного историка, советской эпохи, о шейхе, вероятно, потому что «сомнительные, ложные оценки, данные личности шейха Мансура и его движению царско-дворянской историографией, не пропали даром. Яркое свидетельство тому – серия публикаций, появившихся в начале 50-х годов в центральных изданиях» [9]. Авторами, упомянутых двумя чеченскими академиками публикаций являются А.В. Фадеев [10, с. 37-58], Н.А. Смирнов [11, с. 11-63] и М. Багиров [12], «извратившие причины, характер и движущие силы народно-освободительного движения горцев XVIII–XIX веков» [13, с. 87-116] в угоду изменившейся конъюнктуры.

По нашему мнению положительная характеристика деятельности Мансура данная Покровским в свете новых политических изменений в нашей стране было вероятнее всего тактическим высказыванием историка эпохи победного шествия Советской власти. Иначе невозможно объяснить то, что спустя десятилетие после укрепления власти большевиков эта мысль у всех авторов дружно и диаметрально поменялась в обратную сторону.

В исследуемое нами время, по мнению кавказоведов практически во всех субъектах Северного Кавказа существовали соответствующие предпосылки для создания союзного государства. Преградой на этом пути были трайболизм [14, с. 755] горских племен и сепаратизм их титулованной верхушки в лице шамхалов, ханов, князей и владетелей всякого рода. По мнению исследователей, нарождающееся исламское движение в среде горцев было крайне чуждо их элите, привыкшей управлять своими соплеменниками по адатному праву. Жить по нормам шариата, будучи мусульманами как бы это странно не выглядело, они не очень желали, ведь это вело к прямой потери ими власти на местах. Характеризуя сложившуюся в горских обществах социально-политическую обстановку той эпохи препятствовавшую их единению один из неистовых критиков государства Мансура советский востоковед, профессор Смирнов Н.А. высказал мысль о том, что именно по этой причине горцы «не могли координировать свои действия и противостоять натиску царских войск» [15, с. 48].

Анализируя мансуровский период истории народов Северного Кавказа с точки зрения решения политico-правовых вопросов, Ш.А. Гапуров объективно оценив события той эпохи пишет: «К началу 80-х гг. XVIII в. большая часть народов Северного Кавказа (кабардинцы, чеченцы, ингуши, осетины и др.) формально считались в российском подданстве. Царизм понимал это подданство как беспрекословное подчинение местных народов, как возможность по своему усмотрению распоряжаться на данной территории. Горцы же представляли себе подданство, прежде всего, как право торговать им в близлежащих русских поселениях, как защиту их со стороны России от внешних врагов (Турции, Ирана, крымского хана) и притеснений местных феодалов, при сохранении внутреннего самоуправления. Вот это разное понимание подданства, нежелание царских властей считаться с интересами северокавказских горцев и породили, в общем, восстание под руководством Мансура» [16, с. 48].

К исходу XVIII в. по убеждению многих в Дагестане, Кабарде на всей равнинной и отчасти в предгорной Чечне доминирование Ислама было довольно ощутимо. Но помимо этих территорий на этапе наивысшей военно-политической активизации имамата войти в его состав решили также адыги, ингуши, кумыки и черкесы. Авторский коллектив второго тома «Истории Чечни» 2016 г. констатируют, что «в течение нескольких лет Мансур смог распространить свое влияние в Чечне, Дагестане, Северном Азербайджане, Кабарде, Адыгее, среди ногайцев, живущих за Тереком и Кубанью и даже за Волгой среди «киргиз-кайсацких» народов, под которыми подразумеваются казахи. Известно, что Мансур предлагал казахам осадить Астрахань – важнейший русский город на Волге и Каспии. Наличие его писем-воззваний, написанных на турецком и арабском языках с превосходным знанием ислама и других реалий, указывает, по мнению А. Беннигсена, «на существование центра объединенных действий, ... на солидную организацию» [17, с. 229-230].

Фактор единства мусульманских народов Кавказа в борьбе против колониализма и царизма положительно повлиял на ход протестных событий, ведь он не только расширил границы народно-освободительной борьбы горцев, укрепив, таким образом, материально-техническую базу сопротивления, но и пополнил армию людскими ресурсами. Гумашвили Л.Э. сообщает, что «свое желание находиться под властью имама Мансура и перейти в любое время в его лагерь изъявили ... часть осетин во главе с их владельцем Ахметом Дударовым» [18], которые существенно пополнили ряды сопротивления. Примерную оценку численности населения и национального состава имамата привел французский востоковед А.А. Беннигсен, который писал: «горцы Кавказа представляли силу около 1.500.000 человек, разделенных на 20 языковых групп: турецкого происхождения (кумыки, карачаевцы, балкары и ногаи), персидской ветви (осетины) и иберо-кавказской (дагестанцы, чеченцы, ингуши, кабардинцы, адыгейцы, абхазцы и аджарцы)» [19, с. 44].

Вышеприведенные нами факты, относящиеся к начальному этапу возникновения государственности горцев Кавказа, в конечном итоге привели к общности их интересов и формированию у них общедуховных взглядов, но уже на общеисламских традициях. В сложившейся политической ситуации «одним из страстных и настойчивых стремлений Шейха-Мансура было соединить в одно все горские народы» [20, с. 141] Северного Кавказа. В этой связи необходимо пояснить, что национально-объединительно-освободительная борьба кавказцев конца XVIII в., была не личной прихотью Шейха Мансура и его сподвижников, желавших установления шариатского правления в имamate, а «своебразной реакцией на колониальную политику царизма, приступившего к завоеванию Северного Кавказа вооруженным путем» [21, с. 42].

Источники сообщают, что политическим и административным центром имamate с началом активных вооруженных действий Мансура стала его вотчина с. Алды, ставшая к тому времени неформальной столицей Чечни. Лавры же духовно-идеологической столицы были отданы другому крупнейшему плоскостному селу Чечни – Шали. Практически все кавказоведы исследовавшие феномен Мансура и его государства отмечают ряд идеино-организационных стадий генезиса имamate, которые ими разделены на четыре этапа:

«- первый этап – с 1784 г. по июнь 1785 г. – характеризуется зарождением и началом распространения среди народов Чечни и Северного Кавказа новой для них объединительной исламской идеологии, базировавшейся на мусульманской религии; признанием простым народом Ушурмы шейхом и имамом Мансуром и принадлежности его к секте и тарикату Накшбанди; началом его публичных выступлений перед односельчанами с религиозными проповедями;

- второй этап – июль 1785 г. – начало военно-политической деятельности Мансура; в это время весь Северный Кавказ от Каспийского до Черного морей охвачен восстанием; первые военные (4-6 июля 1785 г.) и организационно-политические успехи восставших на пути создания государственности в Чечне; Мансур в апогее своего могущества; попытки восставших блокировать и захватить крепость Кизляр и другие военные укрепления с целью разрыва связей Кавказа с Россией» [22, с. 93–95];

«- третий этап – ноябрь 1785 г. – декабрь 1788 г. – расширение района антиколониальной и антифеодальной борьбы горцев во главе с Мансуром на географически отдаленные от Чечни территории Кабарды, Черкессии и Адыгеи; попытки создания здесь Мансуром различных государственных структур и т.д.;

- четвертый этап – январь 1789 г. – июнь 1791 г. – последний, завершающий этап, характеризующийся общим спадом народно-освободительного движения горцев, падением государства имама Мансура на всей территории Северного Кавказа и его пленением в крепости Анапа в 1791 г.» [23, с. 202].

Отличительной особенностью эволюции государства Шейха Мансура было то, что оно складывалось параллельно с военными действиями горцев против царских войск что, в общем, на взгляд большинства кавказоведов, и предопределило его военный характер. В имamate горцы видели надежду на новую жизнь, где торжествовала бы справедливость и равенство на основе шариата. Практика показала, что мансуровское государство отвечало

общенациональным интересам горцев, где их личные права, свободы и имущество были защищены исламским правом и одновременно нормами адата не противоречащими ему.

Определяя политическое устройство нового образования, историки в качестве его обозначения применяют разные термины от простого «движение» до более совершенного «государство». Однако по своей сути образование, созданное Мансуром, скорее подходит под определение «имамат, институт верховного руководства мусульманской общиной, в котором сливаются власть светская и власть духовная» [24, с. 98], ведь кроме судебной остальные две ветви власти: законодательная и исполнительная находились в его руках. По традиции имаматского правления он руководил военными действиями, проводил административно-территориальную реформу и реорганизацию властных структур, был пастырем верующих в вопросах Ислама, одним словом Ушурм-шейх сосредоточил в своих руках всю полноту власти, как духовную, так и военно-административную.

Тем не менее он не был властолюбцем и в своей повседневной деятельности по управлению и реформированию государством опирался на круг лиц преимущественно из числа мусульманского духовенства имевших влияние, уважение и почет в народе. Так, например, в период активизации своей деятельности по укреплению основ имамата «на Северо-Восточном Кавказе при нем постоянно находились «дагестанские, чиркеевские, кумыцкие и салатовские кадии (судьи) и другие ученые»» [25, с. 230] с которыми он советовался по вопросам, касающимся основ религии и шариатского права. Из сказанного вытекает, что решения государственной важности в имамате по всей вероятности всегда принимались только коллегиально, а не единолично.

Другим, не менее веским аргументом отсутствия авторитарных начал в характере Мансура, является цитата из книги бывшего начальника Департамента архивов Чеченской Республики Д.А. Хожаева. В ней Далхан Абдулазизович пишет: «Сподвижники Ушурмы неоднократно советовали имаму установить в горских землях жесткое государственное управление. Однако Ушурма, чуждый жажды власти и деспотизма, отвергавший идею насилия человека над человеком, ратовавший за социальную справедливость, не принимал меры к упрочению своей власти. И все же для более эффективной войны с захватчиками нужны были организационные изменения» [26, с. 24], которые Ушурма проводил в жизнь ежедневно.

По поводу общенародной поддержки движения Мансура и в частности со стороны религиозных деятелей, автор книги «Мюридизм на Кавказе» (очерк идеологии движения горцев XIX в.) профессор Смирнов Н.А., а также его коллега академик Ахмадов Ш.Б. приводят имена известных алимов Чечни являвшихся близкими по духу и убеждению с шейхом людьми. Среди них особого внимания заслуживает признанный в Чечне и за ее пределами исламский ученый-богослов Умар-Хаджи Шалинский. Его имя довольно часто упоминается как в ранних, так и в поздних публикациях о Мансуре и его государстве. Так, русский исследователь Бутков П.Г. пишет, что в 1787 г. «Ушурма, или, как его называли, Ших Имам Мансур, приобрёв к себе доверенность Закубанцев, отправил к Порте наставника своего Умар-Аджи, с предложением готовности своей на услуги ея» [27, с. 199] где он был принят султаном Османской империи Абдул-Хамидом I. Дав Мансуру санкцию «для возмущения народов против России» [27, с. 199] султан передал имаму через Умар-Хаджи подарок дорогие часы и бинокль. Судя по различным источникам и сведениям, мулла Умар-Хаджи был «наиболее духовно образованный и дальновидный наставник, и помощник имама, который, будучи его главным советником и ведая всей перепиской его, постоянно держал в курсе простой народ Чечни и всего Северного Кавказа, к которому с письмами обращался сам Мансур» [28, с. 204] по важнейшим вопросам государства. Допрошенный «Тайной экспедицией» после плenения Шейха Мансура его зять Этта Батырмурзин на следствии пояснил, что после Умар-Хаджи «Следующими по значению советниками Ушурмы были муллы: «Нагай-мурза-аджи, Бикултан-Хаджи и Хамбе-аджи» [29, с. 24], а также имам с. Алды Али Исханов один «из знатных и влиятельных мулл Чечни в начале 60-х годов XVIII в., причем его сын Эльдархан являлся чеченским узденем» [30, с. 51].

Главным звеном военно-государственного механизма имамата был Высший Совет, сформированный из горской элиты. В него входили представители всех сословий горцев (князья, старшины аулов, алимы, кадии, уздени, владельцы и т.д.) и лица, пользовавшиеся всеобщим уважением и симпатией народа. Важными качествами члена Совета считалось ораторское искусство и умение влиять на массы. Эти черты были крайне необходимы при исполнении ими возложенных на них имамом функций по исполнению его распоряжений и административному управлению. Советники шейха были обычно люди из его близкого окружения наиболее преданные как ему, так и начатому им делу. К сожалению некоторые из них впоследствии установив контакты с царской администрацией, предали Мансура, и перешли на сторону противника, так как «очень многие материальные выгоды связывали мелких кавказских владельцев с русским государством» [19, с. 60].

Исполнительная и судебная власть на местном уровне, будь то в тукхуме, тайпе или владение находилась в руках членов Совета. В своей повседневной деятельности они совместно с кадиями сел, имамами мечетей и старшинами аулов осуществляли надзор за соблюдением шариатского законодательства, рассматривали различные иски и жалобы граждан, проводили расследование преступлений, организовывали заседания суда и сбор ополчения для защиты страны, выносили вердикты, а также занимались сбором налогов и учетом налогоплательщиков.

Примечательно, что параллельно с Высшим Советом в Чечне свою деятельность по управлению краем осуществлял и «Мехкан Кхеташо» – «Совет Страны» законодательно-представительный орган государственной власти чеченцев доисламской эпохи. Нередко исследователи путают его с «Мехк Кхел» высшим, постоянно действовавшим институтом судебной власти чеченцев, заседавшим в исторической области чеченцев Нашха.

«Мехкан Кхеташо» формировался из патриархов «сельских или территориальных общин. В число старейшин входили сельские старшины, представители общин, жрецы, почитаемые люди, ораторы, представители состоятельных слоев населения. Начиная, по крайней мере, с середины XVII века в меек-кхеле господствуют мусульманские алимы (ученые)» [31, с. 170] периодически собирающихся на холме «Кхеташ-Корта» «Совета Вершина» ... Кхеташонан Корта» [32, с. 306] у села Центорой. Структурный анализ этих органов показывает, что комплектовались они по одинаковой схеме, с той лишь разницей, что «Мехкан Кхеташо» формировался по тайповому признаку, а Высший Совет – сословно-представительному.

Интересно, что сложившаяся в Чечне на тот исторический момент избирательная система напоминала текущую смешанную концепцию формирования парламентов, «основанную на сочетании двух систем представительства: пропорциональной и мажоритарной» [33, с. 775]. По всей вероятности их баланс являлся фактором общественно-политической стабильности в имамате Мансура.

Нужно признать, что источники по государственному устройству имамата Шейха Мансура крайне скучны. Виной тому на наш взгляд является ряд субъективных факторов.

Во-первых, анализ научных трудов посвященных мансуровской эпохе показывает, что их авторы усердствовали не столько в поиске причин возникновения, генезиса и упадка государственного строя имамата, сколько о личном участии Мансура в подготовке военных операций против царских войск. Во-вторых, много усилий в их трудах затрачено на выявление его связей с Портой, пленению, допросам «Тайной экспедиции», а также его содержанию в Шлиссельбургской крепости. В-третьих, большое внимание исследователи уделили изучению биографии Мансура, нередко подвергая ее искажению. Кем только они его не выставляли, и «бухарским фанатиком-уроженцем оренбургских степей, немцем, эмиссаром турецкого султана, лжепророком, его деяния приписывались итальянскому авантюристу монаху Джованни Батиста Биэтти» [34, с. 18]. Кажется, авторам этих фальсификаций не было разницы, кем был на самом деле Мансур. Да и задача у них видимо была, как нам кажется не в установлении достоверной информации о нем, а скорее в дескридитации его личности как чеченца и Имама народов Северного Кавказа, ибо среди «диких» горцев, по их разумению, не мог появиться лидер столь грандиозного масштаба.

Конечно, обнаруженные и освещенные ими сведения о великом сыне чеченского народа и всего Кавказа, а также и его сподвижниках имеют важное историческое значение для дальнейшего изучения истории народов Кавказа и в частности чеченцев, чья история изобилует массой белых пятен исчерпывающие ответы, на которые пока еще историками не получены. Однако странно, что многие кавказоведы в своих работах искусно обходят или скорее стараются не затрагивать вопросы государственно-правового строительства горцев конца XVIII в., что мы и постараемся осветить в нашем исследовании.

Кроме Высшего Совета – постоянно действующего органа исполнительной власти имамата, в компетенции которого находились вопросы административно-хозяйственного, религиозного, духовно-нравственного, судебного и военно-оборонительного характера, а также гражданского и местного самоуправления высшим органом имамата считался Съезд представителей народов Северного Кавказа. Созывался он по мере необходимости, точнее в исключительных случаях и выносил свои решения по самым острым и судьбоносным вопросам, имеющим общекавказское значение. Один из таких исторических форумов «в апреле 1786 года сподвижники Мансура готовили на реке Баксан, в Большой Кабарде» [26, с. 24], на который съехались делегаты от всех народов Кавказа. В его повестке значился всего один вопрос – образование общекавказского государства. Для участия в конгрессе «Закубанские народы посылают свои делегации» [26, с. 24] но, к сожалению, сведения о его работе и итогах еще не освещены, впрочем, как и другие, кроме упоминания о самом съезде и даты его проведения.

Законотворчество в государстве Шейха Мансура было, как полагают исследователи прерогативой Совета Алимов. Нормативные акты создавались только на основе шариата, но как показывает практика, адаты не противоречащие ему действовали наравне с ними. В повседневной жизни горцы руководствовались как нормами шариата, так и адаты которые часто были значительно жестче. Так если в адатном праве за убийство горца виновный нес ответственность по принципу талиона («око за око», «зуб за зуб») т.е. своей жизнью, то с введением шариата виновный мог сохранить свою жизнь выплатой откупных – «дийа (тур. диет, перс. дийе) – вира, пеня, плата за кровь, компенсация за убийство, ранение илиувечье» [24, с. 69] размеры и формы которого определялись судом.

В условиях военной конфронтации горских народов Кавказа с царской Россией, по мнению абсолютного большинства исследователей, шариат стал важнейшим комплексом предписаний, объединившим горцев в единое государство. На их взгляд Мансур неставил цели по созданию на Северном Кавказе исламского государства. Вероятно, он понимал, что новая религия, едва укрепившаяся как в Чечне, так и в других субъектах региона не совсем еще продуктивна в роли инструмента по противодействию имперской политики России на Северном Кавказе. Однако на деле практика показала, что исламская идеология успешно справилась с поставленной задачей став серьезным заслоном на пути царской экспансии.

Таковы вкратце основные черты и особенности становления созданного впервые на Северном Кавказе военно-теократического государства горцев в форме Имамата.

Список источников

1. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2009. 111 с.
2. Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Изд-во «Седа». Грозный, 1998. 250 с.
3. БСЭ. Т. 47. М.: «Большая советская энциклопедия», 1957. 672 с.
4. Мусаев А.Н. Шейх Мансур. М.: Молодая гвардия, 2007. 304 с.
5. Ахмадов Ш.Б. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006. 828 с.
6. Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Саралиева Л.Ш., Шаипова С.С. Страницы политической истории Чечни конца XVIII века // Вестник АН Чеченской Республики. 2015. № 2(27).
7. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 511 с.
8. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. 392 с.

9. Акаев В.Х., Ахмадов Ш.Б. Шейх Мансур. Освободительное движение горцев Чечни и Северного Кавказа в 1785-1791 гг. // Республика. 1992. 18 сентября.
10. Фадеев А.В. Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни // История СССР. 1960. № 5. С. 37-58.
11. Смирнов Н.А. Турецкая агентура под флагом Ислама. (Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе) // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. М.: Издательство Академии наук СССР. 1950. С. 11-63.
12. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. Государственное издательство политической литературы. М.: Типография «Кр. Пролетарий», 1950. 32 с.
13. Ахмадов Ш.Б. Народно-освободительная борьба в Чечне и на Северном Кавказе под предводительством Имама Мансура в 1785-1791 гг. / Сборник материалов конференции «Ахмат-Хаджи Кадыров и актуальные проблемы истории Чеченской Республики и России», посвященный 60-летию со дня рождения Первого Президента Чеченской Республики, Героя России А.-Х.А. Кадырова. Грозный, 2011. С. 87-116.
14. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.
15. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. 243 с.
16. Гапуров Ш.А. К истории освободительного движения в Чечне в конце XVIII в. под руководством шейха Мансура // Ахмат-Хаджи Кадыров и актуальные проблемы истории Чеченской Республики и России. Сборник материалов, посвященный 60-летию со дня рождения первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмат-Хаджи Абдулхамидовича Кадырова. Грозный, 2011. 464 с.
17. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х томах. Т. II: История Чечни. XVI-XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. С. 229-230.
18. Архив Северо-Осетинского НИИ. Ф 17, оп. 1, д. 2. Л. 65.
19. Беннигсен А. Шейх Мансур. Народное движение на Кавказе в XVIII веке. («Священная война» Шейха Мансура (1785-1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала, Б.г. 85 с.
20. Потто В.А. Кавказская война. От древнейших времен до Ермолова. Т. 1. Ставрополь, «Кавказский край». 1994. 672 с.
21. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII –60-е гг. XIX вв.). Майкоп: Качество, 2002. 202 с.
22. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. 286 с.
23. Гумашвили Л.Э. Курс истории государства и права Чечни. Ч. 1. Государственное (конституционное) право. Гудермес, 2014. 378 с.
24. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
25. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х томах. Т. II: История Чечни. XVI-XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. 624 с.
26. Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный: Изд-во «Седа», 1998. 250 с.
27. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. II. СПб.: 1869. 602 с.
28. Гумашвили Л.Э. Курс истории государства и права Чечни. Ч. 1. Государственное (конституционное) право. Гудермес, 2014. 378 с.
29. Смирнов Н.А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950.
30. Кандур Мухадин Иззет. Мюридизм. История кавказских войн (1819-1859). Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1996. 308 с.
31. Сайдов И.М. Общественный быт вайнахов в XIX - нач. XX в. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Тбилиси, 1972. 288 с.
32. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. ГУП «Книжное издательство». Грозный, 2012. 726 с.
33. Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии»). М.: Книжный мир, 2010. 960 с.

34. Гасаналиев М. Шейх Мансур (Ушурма) как руководитель освободительного движения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета № 2(15). Общественные и гуманитарные науки. Махачкала, 2011.

References

1. Mamakaev M.A. *Chechen type (genus) during its decomposition*. Grozny: «Book Publishing House»; 2009. 111 p. (In Russ.)
2. Khozhaev D. *Chechens in the Russian-Caucasian war*. Publishing house «Seda». Grozny, 1998. 250 p. (In Russ.)
3. BSE. Vol. 47. Moscow: «The Great Soviet Encyclopedia»; 1957. 672 p. (In Russ.)
4. Musaev A.N. *Sheikh Mansur*. Moscow: Molodaya gvardiya; 2007. 304 p. (In Russ.)
5. Akhmadov Sh.B. *History of Chechnya from ancient times to the present day*. In 2 vols. Vol. 1. The history of Chechnya from ancient times to the end of the XIX century. Grozny: «Book Publishing House»; 2006. 828 p. (In Russ.)
6. Gapurov Sh.A., Gapurova M.Sh., Saralieva L.Sh., Shaipova S.S. Pages of the political history of Chechnya at the end of the XVIII century. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2015; 2(27). Grozny: IPK «Grozny Worker»; 2015. (In Russ.)
7. Pokrovsky N.I. *Caucasian Wars and Shamil's Imamate*. Moscow: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN); 2000. 511 p. (In Russ.)
8. Pokrovsky M.N. *Diplomacy and wars of tsarist Russia in the XIX century*. Moscow; 1923. 392 p. (In Russ.)
9. Akaev V.H., Akhmadov Sh.B. Sheikh Mansur. The liberation movement of the mountaineers of Chechnya and the North Caucasus in 1785-1791. *The newspaper «Republic»*. September 18, 1992. (In Russ.)
10. Fadeev A.V. The emergence of the Muridist movement in the Caucasus and its social roots. *History of the USSR*. 1960; (5):37-58. (In Russ.)
11. Smirnov N.A. Turkish agents under the flag of Islam. (The uprising of Sheikh Mansur in the North Caucasus). *Questions of the history of religion and atheism. Collection of articles*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1950:11-63. (In Russ.)
12. Bagirov M.D. *On the nature of the movement of Muridism and Shamil*. State Publishing House of Political Literature. Moscow: Printing House «Kr. The proletarian»; 1950. 32 p. (In Russ.)
13. Akhmadov Sh.B. The People's Liberation struggle in Chechnya and the North Caucasus under the leadership of Imam Mansur in 1785-1791. In: *Collection of materials of the conference «Akhmat-Hadji Kadyrov and actual problems of the history of the Chechen Republic and Russia», dedicated to the 60th anniversary of the birth of the First President of the Chechen Republic, Hero of Russia A.-H.A. Kadyrov*. Grozny, 2011:87-116. (In Russ.)
14. Borisov A.B. *Big legal dictionary*. Moscow: Book world; 2010. 848 p. (In Russ.)
15. Smirnov N.A. *Muridism in the Caucasus*. Moscow; 1963. 243 p. (In Russ.)
16. Gapurov S.A. On the history of the liberation movement in Chechnya at the end of the XVIII century under the leadership of Sheikh Mansur. *Akhmat-Hadji Kadyrov and actual problems of the history of the Chechen Republic and Russia. A collection of materials dedicated to the 60th anniversary of the birth of the first President of the Chechen Republic, Hero of Russia Akhmat-Haji Abdulhamidovich Kadyrov*. Grozny; 2011. 464 p. (In Russ.)
17. *History of Chechnya from ancient times to the present day: In 4 volumes*. Vol. II: History of Chechnya. XVI-XVIII centuries. Ya.Z. Akhmadov (ed.). Grozny: JSC «Publishing and Printing complex «Grozny Worker»; 2016. 624 p. (In Russ.)
18. *Archive of the North Ossetian Research Institute*. F 17, op. 1, d. 2. l. 65.
19. Bennigsen A. *Sheikh Mansour. The popular movement in the Caucasus in the XVIII century. (The «Holy War» of Sheikh Mansur (1785-1791). A little-known period and rivalry in Russian-Turkish relations)*. Makhachkala, B.G. S. 85 p.
20. Potto V.A. *The Caucasian War. From ancient times to Ermolov*. Vol. 1. Stavropol, «Caucasian Region»; 1994. 672 p. (In Russ.)
21. Chirg A.Yu. *Development of the socio-political system of the Adygis of the North-Western Caucasus (late XVIII – 60s of the XIX centuries)*. Maykop: Quality; 2002. 202 p. (In Russ.)

-
22. Akhmadov Sh.B. *Imam Mansur*. Grozny; 1991. 286 p. (In Russ.)
 23. Gumashvili L.E. *Course of the history of the state and law of Chechnya. Part 1. State (constitutional) law*. Gudermes, 2014. 378 p. (In Russ.)
 24. *Islam: Encyclopedic dictionary*. Moscow: Science. The main editorial office of Oriental Literature; 1991. 315 p. (In Russ.)
 25. *History of Chechnya from ancient times to the present day*: In 4 volumes. Vol. II: History of Chechnya. XVI-XVIII centuries / Rel. Editor Ya.Z. Akhmadov. Grozny: JSC «Publishing and printing complex «Grozny worker», 2016. p. 230. 624 p. (In Russ.)
 26. Khozhaev D. *Chechens in the Russian-Caucasian war*. Publishing house «Seda». Grozny; 1998. 250 p. (In Russ.)
 27. Butkov P.G. *Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part II*. St. Petersburg: 1869. 602 p. (In Russ.)
 28. Gumashvili L.E. *Course of the history of the state and law of Chechnya. Part 1. State (constitutional) law*. Gudermes, 2014. 378 p. (In Russ.)
 29. Smirnov N.A. The uprising of Sheikh Mansur in the North Caucasus. *Questions of the history of religion and atheism*. Collection of articles. Vol. 1. Moscow; 1950. (In Russ.)
 30. *Kandur Mukhadin Izzet. Muridism. History of the Caucasian Wars (1819-1859)*. Nalchik: Publishing center «El-Fax», 1996. 308 p. (In Russ.)
 31. Saidov I.M. *The social life of the Vainakhs in the XIX - beginning. XX century*. Diss. for the degree of Candidate of Historical Sciences Tbilisi; 1972. 288 p. (In Russ.)
 32. Suleymanov A.S. *Toponymy of Chechnya*. SUE «Book Publishing House». Grozny; 2012. 726 p. (In Russ.)
 33. Barikhin A.B. *Big legal encyclopedia. (Series «Professional reference books and encyclopedias»)*. Moscow: Knizhny Mir; 2010. 960 p. (In Russ.)
 34. Hasanaliyev M. Sheikh Mansur (Ushurma) as the leader of the liberation movement. *Proceedings of Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities*. № 2(15). Makhachkala, 2011. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Д. Хабаев – старший преподаватель кафедры права Чеченского государственного педагогического университета.

Information about the author

I. D. Khabaev – Senior Lecturer of the Department of Law of the Chechen State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принятая к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 28.11.2023.

Изменение правового положения немусульманского населения Османской империи в контексте реформ Танзимата

Иван Вячеславович Федосов

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, jeanfedossoff@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7687-0760>

Аннотация. Статья посвящена изучению правового статуса немусульманского населения Османской империи и трансформации этого статуса в эпоху реформ Танзимата. Автор анализирует доктринальные основы исламского законодательства в части регулирования жизни немусульманских общин, сочетая изучение буквы мусульманского закона с историческим контекстом. Проводится сравнительный анализ исламского теоретико-правового материала вкупе с социально-политическими процессами. Акцент исследования делается на изучении трансформации миллетьной системы под влиянием западноевропейской правовой мысли с целью создания модерной нации. Показана актуальность исследования юридических аспектов регулирования жизни немусульман в процессе изменения правового статуса немусульманских общин в структуре османского общества. Автор приходит к выводу, что хотя изменения правового положения иноконфессиональных общин в указанную эпоху имели место, тем не менее, они не позволили создать единый гомогенный социум на основе общей идентичности.

Ключевые слова: ислам, исламская правовая система, миллет, миллетьная система, мусульманское право, Османская империя

Для цитирования: Федосов И. В. Изменение правового положения немусульманского населения Османской империи в контексте реформ Танзимата // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 44–49. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-44-49>. EDN WMIHFG

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The changes of the legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire in the context of the Tanzimat reforms

Ivan V. Fedosov

Northwestern Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, jeanfedossoff@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7687-0760>

Abstract. The article is devoted to the study of the legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire and the transformation of this status in the era of Tanzimat reforms. The author analyzes the doctrinal foundations of Islamic legislation in terms of regulating the life of non-Muslim communities, combining the study of the letter of Muslim law with the historical context. A comparative analysis of Islamic theoretical and legal material, coupled with socio-political processes, is carried out. The emphasis of the study is on studying the transformation of the millet system under the influence of Western European legal thought with the aim of creating a modern nation. The relevance of studying the legal aspects of regulating the lives of non-Muslims in the process of changing the legal status of non-Muslim communities in the structure of Ottoman society is shown. The author comes to the conclusion that although changes in the legal status of other religious communities took place in this era, nevertheless, they did not allow the creation of a single homogeneous society based on a common identity.

Keywords: millet system, Islamic law, Islamic legal system, Ottoman Empire, Islam, millet

For citation: Fedosov I. V. The changes of the legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire in the context of the Tanzimat reforms. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):44–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-44-49>. EDN EDN WMIHFG

Рубеж XVIII – XIX вв. для Османской империи ознаменовался постепенным вхождением в системный кризис. Султан Селим III взошел на трон и провел свое относительно недолгое царствование (1789 – 1807), будучи захваченным идеей вестернизации старого имперского здания Порты. Посредством введения западноевропейских военных порядков, создания современных вооруженных сил и ликвидации технического отставания от европейских стран, держава Османов, как полагал августейший реформатор, должна была решить стоявшие перед ней проблемы, перестать проигрывать европейцам в войнах и вернуть свой золотой век. Хотя правление Селима продлилось не так долго, а его военные реформы не были завершены, тем не менее, сам по себе факт начала процесса вестернизации являлся глубоко симптоматичным. Мурад II (1808 – 1839) и Абдул-Меджид I (1839 – 1861) подхватили знамя модернизации империи и сделали процесс необратимым. Султан Мурад II провел небывалые по своим масштабам преобразования, навсегда изменившие облик старой Порты как перед лицом европейских наблюдателей, так и в глазах самих ее жителей. Его сын Абдул-Меджид I продолжил дело отца. Именно во время его правления начинается знаменательная эпоха в османской истории, получившая название «Танзимат», что в буквальном переводе и означает «реформы».

До начала Танзимата правовой базис социального устройства Османской империи остался концептуально неизменным с 1461 года, когда султан Мехмед II Фатих создал миллетную систему. Являясь творческим переосмыслением доктрины исламского права в части регламентации жизни иноверцев под властью мусульман, османская система миллетов стала качественно новым шагом с точки зрения правового развития и государственного строительства одной из самых передовых мусульманских держав того времени.

По замыслу Фатиха, населения империи делилось на две неравнозначные и неравные в количественном отношении части. Первая часть – господствовавшая этнокультурная группа – называлась миллет-и хакиме (или уммет) и состояла из мусульман, невзирая на их этническое и/или расовое происхождение. Для лиц, исповедовавших исламскую религию, в Порте были открыты все возможности и карьерные пути, чем на протяжении истории нередко пользовались даже европейские перебежчики, принявшие ислам и достигавшие социального успеха, становясь беями, пашами или даже визиреми сultанского правительства в Константинополе. Вторая часть, гораздо более многочисленная, состояла из немусульман, которых называли «райя» (дословно «стадо») или «зимми». Райаты (зиммии) платили большее число налогов, не имели права поступать на государственную службу (исключение делалось только для фанариотов – представителей бывшей византийской знати, перешедших на службу к султану и исполнявших обязанности переводчиков или дипломатов), не могли носить одежду определенного цвета (например, зеленого, считавшегося цветом ислама и дозволенного только для мусульман), не могли носить оружие, не имели права передвигаться верхом, что также считалось привилегией господствовавшего миллета (уммета), не могли строить свои молельные дома (церкви и синагоги) выше мечетей.

Подобные ограничения были призваны всячески подчеркнуть приниженное положение покоренных иноверцев на контрасте с могуществом завоевателей-мусульман и согласовывались с буквой исламского закона, который велит мусульманам не чинить бесчинств и притеснений иноверным «людям Писания» (то есть иудеям и христианам), однако только лишь при условии соблюдения последними своей подчиненной роли и заключения «договора о покровительстве» с исламской общиной – уммой. Подобное «покровительство» как в Арабском халифате, так и впоследствии в других мусульманских государствах на практике оборачивалось официально закрепленным военно-политическим господством мусульман и полным устранением из сферы государственного управления представителей иных религий.

Миллетная система в Османской империи упрочила и систематизировала подобное положение дел на века вперед, создав структуру автономных религиозных общин (миллетов), призванных взаимодействовать не между собой, а лишь с султанским двором по вопросам управления подвластным населением. Главы этих общин, миллет-бashi, отвечали своими жизнью и имуществом за сохранение статус-кво и покорность «подопечных». Таким образом,

в Оттоманской Порте была создана довольно эффективная для своего времени политico-правовая модель гетерогенного социума, который делился на различные слабо связанные друг с другом сегменты, каждый из которых находился в специфической юридической связи с центральным стамбульским правительством.

Представления о классической мировой державе были восприняты в Османской империи и через римско-византийские традиции, и как *Nizam-i Alem* (система мира), принятая в исламской философской мысли. Османское государство признавалось единственным законным государством в мире. Любые другие государства, даже крупные державы, уступали в иерархической структуре державе османского султана. Эти представления продолжали существовать. Важно, что в них отсутствовало понятие «граница». Из-за неприятия наличия границ государства следовало и неприятие понятия «страна». Политическая сплоченность в государстве должна была обеспечиваться лишь такими характерными для классической империи отношениями, как «верность – справедливость». Любая социальная группа, хранящая верность политическому правителю, то есть султану, имела право рассчитывать на его справедливое покровительство. На этом представлении базировалась и та социальная система, которая складывалась в государстве. В ее основе лежала так называемая система «*millet*». Слово «*millet*» происходит от арабского корня «*mille*» и понималось тогда как некая группа, объединенная одной верой, религией. Каждая религиозная группа через своего религиозно-политического лидера (*milletbaşı*), выражая верность султану, имела право организовывать население и сама решать вопросы внутреннего порядка; государство выступало лишь как гарант справедливости в конфликтных вопросах между этими группами. Отношения между государством и обществом, следовательно, выливаются в социальную структуру, в которой индивид не связан напрямую с государством, общественная и косвенно политическая его верность при надлежали миллете, а верность миллете выражалась и в лояльности султану – так обеспечивалось политическое единство [1, с. 471].

Для старых империй, домодерных государств, создававшихся силой и силой же удерживаемых в целости, подобная ситуация не была новшеством. Аналогичные социальные структуры имели место и в предшественнице Порты, Восточной Римской империи (Византии), и в территориальных династических государствах Европы. Однако с течением веков жизнь бросала им все новые и новые вызовы. Постепенно и политico-правовое устройство, и социальные модели европейских обществ, доселе также неоднородных, медленно, но верно эволюционировали в сторону все большей гомогенизации. Эти процессы начали происходить в Западной и Центральной Европе с наступлением эпохи модерна [2, с. 47], когда позднее Средневековье уходило в прошлое и уступало место Ренессансу. Именно тогда, как принято считать, европейские общества поначалу незаметно, но с течением времени все более отдалялись от идей «государства-лесничего» и обращали свой взор к модели «государства-садовника» [3, с. 52], призванного к гораздо более тесному и скрупулезному взаимодействию со своими подданными – как с социальными группами (сословиями, стратами), так и с отдельно взятыми индивидами. Разумеется, этот процесс шел несколько столетий, далеко не везде был однонаправленным и поступательным, однако в результате Европа преобразилась, явив миру новую, модерную модель политico-правового взаимодействия общества и государства.

В Османской империи же эти процессы в середине XIX века только предстояло инициировать, и успех не был заведомо гарантирован. Во всяком случае, подобные задачи ставили перед собой реформаторы той поры, понимавшие, что старая миллетьная система уже не вполне отвечает веяниям времени и нуждается в концептуальном обновлении. В деле реформ османской государственности и социальной структуры они рассчитывали воспользоваться передовым опытом западноевропейских держав, заимствовав и переложив на османскую почву часть правовых и политических институтов.

Под знаменем масштабных изменений начались реформы Махмуда II, а позже и мероприятия танзиматистов при Абдул-Меджиде I, которые должны были ликвидировать отставание Порты от передовых европейских держав.

Говоря об изменениях в юридической сфере, прежде всего необходимо упомянуть три документа, по своему содержанию неравнозначных, однако родственных как своими целями, так и общим духом. Новую страницу в османской политико-правовой реальности открывал фирманс (указ) султана Махмуда II об умиротворении Мореи – одной из провинций империи, населенной этническими греками, – ставший реакцией Константинополя на резко усилившееся национально-освободительное движение в Греции, вылившееся в восстание, поддержанное европейскими державами. Несмотря на то, что после поражения султанских войск Греция в 1830 г. объявила о своей независимости, фирманс, так и не сыгравший своей роли, стал первым официальным документом, в котором османский султан открыто заявлял о «равном отношении» ко всем своим подданным «вне зависимости от их религиозной принадлежности». Более того, Махмуд II пошел дальше, заявив, что все подданные – его родные дети и он относится к ним одинаково, видя между ними разницу лишь чисто религиозную. Эта идея, впервыезвученная в фирмане 1830 г., через десять лет станет одним из главных лозунгов танзиматистов.

Вторым документом стал Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. Свое название хатт-и шериф («благословенный указ») получил в честь места провозглашения – площади перед султанским дворцом Гюльхане. Указ был обнародован 3 ноября 1839 г. и стал важнейшим опорным документом программы грядущих преобразований, заложив правовой фундамент всех последующих реформ. В нем содержалось обещание гарантировать безопасность жизни, чести и имущества всех подданных империи, обеспечить справедливый способ взимания налогов, ликвидировать откупную систему, навести порядок в рекрутском наборе и сократить срок солдатской службы. Указ декларировал гласность судебных процессов и прекращение практики конфискации имущества осужденных. Гюльханейский акт торжественно провозгласил равенство подданных империи в их правах и обязанностях без различия вероисповедания [4, с. 170]. Однако несмотря на все революционные новшества, которые он в себе содержал, хатт-и шериф по-прежнему закреплял господствующее положение мусульман в обществе. Сам «архитектор» хатта Решид-паша, один из виднейших сановников империи и идеологов Танзимата, в личном общении вовсе не скрывал, что целью указа являлось лишь смягчение конфессионального неравенства, но отнюдь не полное его уничтожение [5, с. 28].

Вслед за хатт-и шерифом в 40-х годах XIX в. последовал ряд новых актов, направленных на регулирование различных областей жизни подданных Высокой Порты: был принят уголовный кодекс, закон об обязанностях и правах государственных чиновников, закон о создании светских школ, учрежден уголовный суд и сеть коммерческих судов. Весьма примечателен факт учреждения в 1854 г. смешанных судов для рассмотрения дел с участием мусульман и немусульман. Также заметим, что в 1850 г. был принят закон о допуске зиммиеев в армию – поистине революционный шаг османского правительства на пути к уравнению в правах мусульман и немусульман. Хоть закон и остался на бумаге, встретив жесточайшее сопротивление мусульманского населения и не найдя практического воплощения, сама тенденция была показательной.

Наконец, в 1856 г., был издан хатт-и хумаюн («высочайший указ») султана, который подтвердил и расширил положения Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г. Гарантировались все льготы и привилегии немусульманских общин, декларировались допуск всех подданных империи без различия вероисповедания к занятию должностей на государственной службе и право поступления в гражданские и военные школы. Указ провозглашал равноправие подданных империи при рассмотрении дел в судах и равенство в правах всех налогоплательщиков, а также устанавливал, что немусульмане будут впредь допускаться на военную службу [6, с. 191].

Существенным новшеством было то, что миллеты, доселе автономные и представлявшие собой своеобразную «параллельную реальность», теперь включались в структуру османской администрации: правовой статус должностных лиц миллетов приравнивался к государственным служащим с сопутствующими этому статусу правами, обязанностями и юридической ответственностью за свои действия в рамках отправления служебных полномочий.

В 1866 г. вышел правительственный циркуляр, подтверждавший и конкретизировавший положения хатт-и хумаюна: духовным главам миллетов запрещалось представлять Порте «такриры» (жалобы, выходящие за рамки чисто религиозных вопросов). Подобный шаг был

одним из проявлений тенденции к все возрастающему ограничению автономии миллетов. Установление прямого контроля властей над деятельностью немусульманских миллетов посредством вовлечения их верхушки в османскую административную систему с выплатой жалованья за «службу» превращало духовных лидеров в государственных чиновников, подрывая тем самым старинный принцип их автономного существования. Подобными мерами танзиматисты стремились ликвидировать барьеры между миллетами и добиться тем самым создания интегрированного социума.

Главной проблемой на пути деятелей Танзимата, стремившихся, по образцу Западной Европы, к созданию единого османского социума, была изначальная гетерогенность этого общества, формировавшегося на сущностно иных принципах. Следствием реформ Танзимата стала двойственность и противоречивость государственных и общественных институтов, одни из которых оставались традиционными, другие же создавались по европейскому образцу [7, с. 180]. Кроме того, целям танзиматистов препятствовала и буква исламского закона, которую знали и оттоманский истеблишмент, и социальные низы. Более того, сам глава государства, османский султан, на тот момент совмещал в себе и роль светского владыки, и верховного религиозного главы мусульман-суннитов всего мира – халифа [8, с. 129]. Данный факт делал вдвойне неудобными и сущностно противоречивыми заявления стамбульского правительства о «равном отношении» ко всем подданным, что шло вразрез с мусульманским правом в части регламентации жизни иноверцев под властью исламского правления [9, с. 525]. Все это в совокупности влекло подспудное сопротивление консервативной части населения проводимым в жизнь изменениям, приобретавшее формы саботажа на местах. Попытки османских реформаторов создать как бы единую монолитную нацию условно западноевропейского образца на основе общегражданской надэтнической и внерилигиозной идентичности «османцев» на следующем этапе вылились в конструирование политico-правовых доктрин «слияния» и османизма, однако данная веха в истории оттоманского нациестроительства выходит за рамки тематики настоящей статьи и заслуживает пристального интереса в качестве самостоятельного предмета исследования.

В заключение необходимо сказать, что реформы османского законодателя в части изменения правового статуса иноверцев столкнулись со структурными препятствиями, выходящими за пределы простой этнокультурной пестроты населения, консерватизма исламских элит или конформизма правоприменителя. Проблема находилась значительно глубже. Попытки создания модерной нации – носителя суверенитета – на западноевропейский манер натолкнулись на сущностное отличие оттоманской социально-политической ситуации от аналогичных условий, складывавших в Европе веками. Если в Западной Европе в самом мышлении людей возобладали модерные формы социального взаимодействия и, как следствие, построения общества и его взаимодействия с государством, то в Османской империи таких условий не возникло и, полагаем, возникнуть не могло.

Исламская социально-нормативная культура вкупе с традиционно-монархическим типом легитимации верховной власти и крайним этнокультурным разнообразием населения препятствовали созданию модерной нации, что предопределило крах любых внешних попыток внести в эту картину «косметические» корректизы. Османская надэтническая нация, на контрасте, к примеру, с французской политической нацией, не состоялась. Однако, на наш взгляд, эта тема заслуживает дальнейшей разработки и внимания со стороны научного сообщества.

Список источников

1. Тюркер Т. Османская модернизация, ислам, проблема личности и государства // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2010. – 480 с. – С. 471 – 477.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильев. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.
3. Федоров С. Е., Филюшкин А. И. История и теория наций и национализма: учебник. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. – 208 с.

4. Петросян Ю. А. Российская историография Османской империи XVIII – XX вв. – СПб.: Наука, 2012. – 260 с.
5. Петросян Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 280 с.
6. Сафрастян Р. А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50 – 70 гг. XIX в.) / Отв. ред.: О. Г. Инджикян. – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1985. – 147 с. В надзаг.: АН АрмССР, Ин-т востоковедения.
7. Дулина Н. А. Реформы танзимата и шариат // Ислам в истории народов Востока. – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. – 197 с. – С. 177 – 181.
8. Burak, G. Evidentiary Truth Claims, Imperial Registers, and the Ottoman Archive: Contending Legal Views of Archival and Record-Keeping Practices in Ottoman Greater Syria (Seventeenth – Nineteenth Centuries) / Guy Burak // Bulletin of SOAS. – 2016. – Vol. 77. – № 1. – Pp. 129–142.
9. Kostopoulou, E. Autonomy and Federation within the Ottoman Empire: Introduction to the Special Issue / Elektra Kostopoulou // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. – 2016. – Vol. 18. – № 6. – Pp. 525–532.

References

1. Tyurker T. Ottoman modernization, Islam, the problem of personality and the state. In: *Russia and the Islamic world: a historical retrospective and modern trends*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Kraft+; 2010. – 480 p. (In Russ.)
2. Hobsbawm E. *Nations and nationalism after 1780*; translated from the English by A. A. Vasil-ev. St. Petersburg: Aleteya; 2017. 308 p. (In Russ.)
3. Fedorov S. E., Filyushkin A. I. *History and theory of nations and nationalism: textbook*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2016. 208 p. (In Russ.)
4. Petrosyan. A. *Russian historiography of the Ottoman Empire of the XVIII – XX centuries*. St. Petersburg: Nauka; 2012. 260 p. (In Russ.)
5. Petrosyan Yu. A. *The Ottoman Empire: power and death. Historical essays*. Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature; 1990. 280 p. (In Russ.)
6. Safrastyan R. A. *The doctrine of Ottomanism in the political life of the Ottoman Empire (50 – 70 years of the XIX century)*. O. G. Injikyan (ed.). – Erevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR; 1985. – 147 p. In the supervision of: Academy of Sciences of the Armenian SSR, Institute of Oriental Studies. (In Russ.)
7. Dulina N. A. Reforms of the Tanzimat and Sharia. In: *Islam in the history of the peoples of the East*. Moscow: The Main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"; 1981. 197 p. (In Russ.)
8. Burak G. The requirements of evidentiary truth, imperial registers and the Ottoman archive: Contradictory legal views on the practice of archiving and record keeping in Ottoman Great Syria (XVII–XIX centuries). *Bulletin of SOAS*. 2016;77(1):129–142. (In Russ.)
9. Kostopoulou E. Autonomy and Federation within the Ottoman Empire: an introduction to a special issue. *Journal of Balkan and Middle Eastern Studies*. 2016;18(6):525–532. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Федосов – старший преподаватель кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС.

Information about the author

I. V. Fedosov – Senior Lecturer at the Department of Law of the Northwestern Institute of Management of the RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Интегративное правопонимание: содержание определения и объект исследования

Дмитрий Александрович Леусенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ld08@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению закономерностей развития интегративного понимания права на основе изучения содержание природы права, осмыслиения элементов процесса нормогенеза/формогенеза в теории права и исследования особенностей формирования метода интегративного правопонимания. Большое внимание в статье уделяется анализу превращенной формы социальной нормы и ее роли в развитии методологии социальных наук и изучении природы права.

Ключевые слова: интегративное правопонимание, норма, нормогенез, политогенез, правогенез, превращенная форма, социальная реальность, социогенез, реальность права

Для цитирования: Леусенко Д. А. Интегративное правопонимание: содержание определения и объект исследования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 50–59. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-50-59>. EDN SBAYRP

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Integrative legal understanding: the content of the definition and the object of the study

Dmitry A. Leusenko

South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ld08@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the regularities of the development of the integrative understanding of law based on the study of the content of the nature of law, the understanding of the elements of the process of normogenesis /formogenesis in the theory of law and the study of the peculiarities of the formation of the method of integrative legal understanding. Much attention is paid in the article to the analysis of the transformed form of social norm and its role in the development of the methodology of social sciences and the study of the nature of law.

Keywords: norm, normogenesis, sociogenesis, politogenesis, legal genesis, integrative legal understanding, transformed form, social reality, reality of law

For citation: Leusenko D. A. Integrative legal understanding: the content of the definition and the object of the study. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):50–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-50-59>. EDN SBAYRP

На протяжении последних тридцати лет разработка теории интегративного понимания права является одной из наиболее сложных теоретических проблем отечественной юридической науки. Кризисное состояние исследований в области правопонимания признается большинством теоретиков права. Интегративное правопонимание может представлять собой выход из подобного кризиса, но для этого содержание интегративного правопонимания должно обрести рамки теоретической конструкции, связанной единством принципов построения теоретических элементов, методов исследования и ясно понимаемым образом цели – пониманием

процесса складывания, формирования природы права, пониманием природы права как определенного процесса, у которого есть своя направленность, основные элементы, этапы развития, взаимодействие последовательностей¹. Для этого в свою очередь необходимо конкретное методологическое видение, которое позволяло бы понять это содержание нормы права и необходима определенная идея², которая бы позволяла бы в краткой форме интерпретировать, выразить данную природу, и тем самым определить содержание используемого метода исследования.

В силу своей определенности, ориентированности на понимание процесса складывания природы права интегративное правопонимание может являться одной из истинных парадигм, тесно взаимосвязанных с природой права настолько, насколько предметы отбрасывают тени в процессе движения солнца по небосклону, насколько точно объект исследования должен отражаться в теории права, о чем в свое время написал Дж. Берман [1, с. 25]. Разумеется, представления о том, что интегративное правопонимание является некоей совокупностью всех точек зрения о природе права, не может считаться каким-либо из возможных вариантов интегративного правопонимания. Подобная попытка, если бы она была бы предпринята, являлась бы мертворожденной, поскольку не обладала бы единством метода исследования. В таком случае, нельзя было бы говорить о том, что современная юридическая наука (а в зарубежных исследованиях, как и в отечественной науке, только наметились теоретические подходы к интегративному правопониманию) находится в состоянии кризиса, а напротив, ответ на вопрос о природе права, а точнее о содержании природы права, о процессе складывания природы права и ее влиянии на известную в теории права структуру – форма права, внешняя форма права, внутренняя форма права, форма государства, связь право и политогенеза, - уже найден, равно как и в полной мере получен ответ по поводу нормативности, формальной определенности, системности нормы права.

По-прежнему, и вопрос о внутренней форме права, о соотношении ее с внешней формой права, о содержании правового отношения с точки зрения того, меняет ли применение нормы права содержание социальной реальности, вырабатывается ли благодаря правовому отношению новая, правовая материя или нет, а также вопрос о соотношении процессов право и политогенеза, являются нерешенными в теоретическом правоведении, и тому есть немало причин. Их описание в каком-то смысле также является путем к пониманию интегративной сущности права, поскольку содержание данных вопросов является видимой частью тех серьезных проблем, которые присущи современному уровню правопонимания.

Определяющей проблемой теоретического правоведения является отсутствие или даже отказ от сколько-нибудь серьезного анализа социогенеза, характерного не только для идеологии юридического позитивизма, но и для других направлений правопонимания³. Эта проблема умножается неразвитостью понятийного аппарата социологии как союзницы юридической науки в постижении проблем общества и права в конце XIX в. – начале

¹ Из которых и складывается не просто понимание природы права, а понимание его тела, понимание содержания его природы, идеальной и невещественной.

² В истории отечественной юриспруденции начала, частичный абрис такой идеи был сформулирован в творчестве Б.А. Кистяковского в его теоретической позиции по поводу социальной нормы. Содержание исследовательской точки зрения Б.А. Кистяковского в данном вопросе может рассматриваться в качестве начал социологического нормативизма в отечественной юридической науке и одновременно как основания интегративного понимания права.

³ Подобная формулировка вполне оправдана, наличие данного термина – направление правопонимания показывает отсутствие выстроенной теории понимания права в ее целокупном состоянии единства объекта, метода и цели исследования. С другой стороны, выделение направления или направлений понимания природы права может быть оправдано тем, что направление представляет собой общий вектор, в его рамках может содержаться несколько методологических конструкций, а одной из идей, объединяющих принципы построения элементов теоретической конструкции, метод и образ цели исследования, может являться идея социологического нормативизма о значении социальной нормы для природы не только общества, но и методологии социальных наук. В данном случае идея нормативизма является не только интерпретацией, характеризующей результат процесса социогенеза, но и определяющей теоретической конструкцией для анализа социальной нормы, имеющей методологическое значение.

XX в. и общей зависимостью социальных наук от исследовательской парадигмы биологии¹. Недостатки понятийного аппарата социологии и юриспруденции в свою очередь связаны с другой мета-проблемой уже не только юридической науки, но и всей европейской теории познания, формировавшейся в обстановке противоречащих друг другу исследовательских площадок, как это было в греческой философии Демокрита, Платона и Аристотеля (о чём мы писали ранее [3]) и складывавшейся на основании цивилизационных конфликтов, когда познавательная установка, выработанная в античной философии наталкивалась на противоречия с ядром познавательной установки средневековой христианской философии [2]. В последующем в новоевропейское время в процессе формирования современной науки прежняя европейская наука в лице теологии стала противоречить новой науке, основанной на непреодолимом господстве эксперимента, который превратился в одну из доктрин позитивной науки.

Если мы более подробно обратимся к проблеме социогенеза, то интегративная по своему содержанию природа права² своим единым, «методологическим» для правоведа рисунком покажет вектор, направление изучения. В таком смысле вся природа права, ее социальная и юридическая совокупность, представляет интегративную по содержанию природу права, все этапы формирования права как явления с постепенно формирующейся сущностью³, и в этом смысле, как мы уже отмечали, интегративное понимание права может являться одной из немногих эффективных теорий правопонимания. И фундаментальным шагом к подобному правопониманию будет, с одной стороны, взаимосвязь между социальной и логической природой права, указанная Б.А. Кистяковским на основании анализа греческой философии как теории познания, и та исследовательская площадка, исследовательская позиция по поводу природы общественности и реальности права, с другой⁴.

Известно, что определяющими признаками нормы права являются нормативность формальная определённость, системность [4]. Это есть результат действия социальной природы права, формирующейся в процессе социогенеза, результат интегрируемой и интегрирующейся природы права. К факторам формирования права следует отнести следующую группу причин⁵: экономические факторы как-то переход от присваивающей экономики к производящей, результаты неолитической революции и начало использования разного рода орудий труда, изменение структуры питания, что повлекло за собой рост численности человеческих коллективов. В результате перехода к скотоводству человек стал регулярно питаться мясом, и это способствовало увеличению популяции. Всё это в свою очередь способствовало социально-психологическим факторам рождение права, а уже рост числа конфликтов потребовал возникновения первоначальных норм.

Этот процесс одновременно и прост, и сложен для понимания. Нужно отметить, что он является в свою очередь результатом другого процесса превращения общества в общество, процесса формирования той социальной общности и того социального единства, интерпретационный образ для которого искал в своем методологическом сборнике «Право и социальные науки о праве» Б.А. Кистяковский [6]. Прежде чем представить и понять содержание правогенеза, мы должны обратить внимание на «реальность общества». В противном случае, мы

¹ Как отмечает В.В. Ершов, «поверхностное перенесение структуры как одной из категорий биологической науки в науки социальные, имело скорее негативные, нежели позитивные последствия». Цит. по: [2, с. 62].

² А она не может быть иной, необходимо найти только верный подход к проблеме природы права, без этого право не было бы тем феноменом современной цивилизации, которым оно сейчас и является.

³ Не относительно категории средневековой схоластики, а с точки зрения реализации в теле права логических взаимосвязей, последовательностей и действий элементов, которые приводят к формированию этого постепенно формирующегося тела, когда логические последовательности, выраженные в процессе развития и далее действия права, подхватываются нашим умозрением и делаются как бы видимыми нашему уму, иллюстрируя тем самым ту уже упомянутую взаимосвязь между правом и теорией права, о которой писал Дж. Берман.

⁴ Подробно об этом: [2]. Кроме того, подобная площадка может являться примером вклада Б.А. Кистяковского в неклассическую науку.

⁵ Фактор с латыни и означает группу причин. См.: [5].

не поймем реальность права. Кроме того, осознание процесса формирования общества, процесса формирования социального поля важно еще и с точки зрения понимания его ведущих элементов и природы этих элементов, которые и есть одновременно процесс делания нормы.

Основой формирования социального пространства является ценность, те ценностные убеждения, которые находятся внутри нас, внутри даже самого циничного и беспринципного человека. Они формируются благодаря нашей связи с реальностью, с физическим миром. Человеческий организм, наше сознание привыкли откликаться на окружающий мир в системе координат, а именно: плохо или хорошо, добро или зло для меня. В рамках политогенеза, процесса формирующего первые государственные механизмы, в рамках действий первоначального лидера, подобная система координат позволяет сформировать представления о плохом и хорошем для всего общества, но, отмечая этот первоначальный путь, который ведет нас к образованию первой социальной нормы¹, нужно не забывать и о другом. Необходимо помнить о закономерностях формирования указанного нами социального пространства, поскольку, как мы уже сказали ранее, понимание реальности общества порождает реальность права, и процесс понимания этой реальности находит закрепление в правопонимании и требует своего единства, выраженного в теории правопонимания.

Социальное пространство вокруг нас порождается в результате той уже упомянутой ценности, которая существует внутри нас, нашего действия в результате этой ценности и той «случаемости», которая представляет собой реакцию окружающего мира на нас, его вызов, подобно тому, как если бы мы вышли на остановку и увидели бродячую собаку, животное, прошедшее с человеком длинный путь в процессе социогенеза. Ценности защитника животных могут нас сподвигнуть на то, чтобы зайти в ближайший магазин и купить бедняге поесть. Ценности ненавистника собак породят другую реальность – мы постараемся максимально испортить жизнь брату меньшему и даже можем позвонить с мобильного телефона в санэпидслужбу. Собака так же может выступить в качестве перста судьбы и укусить нас и, таким образом, объективная «случаемость» породит уже третью реальность.

Из таких реальностей, реальных социальных случаев соткано социальное пространство вокруг нас. Мы не задумываемся, что в течение дня мы совершаются десятки и сотни выборов, а среда испытывает нас на прочность. Но дело в другом: теоретически важно понимать, что социальная реальность это не какое-то абстрактное понятие, и, тем более, не череда взаимосвязанных позиций, а определенный, конкретный объект познания, который должен учитываться в рамках нашего анализа в качестве такового объекта, определенного феномена, существующего конкретно в результате взаимодействия людей с явлениями окружающего мира и другими людьми.

Такие, но коллективные реальности, переживал в процессе социогенеза и первый человек, создавая общество себе подобных. И когда сходный положительный опыт от действий в тех или иных ситуациях накапливался, то, как правило, находился первоначальный лидер, вождь, который предлагал облечь повторяющийся позитивный опыт в определенную словесную оболочку². И вот здесь, к великому сожалению, наступает момент, который практически

¹ Ведет во всем многообразии мировоззренческих позиций, начиная от изначальной объективной предустановленности ценности в нашем сознании (хотя она и возникает в процессе деятельности и опыта), до представления о реальности и реализации Божьего действия над миром и человеком, результатом чего в политогенезе становится договор между Богом и людьми, что рассматривается подробно в теологических концепциях происхождения государства и права.

² Эта словесная оболочка в качестве мононорм хорошо известна сторонникам точки зрения о раннем формировании права в социальном мире первых сообществ, а применительно к теологическим концепциям происхождения государства связана с божественными заповедями «Не убий», «Не укради», «Не прелюбодействуй». В данном случае первая и вторая заповеди о любви к Богу: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства, да не будет у тебя других богов перед лицом Моим; Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь» являются в определенном смысле принципами, путями истинного познания.

не исследуется в теории права и на который не обращают внимание студентов. Вместе с тем, это один из сложных моментов в интегративном правопонимании (как справедливо отметил В.В. Лазарев, для интегративного понимания требуется своя дешифровка, свое понимание [7]). *Здесь мы видим переход, превращение содержания в форму, когда определенное, как мы уже сказали позитивное содержание, превращается в форму со словесными границами, а реальный социальный случай превращается в формулировку.* Здесь порождается превращенная форма, порождается первая социальная форма, которая и есть внутренняя форма будущей нормы права, и есть первый, интегрируемый факторами социального мира этап формирования нормы, а процесс развития социальной нормы в рамках социального мира первых сообществ превращается в закономерно онтологический источник для развития, формирования права в рамках единого процесса формогенеза.

Иными словами, формируется социальная норма и это порождается единый, интегративный по своему содержанию процесс формогенеза¹. При этом важно понимать следующее: природа социальной, еще не записанной договоренности, природа социальной установки является одной, то есть, не вещественной и вслед за ценностью, содержащей идеал о плохом или хорошем, то есть, идеальной, а природа социального случая является совсем другой: это реальность, которая происходит с людьми, с человеком и т.д. Важно понимать и иное: процесс формирования нормы связан с социальной действительностью и норма как бы располагаясь над нею, начинает разделять социальное содержание своими границами. Превращенная форма нормы своими границами разделяет социальное содержание, социальную действительность.

Для этого норма должна обладать своим главным качеством – быть нормативной. Это тоже самое, второй синоним нормы, как выражение ее качества по отношению к реальности, к будущему действию, когда *нормативность* нормы, ее способность иметь границы позволяет ей осуществлять процесс *нормированности*, то есть, *разделять своими границами содержание социальной жизни, созиная такую нормированную жизнь и такое состояние нормированности, которое и называется обществом*. Благодаря этому у нас рождается совершенно свободно, вне каких-либо научных идеологий понимание того, что, во-первых, норма имеет идеальную, невещественную природу по сравнению с социальным случаем и социальной действительностью, во-вторых, норма слагается из определенных логических последовательностей, а ее границы, ее форма есть результат определенного процесса, превращения содержания в форму, который в свою очередь связан с группой уже упомянутых причин-факторов.

Первый этап социогенеза связан с тем, что возникает положительный для всех социальный опыт реальная конкретная ситуация положительная для всех. Затем кто-то, первоначальный лидер, жрец, вождь придумывает социальную ход, социальную инженерию о том, что не нужно каждый раз проходить весь социальный путь, ведущий к положительному социальному опыту. Достаточно устно договориться в соблюдении определенных правил, нуждающихся в закреплении. В этом заключается роль первоначального лидера. Но теперь это уже не конкретный социальный случай, а просто словесная оболочка, которая своими границами начинает разделять действительное социальное содержание, социальную реальность.

В результате рождается три очень важных следствия, организующих процесс социо- и правогенеза. Во-первых, образуется первоначальная социальная форма, она выражена словесно установленными границами нормы, которые отображают нормативность как главный признак природы нормы, главное качество нормы. Во-вторых, порождается взаимосвязь словесной, а точнее идеальной природы нормы с реальным социальным случаем, когда эта первоначальная

¹ Одновременно становится понятен горячий спор Б.А. Кистяковского с Р. Штаммлером и «молодым автором» Г. Кельзеном, который он ведет в своей методологической работе «Право и науки о праве», спор о том, что понимание природы права необходимо начинать от социальной природы права. С этой точки зрения более понятным представляется и другое его «загадочное» утверждение после этой полемики, тезис о том, что поняв природу общества, мы познаем природу не общества..., а природу «методологии социальных наук». То есть, мы можем построить на такой исследовательской установке и подобном понимании природы общества теоретическую и методологическую конструкцию, которая выражала бы в себе природу права.

социальная форма разделяется социальное содержание, таким образом, нормируя его. Иначе говоря, нормативность как главное качество нормы делает возможным процесс нормирования, когда норма разделяет социальную действительность. В-третьих, идеальная природа нормы формируется благодаря системообразующему значению социальной ценности, содержащей в себе формирующуюся в процессе деятельности человека возможность различать положительное и отрицательное для себя, которая на коллективном уровне в условиях получившей уже общее, социальное значение необходимости разрешения какой-то крупной проблемы для будущего сообщества (защита своей территории, удержание воды на полях в наиболее древних государствах) и трансформирующуюся до политической роли вождя-лидера в рамках решения данной проблемы, порождает социальное взаимодействие, социальную природу нормы и общества, в результате чего запускается процесс создания государства, которое завершает процесс формообразования, создавая записанное в специальных текстах, посредством специальной процедуры, специальными органами онтологическое продолжение социальных норм – право.

Важно понимать идеальную невещественную природу права, которая создаётся в процессе созидания социальной формы, в процессе превращения социального содержания в форму со словесными границами. К сожалению, в теории права социальная норма рассматривается как данность, не рассматривается процесс развития социальной нормы.

Благодаря тому, что нормативность реализуется в нормированности получается так, что природа права или природа нормы обуславливает действие права, нормативность способствует нормированности. Нормативность как определённое состояние нормы способствует нормированности, она превращается в тот бензин, который ведёт к действию права.

Благодаря такому подходу мы можем понять, что процесс нормогенеза состоит из определённых элементов, благодаря такому подходу мы воспринимаем норму не как некое определение, а как определённые социальный процесс порождения нормы, когда экономический, социальный, политический, демографический факторы создают форму нормы, благодаря чему мы видим что процесс социогенеза есть формогенез.

Право есть процесс нормирования, осуществляемый на основе нормативности нормы и реализации функции государства, но это есть постепенно формирующийся процесс, а право есть явление с постепенно формирующейся сущностью и поэтому главным является не само определение, а понимание процесса нормогенеза и его единство социальной и юридической природы нормы, где социальная природа, социальная форма есть онтологическое начало нормы права¹, а с точки зрения закона как внешней формы права, это начало является внутренней формой права. Кроме того, подобный анализ помогает избежать идеологически ориентированных точек зрения на право.

Понятие о превращенной форме и введение его в теоретическое правоведение является очень важным, поскольку, во-первых, мы находимся вне рамок мировоззренческих, идеологических предпочтений в науке. Ориентируясь только на содержание механизма превращения, мы можем говорить о идеальной, невещественной природе права. Во-вторых, мы можем говорить о конкретном содержании процесса нормогенеза благодаря данному понятию. В-третьих, мы можем поднять на новый уровень решение вопроса о форме в теоретическом познании, без которого невозможно дальнейшее развитие теоретического правоведения.

При этом важно отметить, еще одно теоретическое достоинство подобного подхода: вышеперечисленные новые элементы анализа проблемы правопонимания формируются не только благодаря содержанию природы данного момента, но таким образом мы можем представить, переложить содержание данной природы в рамки определенной теоретической конструкции, так как процесс нормогенеза с точки зрения его теоретического осмысливания вплоть до нормы права представляет собой процесс формогенеза, оставаясь таким и на содержательном конкретно-историческом уровне развития формы, а это очень важно, поскольку в свою очередь позволяет поднять на новый уровень интерпретационные возможности

¹ К сожалению, практически единственной работой, посвященной онтологии права, является одноименная работа одного из старейших членов Конституционного суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева. См. [8].

теоретической конструкции в юридической науке. В таком случае становится понятной еще одна теоретическая догадка Б.А. Кистяковского: о том, что формирование нормы права сродни формированию теоретического понятия.

На основе истинного понимания нормогенеза/формогенеза мы можем создать теоретическую конструкцию, моделирующую процесс развития нормы права, увидеть в тексте конкретные этапы формирования нормы права *на основании этого момента перехода* в рамки теоретической конструкции, не столько с точки зрения теоретических усилий исследователя, а благодаря этому единству нормы в форме, нормы как формы. Так и на основе понимания этого единства мы можем увидеть не только единство процесса образования права от социального мира вплоть до нормы права, что закономерно отображает в правопонимании для нас интегрирующуюся и интегративную по результату природу права, но и увидеть в учении Б.А. Кистяковского о социальной природе права конкретные элементы для развития теоретического правоведения на основе понимания интегративной природы права. Прежде всего, речь идет о его понимании роли социальной нормы в методологии социальных наук, о необходимости детальнейшего анализа социальной нормы для нужд методологии права, и о возможности построения подобной теоретической конструкции в правоведении, своими элементами, своими узорами, описывающей природу права на основе постулируемого им «научного идеализма»¹. В этом смысле следует еще раз упомянуть важное теоретическое высказывание В.В. Лазарева о том, что интегративное понимание права так же нуждается в своей интерпретации. Интегративная природа права в силу данного момента лояльности теоретической конструкции должна быть понята посредством определенного интерпретационного ключа, интерпретационного механизма, который бы по своей сути и отражал реальную историческую последовательность взаимодействия элементов нормогенеза, базировался бы на описании данного процесса, был бы объяснением этого механизма, а в результате пояснял бы и возникающее в истории теоретическое единство этого возможного перехода содержания формогенеза на уровень теоретической конструкции в качестве такого «онтического» момента, о чем пишет позднее Б.А. Кистяковского другой уроженец Российской империи, будущий известный онтолог Н. Гартман и чему удивляется, иначе не скажешь, Б.А. Кистяковский и вторит его удивлению спустя тридцать лет будущий маститый социолог Т. Парсонс. Теоретическая позиция социологического нормативизма вполне может выступать в качестве подобной интерпретационной идеи. В результате мы можем видеть отдельные элементы интегративного правопонимания в творчестве правоведов прошлого, с одной стороны, и те элементы в теории познания, которые мешают до сих пор в познании закономерностей интегративного правопонимания, с другой стороны.

Прежде всего, следует сказать о неразвитости теории формы в европейской теории познания как следствии ранее упомянутых цивилизационных противоречий, злоключений в данной теории. В работе «Интегративное правопонимание» мы приводим исследование представителя малоизвестной, забытой школы логики В. Татаркевича «Исследование шести понятий» [9]. Один из его разделов посвящен изучению генезиса понятия формы в европейской теории познания. Как отмечает В. Татаркевич, данный термин является одним из самых долговечных и самых многозначных терминов. Латинское слово «*formā*», которое вошло без изменений в итальянский, испанский, польский, русский языки, и с незначительными изменениями во французский («*forme*»), английский и немецкий языки («*form*» в обоих случаях), представляет собой замену двух греческих терминов «*morfe*» и «*eidos*», первый из которых «главным образом означал видимые формы, а второй – понятийные» [9, с. 232]. Именно благодаря такому сочетанию, по мнению В. Татаркевича, возникли сразу несколько значений понятия форма в европейской теории познания, среди которых польский специалист по логике научного познания выделяет понятие формы как понятийной сущности предмета, изобретенное Аристотелем, понятие формы у И. Канта, которая «есть то же, что и вклад разума в познаваемый

¹ Не следует путать такое понимание с пониманием идеализма в философии. Б.А. Кистяковский вкладывал совсем другое содержание в свой «научный идеализм».

предмет» [9, с.232], и понятие, получившее развитие в эстетике, связанное с соотношением частей. Противоположностью или коррелятом формы в этом случае являются элементы, составляющие, части, которые форма соединяет, собирает в целостность. Подобные корреляты или работающие элементы свойственны всем формам: форме Аристотеля противоположены случайные свойства предмета, форме Канта соответствует то, что привносится разуму извне («а то, что «не создано и не привнесено разумом, но дано ему извне в опыте») [8, с. 232]. Другие понятия формы, а их В. Татаркевич выделяет очень много, более десятка (но нигде не присутствует понятие социальной формы, формы социальных явлений), также имеют свои корреляты. Именно о примерах художественного творчества пишет Б.А. Кистяковский применительно к особенностям социального бытия.

Точка зрения В. Татаркевича на развитие теории формы в европейском познании позволяет по-новому рассмотреть вопрос о природе формы в социальных науках и природе права в юридической науке, в определенном смысле «легитимизирует», подтверждает правомочность исследовательского поиска по направлению к рассмотрению формы не как понятийной характеристики явления, а конкретно существующего элемента реальности, рассмотрение «формочности» нормы не только со стороны кантовской философии, когда форма объединяет признаки явления в нашем сознании, но и с точки зрения реально существующей формы, совокупности содержания нормы, выраженной конкретными границами, воспринимаемыми и нашим сознанием (здесь более определенным становится выход на теоретическую позицию Л. Петражицкого), и существующими в социальной реальности, соединения нормы как нормативности и далее нормированности для конкретно исторического процесса социогенеза и «формности», реальности очерченных в словесной оболочке границ, не характеристики признаков явления в определении, а формы как конкретного элемента социальной действительности, очерченного в результате социальных (социальная природа права) и логических (взаимодействие элементов в процессе складывания природы социальной нормы) сил. В силу неоднократных теоретических переходов от античной философии к философии схоластики наметился не только переход от понимания формы как «morphe» к ее восприятию в качестве эйдоса, но для теории познания благодаря философии Аристотеля состоялось полное замещение понятие формы на «eidos».

Если Платон двухмерно рассматривал мир идей и мир вещей, то Аристотель своим понятием первоформы, пример которой он видел в скульптуре, постарался довести учение своего учителя до завершающего аккорда. Передавая через пример скульптуры образ внешней формы, он понимал его уже как форму понятийную, эйдос и тем самым связал мир внешний и внутренний, форму как внешне очерченный круг и форму как соединение элементов явления в понятии, тем самым обеспечив дальнейшее развитие теории познания на началах категорий. После этого мир теоретических явлений как понятий навсегда отделился от содержания явления, его конкретно-исторического развития и существования¹, а в культуре мышления форма навсегда превратилась из реального объекта в возникающий в познании объект. Подобная точка зрения была развита в европейской теории познания в период схоластики и в теории познания И. Канта.

Восприятие формы как категории – такова была фундаментальная точка в развитии европейской теории познания и цена цивилизационных переходов и наслоений, получивших свое подкрепление в европейской теории схоластики и гносеологической традиции в познании, несмотря на то, что и Платон, и Аристотель указывали на невозможность рассмотрения явления вне связи с процессом его развития. Производство этого «онтического» для теории познания момента в процессе создания нормы сродни выделяемому в процессе взаимодействия атомами излучения, оно предоощущается, воспринимается авторами и ведет не только к познанию содержания интегративного понимания права, но и разрешает познавательные проблемы теории познания в целом, когда форма воспринимается не только как элемент

¹ О наличии подобных барьера пишет известный специалист по теории познания Л.А. Микешин. См.: [10].

нашего мышления, но и реальный объект социальной действительности, формирующийся в процессе рождения нормы.

Возможно, в содержании такого перехода в мышлении следует воспринимать указание Б.А. Кистяковского по поводу «научного идеализма». В таком понимании социальная форма выполняет значение внутренней формы для внешней формы права. Последняя взаимодействует с нею на онтологическом уровне, связана по факту рождения, поскольку первая социальная форма порождает взаимодействие с социальной действительностью, нормируемой ею и подобное сочетание словесной установки и социальной реальности всегда будет составной частью работы законодателя, без чего данная внешняя форма закона невозможна.

Таким образом, исследование интегративной природы права возможно только на новой теоретической, исследовательской площадке, предусматривающей изучение права и общества как реальных феноменов с объяснением причин их реальности посредством фиксации особой природы общественных связей, общественных взаимодействий и фасцинации конкретно-исторического и теоретического уровней развития социальной нормы, а также взаимосвязей процессов полито и правогенеза. Интегративное правопонимание связано с доказательством единства двух кругов порождения права, социального, выраженного в социальном взаимодействии в социальном мире и рождении социальной нормы, и собственно юридического круга, в котором в рамках завершающегося процесса политогенеза происходит рождение высшей формы формогенеза (здесь Г. Кельзен был безусловно прав) с точки зрения ее природы, то есть, ее формы, максимально совершенной благодаря деятельности законодателя и превращающей социальное содержание в правовое, подобно тому, как социальное норма творит нормативное содержание, превращая общество в общество, в его реальность и делает возможным труд законодателя по совершенствованию формы нормы, является онтологическим источником для нормы права.

Список источников

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, 1998. 624 с.
2. Леусенко Д. А. Интегративное правопонимание. Монография. Под ред. доктора юридических наук, профессора Шатковской Т.В. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2022.
3. Леусенко Д. А. Развитие нормы: анализ природы нормы как основание интегративного понимания права, интегративный эффект и превращенная форма в теории права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 45–53.
4. Теория государства и права: Учебник / Под редакцией В. Н. Корнева. М.: РАП, 2014.
5. Леусенко Д. А. Происхождение государства и права. Учебное пособие. Под ред. доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Г.В.Мальцева. Ростов н/Д.: Изд-во «Эверест», 2012. 160 с.
6. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 708 с.
7. Lazarev V. Integrative perception of law. Kazan university law review / Volume 1, Fall 2016, Number 1, p. 19-32.
8. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013. 319 с.
9. Татаркевич В. История шести понятий. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
10. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005.

References

1. Berman G. J. *The Western tradition of law: the epoch of formation*. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1998. 624 p. (In Russ.)
2. Leusenko D. A. *Integrative legal understanding*. Rostov-on-Don; 2023. (In Russ.)

3. Leusenko D. A. Development of the norm: analysis of the nature of the norm as the basis of the integrative understanding of law, the integrative effect and the transformed form in the theory of law. North Caucasian Legal Vestnik. 2022;(1):45–53. (In Russ.)
4. Theory of State and Law: Textbook. Edited by V.N. Kornev. Moscow; 2014. (In Russ.)
5. Leusenko D.A. *The origin of the state and law. Study guide.* Edited by Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences G.V.Maltsev. Rostov-on-Don, Everest Publishing House; 2012. 160 p. (In Russ.)
6. Kistyakovsky B.A. *Law as a social phenomenon.* Moscow: Edition of M. and S. Sabashnikov; 1916. 708 p. (In Russ.)
7. Lazarev V. Integrative perception of law. *Kazan university law review / Volume 1, Fall 2016, Number 1,* p. 19-32.
8. Gadzhiev G. A. *Ontology of law: (critical study of the legal concept of reality).* Moscow: Norma; 2013. 319 p. (In Russ.)
9. Tatarkevich V. *The History of six concepts.* Moscow: House of Intellectual Books; 2002. (In Russ.)
10. Mikeshina L. A. *Philosophy of science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research: studies. manual.* Moscow: Progress-Tradition: MPSI:Flint; 2005. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Леусенко – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. A. Leusenko – Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принятая к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Проблемы терминологии в сфере охраны права

Юрий Борисович Чупилкин

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
chupilkin2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема систематизации терминов в сфере охраны права в контексте совершенствования теоретических основ правоохранительной деятельности. На основе терминологического метода осуществлено сравнительно-правовое исследование правоохранительной терминологии. Уточняется терминологический статус и роль терминологических словосочетаний в определении понятий охраны права Обоснован подход к формированию правоохранительных терминологических систем, учитывающий различие содержания охраны права посредством охранительной функции права и правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: охрана права, правоохранительная деятельность, правоохранительная терминологическая система, правоохранительный термин, терминология

Для цитирования: Чупилкин Ю. Б. Проблемы терминологии в сфере охраны права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 60–66. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-60-66>. EDN SLOZJA

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Problems of terminology in the field of right protection

Yuriii B. Chupilkin

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, chupilkin2011@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of systematizing terms in the field of legal protection in the context of improving the theoretical foundations of law enforcement. Based on the terminological method, a comparative legal study of law enforcement terminology was carried out. The terminological status and role of terminological phrases in defining the concepts of legal protection are clarified. An approach to the formation of law enforcement terminological systems is substantiated, taking into account the difference in the content of legal protection through the protective function of law and law enforcement activities.

Keywords: protection of law, law enforcement, terminology, law enforcement term, law enforcement terminological system

For citation: Chupilkin Yu. B. Problems of terminology in the field of right protection. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):60–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-60-66>. EDN SLOZJA

Развитие любой науки сопровождается выработкой системы понятий и соответствующей системы терминов. Это в полной мере относится к правоохранительной науке.

В юридической литературе и научных исследованиях правоохранительная терминология представлена многообразием терминов: «правоохранительная деятельность», «правоохрана», «охрана права», «охрана правопорядка» и др.

Несмотря на многообразие научных терминов для обозначения охраны права не все они получили развитие в юридической науке, а предлагаемый понятийно-терминологический аппарат не привел к созданию общепризнанной теоретической модели охраны права.

Как следствие, сложившаяся ситуация сопровождается отсутствием законодательно закрепленных определений таких широко употребляемых в нормативных актах терминов, как «правоохранительный орган» и «правоохранительная деятельность».

В юридической литературе отмечается, что понятия «правоохранительная форма осуществления функций государства», «правоохранительная деятельность», «правоохранная деятельность», «правоохрана», «охрана правопорядка», «охрана права от нарушений» в функциональном (а не объектном) смысле тождественны. Они означают не что иное, как деятельность по охране правовых норм от нарушений. Этим выводом совпадение взглядов в исследуемой проблематике и ограничивается [1, с. 93].

Уточним: не все правоохранительные понятия связаны с деятельностью. Совпадение взглядов сводится только к тому общему признанию, что во всех случаях речь идет об охране права. Далее следуют расхождения в вопросах: охраняется ли право только в связи с его нарушением или же охрана права осуществляется и в иных случаях? Средством охраны права всегда является определенная деятельность или же охрана осуществляется посредством присущей праву охранительной функции? По каждому из приведенных подходов имеются свои сторонники, которые приводят соответствующую аргументацию.

Сложившаяся совокупность терминов в области правоохранительного знания («правоохранительные» термины) и обозначающие их понятий, с одной стороны, свидетельствует о сформировавшейся терминологии, а с другой, характеризуется отсутствием упорядоченности и общей определенности терминов.

На современном этапе развития правоохранительного знания, в связи с этим, имеется потребность в выявлении и анализе содержания терминологической проблематики для целей научно обоснованного подхода к упорядочению правоохранительной терминологии, ее систематизации.

Научный анализ проблематики научной терминологии в сфере правоохранительного знания требует применения специфического инструментария, позволяющего сформировать основу систематизации терминов, определить их соподчиненность.

Обозначенная цель обуславливает актуальность применения терминологического метода исследования в соответствии с теоретическими положениями терминологической науки. Общая теория терминологии как особая дисциплина, обобщающая опыт терминологической работы, способствует созданию и совершенствованию терминологических систем отдельных дисциплин [2, с. 9].

Рассмотрим правоохранительные термины, учитывая разграничение понятий «терминология» и «терминологическая система» («терминосистема»), в соответствии с которым терминология появляется стихийно, а терминосистема создается искусственно и формируется в результате упорядочивания терминологии в организованную систему терминов.

Правоохранительные термины, определяющие одно и то же явление – охрану права, являются равнопорядковыми терминологически, но не контекстуально. Многообразие подходов к определению охраны права во многом объясняется содержательной многозначностью и сложностью права, выступающего, по определению С.С. Алексеева, «в качестве многомерного объемного социального явления» [3, с. 274–275].

Следствием многообразия теоретических взглядов в определении охраны права является множество терминов и обозначающих их понятий правоохранительной направленности, формируемых посредством вариативности сочетания слов «право» и «охрана».

Применение сравнительно-сопоставительного метода в исследовании правоохранительных терминов и их понятий, наряду с терминологическим методом, позволяет выявить два концептуальных научных подхода к понятию «охрана права», в рамках каждого из которых сформирована «своя» терминология. Ее особенностью является то обстоятельство, что

при принципиальном различии содержания, понятийный аппарат концепций формируется с использованием одних и тех же слов – «право» и «охрана», что не влечет однозначности значения этих терминов.

При построении понятийно-терминологического аппарата любой науки принято руководствоваться требованием (принципом) однозначности терминов, согласно которому каждому термину должно соответствовать лишь одно значение. Иначе говоря, термин, избираемый для обозначения какого-либо объекта в языке науки, не должен использоваться для обозначения другого объекта в том же языке [4, с. 17].

Раскрытию вопроса определения охраны права посвящены многочисленные исследования, в которых эта научная проблема освещается с разных точек зрения. В них, как правило, приводится перечень различных вариантов определений и трактовок «правоохранительных» терминов и понятий, обнаруженных в источниках, после чего делается соответствующий вывод.

Особенность сравнительно-сопоставительного анализа «правоохранительных» терминов и понятий определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, предметом анализа является совокупность терминов в сфере правоохранительного знания («правоохрана», «охрана права», «правовая охрана», «охрана правопорядка», «правоохранительная деятельность»), определяющих одно и то же явление – охрану права. Опорным компонентом этих терминов, с позиции их словообразования, является слово «охрана».

Во-вторых, приверженцы разных подходов к пониманию охраны права, используя заимствование в предлагаемых терминах слов «право» и «охрана» в разных сочетаниях, наполняют их разным смысловым значением. Образованные таким образом слова (словосочетания) – с использованием одних и тех же слов («право» и «охрана»), каждое из которых имеет самостоятельное значение, определяются в русском языке как сложные, поскольку имеют в своем составе две основы, что позволяет формировать различные значения и смысловые оттенки в зависимости от контекста [5, с. 71].

Рассмотрим образованные сочетанием слов «право» и «охрана» термины «правоохрана», «правовая охрана» и «охрана права».

Научное содержание термина «правоохрана» определяется его понятием, как урегулированной правом деятельности уполномоченных государственных органов по принудительному обеспечению правового порядка на основе соблюдения баланса интересов личности, общества и государства [6, с. 17].

Лексически, значение слова правоохрана синонимично словам правовая охрана и охрана права. Однако термины «правовая охрана» и «охрана права» определяются в научных исследованиях в ином, чем «правоохрана», значении.

В соответствии с одним, правовая охрана представляет собой комплекс взаимосвязанных и последовательных мер по обеспечению беспрепятственного доступа субъектов к своим правам и свободам. Эти меры можно разделить следующим образом: а) принятие правовых норм, определяющих признаки правомерного (дозволенного) и противоправного поведения участников правоотношения; б) наделение должностных лиц компетенцией для мониторинга правового поведения участников правоотношения; в) меры государственного принуждения, которые применимы в условиях правомерного, но чаще всего противоправного поведения [7, с. 28].

Согласно другому определению, правовая охрана рассматривается в диалектическом единстве с правовым регулированием, представляя собой статическое охранительное воздействие, направленное на материальные и нематериальные объекты, осуществляющее при помощи системы юридических средств, в целях их сохранения. Исходя из обеспеченности мерами той или иной юридической ответственности, ее видами рассматриваются: правовая охрана, обеспеченная мерами уголовно-правовой ответственности; правовая охрана, обеспеченная мерами гражданско-правовой ответственности; правовая охрана, обеспеченная мерами административной ответственности [8, с. 5–6].

«Охрана права» определяется как система правового регулирования общественных отношений, которая предотвращает правонарушения, а в случае их совершения устанавливает ответственность за допущенные правонарушения [9, с. 30–35].

В приведенных определениях правовой охраны и охраны права речь идет об охранительной функции права - «направлении правового воздействия, которое нацелено на охрану положительных и вытеснение вредных для общества отношений. Охранительная функция направлена на пресечение и предотвращение противоправного поведения» [10, с. 220].

Указанные определения конкретизируют содержание охранительной функции права посредством приведения классификации мер юридической ответственности и т.д. Сравнение определений «охрана права» и «правовая охрана» свидетельствует, что в обоих случаях их содержанием является правоустановление: в первом определении в более общей формулировке (наличие ответственности в правовом регулировании), во втором в более детальной - с конкретизацией видов ответственности.

Приведенные понятия не охватывают деятельность, как реакцию на нарушение правовых норм, поскольку речь в них идет о «статическом охранительном воздействии». В этой связи приведем слова известного отечественного ученого-правоведа, профессора Г.В. Мальцева о том, что право, опираясь в определенных случаях на поддержку как силы внешнего обеспечения, тем не менее, строится и функционирует на базе внутренней, имманентно присущей ему власти, которую мы по традиции называем юридической [11, с. 288].

Таким образом, термины «правоохрана», «правовая охрана» и «охрана права», при общности их словообразующих составляющих, не сопровождается тождественностью их понятий. Рассмотренные термины, образованные сочетанием слов «право» и «охрана», определяют охрану права в двух разных аспектах: а) как воздействие права на общественные отношения посредством установления санкций, запретов и составов деяний, образующих основания для юридической ответственности (уголовной, гражданской, дисциплинарной); б) как правоприменительная деятельность, осуществляемая в связи с нарушением норм права.

Такое различие содержит и понятие «правопорядок», обеспечение которого рассматривается в исследованиях правоохранительной деятельности ее целью.

Понятию правопорядка посвящены многочисленные дефиниции, что обусловлено его содержательной многозначностью. Наиболее общим из них является определение правопорядка как состояния упорядоченности общественных отношений, основанное на праве и законности [12, с. 209].

В контексте настоящего исследования актуально и обращение к двум из выделяемых в научной литературе [13, с. 19–20] аспектам правопорядка, находящихся в органическом единстве: обеспечение правопорядка посредством нормативной регламентации соответствующих общественных отношений и обеспечение правопорядка посредством противодействия противоправным явлениям.

С учетом этого, правоохрана, в значении обеспечения правопорядка, может быть рассмотрена не только как деятельность государственных органов по противодействию противоправным явлениям, но и в значении обеспечения правопорядка посредством нормативной регламентации соответствующих общественных отношений.

При лексической тождественности терминов «правоохрана», «правовая охрана» и «охрана права», их содержание определено по-разному: и как правореализация, и как правоустановление. Общность значения этих терминов не сопровождается тождественностью их понятий. Имеет место ситуация, когда «контекст демонстрирует, что обособленное от него выражение само по себе не выполняет денотативную (т.е. обозначительную – Ю.Ч.) функцию» [14, с. 17].

Авторские подходы к научной интерпретации рассмотренной терминологии вызываются рассмотрением охраны права с различных точек зрения и в различных аспектах. Это сочетается с тем обстоятельством, что термины, образованные словами «право» и «охрана», при их обособленном рассмотрении, не обеспечивают определенность собственного значения без соответствующего их пояснения. Т.е. имеет место «контекстная зависимость» значения терминов, в соответствии с которой «о значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в контексте предложения» [15, с. 139].

Такая ситуация не соответствует таким отличительным признакам юридического термина, как быть однозначным в пределах одной системы и не изменять смысл и значение термина в зависимости от контекста [16, с. 68].

Вопрос о соотношении лексического значения слова и его понятия, является сложным и во многом остается дискуссионным как в философии, психологии, так и в языкоznании. Наиболее типичной точкой зрения является следующая: лексическое значение слова не тождественно понятию, но они существуют в единстве[17, с. 45]. Общность лексического значения слов «правоохрана», «правовая охрана» и «охрана права» не тождественно их научным понятиям, но их единство очевидно.

Однако принципиальное различие содержания охраны права – посредством действия самого права (охранительной функция права) и деятельности специальных органов государства (охранительная функция государства) предопределяет наличие собственной терминологии в каждой из этих сфер.

Соблюдение методологического принципа сопоставимости сравниваемых объектов исключает сопоставление терминов охранительной функции права и терминов охранительной (правоохранительной) функции государства, ввиду их функционального различия, поскольку «... нельзя сравнивать несравнимое, а сравнимо в праве лишь то, что выполняет одну и ту же задачу, одну и ту же функцию»[18, с. 68].

Содержательно статическое охранительное воздействие правоустанавливающего регулирования общественных отношений, т.е. охранительная власть права, и активная (динамичная) охранительная властная деятельность, осуществляемая в связи с правонарушением, представляют разные (неоднородные) правовые явления, в связи с чем не отвечают требованию сопоставимости сравниваемых объектов. Иной подход влечет нарушение этого методологического принципа.

Требованию функциональной сопоставимости отвечают термины, обусловленные охранительной (правоохранительной) функцией государства, определяющие охрану права в значении деятельности специальных органов государства, осуществляющей в связи с нарушением норм права.

Особенностью терминов, обусловленных охранительной (правоохранительной) функцией государства, является наличие в обозначающем слове или в раскрывающем определении слова «деятельность», которым выражается его смысл. К таковым относятся понятия «правоохранительная деятельность» и «правоохрана».

В отличие от рассмотренных словообразовательных моделей правоохранительных терминов (двусловных), которые сохраняют многоаспектность смыслового содержания и не придают им определенности, термины, определяющие охрану права в каждой из указанных сфер, должны быть в их пределах однозначными.

Основополагающим термином, определяющим охрану права посредством действия самого права, является «охранительная функция права». Терминологию этой сферы составляют такие термины, как «правовая охрана», «охрана права».

Основополагающим термином, определяющим охрану права посредством деятельности специальных органов государства, является «правоохранительная деятельность». Наиболее общим определением понятия правоохранительной деятельности является ее рассмотрение в значении государственной деятельности, осуществляющей с целью охраны права специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка» [19, с. 4]. В состав терминологии этой сферы входит термин «правоохрана».

Однозначность значению этим терминам придает, в первом случае, указание на функцию права, во втором – на деятельность. Разграничение сфер охраны права позволяет исключить смешение в научных исследованиях содержательно различающихся терминов охраны права («правовая охрана», «охрана права») и деятельности по его охраны («правоохранительная деятельность», «правоохрана»).

Терминологическая определенность предлагаемых терминов способствует упорядоченности формирования терминологических систем в указанных сферах.

Список источников

1. Степаненко Ю. В. Правоохранительная деятельность: эволюция теоретических взглядов // Современный юрист. 2013, N 3 (Июль-Сентябрь).
2. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории / Отв. ред. Т. Л. Канделаки. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 246 с.
3. Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.
4. Титова Е. В. Терминологический анализ как метод и задача исследования// Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters). Электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал). Июнь 2010 г./ <http://www.emissia.org/offline/2010/1425.htm> (дата обращения 10.11.2023).
5. Василевская Е. А. Словосложение в русском языке. М.: Учпедгиз, 1962.-132с.
6. Галузо В. Н. Теория правоохраны в Российской Федерации. Историко-правовое исследование. М.: ЮНИТИ, 2022. 527 с.
7. Мазаев Д. В. Соотношение категорий «правовая охрана» и «правовая защита» в контексте отраслей российского права и законодательства // Общество и право. 2013. № 4(46).
8. Берг Л. Н. Правовая охрана: основания классификации, виды // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2(40).
9. Стоякин Г. Н. Понятие «защита гражданских прав» // Проблемы гражданско-правовой ответственности защиты гражданских прав. Свердловск, 1973.
10. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учеб. пособие / под ред. В. Г. Стрекозова. М., 1995.- 377с.
11. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.,1999. 419с.
12. Теория права и государства / Под ред. проф. В.В. Лазарева. М., 2001. 520 с.
13. Сыдорук И.И. Государственно-правое обеспечение правопорядка в Российской Федерации. М., 2003. 245 с.
14. Оглезнев В. В. Контекстуальные определения и их применимость в юридическом языке // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3(100).
15. Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск: Сибирское университетское изда-тельство, 2008. 283с.
16. Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / Под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов, 1997.-132с.
17. Шхапацева М. Х., Пазова Л. М. К вопросу о лексическом значении слова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 134.
18. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. I. Основы. М.: «Международные отношения», 2000.480 с.
19. Правоохранительные органы в СССР / Под редакцией профессора К.Ф. Гуценко. М.: Изд-во МГУ, 1991. 288 с.

References

1. Stepanenko Yu. V. Law enforcement: the evolution of theoretical views. *Modern Lawyer*. 2013; (3). July-September. (In Russ.)
2. Superanskaya A. V., Podolskaya N. V., Vasilyeva N. V. *General terminology: issues of theory*. rep. T. L. Kandelaki (ed.). 3rd ed., erased. Moscow: Editorial URSS; 2004. 246 p. (In Russ.)
3. Alekseev S. S. *Law: ABC-theory-philosophy: Experience of comprehensive research*. Moscow; 1999. 712 p. (In Russ.)
4. Titova E. V. Terminological analysis as a method and task of research. In: *Letters to Emission. Offline (The Emissia.Offline Letters)*. Electronic scientific publication (scientific and pedagogical online journal). June 2010. Available from: <http://www.emissia.org/offline/2010 /1425.htm> (accessed 10 November 2023). (In Russ.)
5. Vasilevskaya E. A. *Compounding words in Russian*. Moscow: Uchpedgiz; 1962. 132 p. (In Russ.)

-
6. Galuzo V. N. *The theory of law enforcement in the Russian Federation. Historical and legal research.* Moscow: UNITY: 2022, 527 p. (In Russ.)
7. Mazaev D. V. The relationship between the categories “legal protection” and “legal protection” in the context of branches of Russian law and legislation. *Society and Law.* 2013;4(46). (In Russ.)
8. Berg L. N. Legal protection: grounds for classification, types. *Legal science and law enforcement practice.* 2017;2(40). (In Russ.)
9. Stoyakin G. N. The concept of “protection of civil rights”. In: *Problems of civil liability for the protection of civil rights.* Sverdlovsk; 1973. (In Russ.)
10. Khropanyuk V. N. *Theory of state and law: textbook. manual.* V. G. Strekozova (ed.). Moscow; 1995.-377 p. (In Russ.)
11. Maltsev G. V. *Understanding the law. Approaches and problems.* Moscow; 1999. 419 p. (In Russ.)
12. *Theory of law and state.* Prof. V.V. Lazarev (ed.). Moscow; 2001. 520 p. (In Russ.)
13. Sydoruk I. I. *State legal support for law and order in the Russian Federation.* Moscow; 2003. 245 p. (In Russ.)
14. Ogleznev V. V. Contextual definitions and their applicability in legal language. *Current problems of Russian law.* 2019;3(100). (In Russ.)
15. Frege G. *Logical-philosophical works.* Novosibirsk: Siberian University Publishing House; 2008. 283 p. (In Russ.)
16. Khizhnyak S.P. *Legal terminology: formation and composition.* L. I. Barannikova (ed.). Saratov; 1997. 132 p. (In Russ.)
17. Shkhapatseva M. Kh., Pazova L. M. On the issue of the lexical meaning of the word. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art history.* 2014;(134). (In Russ.)
18. Zweigert K., Ketz X. *Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law:* In 2 volumes. Vol. I. Fundamentals. Moscow:“International Relations”;2000. 480 p. (In Russ.)
19. *Law enforcement agencies in the USSR.* Edited by Professor K.F. Gutsenko. Moscow: Publishing house of Moscow State University; 1991. 288 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. Б. Чупилкин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

Yu. B. Chupilkin – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor of the Department of Procedural Law, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принятая к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 28.11.2023.

Об опыте систематизации законодательства в Своде законов Российской империи и его оценке в научной юридической литературе во второй половине XIX – начале XX вв.

Евгения Юрьевна Клеветова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, evgenia1996.96@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована научная литература о Своде законов Российской империи. Автор охарактеризовал, обобщил и систематизировал критические замечания юристов в отношении Свода законов. В работе выделены неконструктивные и конструктивные аспекты научной критики. На этой теоретической основе доказывается, что избранный М. М. Сперанским план систематизации оказался реальным путем, по которому впоследствии пошли и другие кодификаторы отечественного права в XX веке. В критике Свода законов выявлены обоснованные замечания, способствующие совершенствованию юридической техники систематизации. Путем их обобщения автор сформулировал сохраняющие актуальность правила проведения систематизации законодательства.

Ключевые слова: законотворчество, кодификация, российское право, Свод законов, систематизация законодательства, юридическая техника, юридический метод

Для цитирования: Клеветова Е. Ю. Об опыте систематизации законодательства в Своде законов Российской империи и его оценке в научной юридической литературе во второй половине XIX – начале XX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 67–73. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-67-73>. EDN NKANPQ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

About the experience of systematization of legislation in the Collection of laws of the Russian empire and its evaluation in scientific legal literature in the second half of the XIX – early XX centuries

Evgenia Yu. Klevetova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, evgenia1996.96@mail.ru

Abstract. The article analyzes the scientific literature on the Code of Laws of the Russian Empire. The author characterized, summarized, and systematized the critical comments of lawyers regarding the Code of Laws. The work highlights non-constructive and constructive aspects of scientific criticism. On this theoretical basis, it is proven that the systematization plan chosen by M. M. Speransky turned out to be a real path, which was subsequently followed by other codifiers of domestic law in the twentieth century. The criticism of the Code of Laws revealed justified comments that contribute to the improvement of legal systematization techniques. By summarizing them, the author formulated rules for systematizing legislation that remain relevant.

Keywords: codification, Russian law, Code of Laws, legal technology, systematization of legislation, legal method, lawmaking

For citation: Klevetova E. Yu. About the experience of systematization of legislation in the Collection of laws of the Russian empire and its evaluation in scientific legal literature in the second half of the XIX – early XX centuries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):67–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-67-73>. EDN NKANPQ

Важной составляющей юридической истории справедливо считается история отдельных памятников права. Многие из них имеют историческое значение не только для национальных государств, но и для всей мировой истории. Одним из таких актов является Свод законов Российской империи, принятый в 1832г. Его принятие оказалось настолько значимым событием, что получило монументальное закрепление. На памятнике запечатлено награждение Николаем I Сперанского Андреевской звездой за разработку Свода законов Российской империи.

Выдающиеся усилия М. М. Сперанского были отмечены и его современниками. Многие из них понимали, что только благодаря личному вкладу М. М. Сперанского оказалось возможным достичь блестящих результатов в деле систематизации российского права [1, с. 2]. Им была разработана система Свода законов, составлен план работ, подготовлены объяснительные записки и методические материалы.

Десятки тысяч актов российского законодательства, систематизированные в Полном собрании и Своде законов, дали обобщенное представление о содержании российской юридической традиции и возможность для ее изучения и последующего развития.

Так, работа над Полным собранием законов выявила потребность в людях, способных применять исторический метод в сфере законотворчества. Для решения этой проблемы по инициативе М.М.Сперанского несколько способных молодых людей были направлены на обучение к Савини. Впоследствии специалисты, вернувшиеся после прохождения обучения в европейских университетах, составили честь российской юриспруденции. Многие из них стали профессорами юриспруденции в университетах, например, К.П. Неволин, И. Д. Калмыков, В. Н. Лешков, Д. И. Мейер и др. [2, с. 182–190].

Принятие Свода законов сделало его не только объектом для научного изучения, но и критики ученых. Критика Свода законов отличается и по характеру оценок, которую давали результатам свершившейся систематизации законодательства, и по степени конструктивности и профессионализма замечаний, высказанных в адрес Свода законов и деятельности его составителей.

Умеренные критики не соглашались с планом кодификации и с методикой ее проведения. В частности, М. М. Сперанского упрекали в том, что он, повинуясь высочайшей воле, не остановился на составлении Полного собрания законов. Продолжение работы над Сводом законов привело к закреплению устаревших отечественных законов и/или норм иностранного законодательства. Все это затормозило принятие нового Уложения и развитие юридической науки.

К примеру, М. А. Филиппов, доказывая ошибочность избранного Сперанским пути по направлению к Своду законов, в качестве аргументов своей позиции, по сути, приводил высказывания Сперанского [3, с. 7]. Михаил Михайлович отмечал принципиальную невозможность исправления методом кодификации русских законов в силу их принципиальной противоречивости. Одни противоречия были в самих законах, другие заключались в началах, на которых они основывались. Поэтому российские законы нуждались в пересмотре, а не упорядочении.

В итоге приданием обязательной силы Своду законов сделали противоречивость характерной чертой построенной на его основе системы российского законодательства. Такой ошибки, по мнению М.А. Филиппова, можно было избежать, сохранив данное собрание как материал для последующего изменения законов. Использование Полного собрания законов, дополненного развернутыми комментариями, могло способствовать развитию отечественной юриспруденции до должного для кодификации уровня и стать лучшим замещением противоречивому Своду законов.

Другим недостатком умеренные критики кодификации называли способ выведения М. М. Сперанским общей нормы. Данные нормы, как полагали критики, сформированы из временных норм частных постановлений, имевших преходящее значение. В итоге решение по частным случаям приобрело значение общей нормы. При этом многие статьи сформулированы произвольно, исключены вступительные части актов, содержащие историю дела и разъяснения, что затруднило их использование на практике.

Немало упреков было высказано и в отношении структуры Свода законов. При распределении материала искусственно разделен предмет регулирования, чем нарушена его целостность. Отдельные части Свода законов повторяли друг друга. В нем наблюдался переизбыток частных, мелких регламентаций и острый недостаток общих начал. Данное замечание следует признать справедливым, так как включением в текст кодифицированных актов норм по частным вопросам приводит к быстрому устареванию кодекса и снижению стабильности его действия [14, с. 21-28].

Свод Законов считали слишком громоздким по числу (постоянно растущему с 42 000 до 80 000 в начале 70-х годов XIX в.) статей. Внешняя стройность его формы с делением на тома, книги, разделы, главы создавала, по мнению критиков, иллюзию законченности дела кодификации и отсутствии необходимости в новом уложении.

Выводы из критических замечаний юристы делали разные. Одни, как например М.А. Филиппов, полагали, что Свод Законов имеет значение только как литературный памятник, охватывающий два века юридической истории России. В аспекте развития юридического метода он подчеркивал значимость разработанных М. М. Сперанским приемов систематизации нормативного материала. Однако, по мнению М.А. Филиппова, от Свода Законов больше вреда для юриспруденции, чем пользы [3, с. 10].

Полагаем, что ненаучная критика кодификационной деятельности Сперанского, представляющая собой лишь психологическую реакцию и отражающая личное отношение к кодификатору не заслуживает научного осмысления. Вместе с тем, научная и во многом верная критика Свода Законов подтвердила слова М.М. Сперанского, высказываемые им самим и записанные бароном Корфом о том, что данное собрание представляет собой предварительный материал для начала проведения кодификации, а не как ее завершение.

Давая оценку научной литературе о Своде Законов, можно выделить как ее негативные (неконструктивные), так и позитивные (конструктивные) аспекты. Неконструктивными считаются высказывания о неуместности придания Своду Законов высшей юридической силы, так как от М.М. Сперанского данное решение никак не зависело. Следует помнить, что инициатива проведения кодификации исходила от императора и цели кодификации были сформулированы на высочайшем уровне. Однако критики несправедливо упрекают в этом решении исполнителя.

Увлеченные идеями эпохи Просвещения критики полагали, что дело кодификации обусловлено естественным ходом исторического развития общества и просвещением народа. В качестве примера они брали Англию, в которой, по их мнению, сложность законодательства компенсировалась образованностью народа. Развитое чувство законности у англичан они считали главной причиной тому, что юридический строй Англии по праву считался лучшим в Европе. Их рассуждения о том, что если бы не М.М. Сперанский, то естественным ходом развития теории и судебной практики могла сложиться система российского законодательства спорны.

История XX – начала XXI в. демонстрирует иллюзорность данных представлений, в том числе и на примере России. Увеличение количества грамотных людей, юристов, образовательных учреждений, научных юридических трудов автоматически не приводит к осознанию необходимости изучения отечественного права, к выработке науки под влиянием общего прогресса правовых идей, составлению частных сводов [3, с. 11].

Тем более это касается кодификации. Данная масштабная операция по сведению огромного правового материала в единое целое обусловлена сложившими историческими особенностями развития общества, в рамках которого она осуществляется. Поэтому использование модели кодификации одного общества для другого в расчете на успех в современной науке оспаривается. К примеру, отсутствие кодекса как результата развития законодательства в Англии или в Америке ошибочно считать общим правилом и распространять его на Россию.

Согласимся с Р. Кабрияком в том, что кодификация базируется на ценностях того общества, в котором она проводится. Понимание этого факта способствует укреплению государственного единства, установлению прочных социальных связей и мира.

Что касается теории кодификации, то, во-первых, ее формирование требует специальных исследований, не вытекающих из текущего политico-правового дискурса. Во-вторых, теория законотворчества не может сложиться исключительно из хода юридической практики, как полагали многие критики Свода законов. Практика сама по себе не складывается в общие положения. Для этого необходимы специалисты, обладающие соответствующими юридическими знаниями.

Заблуждением считаем и предлагаемую критиками возможность использования Полного собрания законов в качестве действующего источника права. Составление практических рекомендаций к его использованию не изменило бы того факта, что данное собрание представляло собой хронологически упорядоченное сведение принятых в разное время актов, многие из которых утратили актуальность и обладали лишь историческим значением. Реализация таких разновременно принятых актов могла обернуться многочисленными затруднениями для правоприменителей, их массовыми обращениями для разъяснений в вышестоящие органы.

Если в Своде законов отмечался недостаток общих начал и положений, то в Полном собрании законов они вообще отсутствовали. Поэтому альтернативой неразвитой, противоречивой, наполненной «отжившими» понятиями теории Свода законов предлагалось полное отсутствие общих положений. Как представляется, такой вариант не стимулировал развитие теории права. Напротив, Свод Законов, порождая критику одновременно и давал толчок научной юридической деятельности, в том числе появлению научных исследований, посвященных технике кодификации.

Путь выработки частных сводов на основе Полного собрания законов обществом недовольным отсутствием твердых правовых основ государственного строя считаем не только утопическим проектом, но и угрожающим сохранению единых оснований позитивного права Российской империи. В деле кодификации недостаточно общественного интереса к юридическим идеям. Здесь требует сплав государственной воли к ее проведению и выбор кодификаторов, способных к осуществлению системной правовой реформы. Поэтому в отличие от критиков М.М. Сперанский предложил не «какой-нибудь», а реальный путь, по которому впоследствии пошли и другие кодификаторы отечественного права в XX веке.

В частности, опыт деятельности многочисленных частных кодификационных комиссий имелся в России в XVIII в. [5, с. 16]. Его изучение приводит к выводу о том, что осуществление дела кодификации в монархическом централизованном государстве снизу, при отсутствии развитых каналов взаимодействия общества и органов публичной власти, общественных организаций и профессиональных юридических союзов весьма затруднительно.

Действие Свода законов обозначило сферы с отжившими юридическими формами и определило направления, требующие модернизации. Например, в сфере судоустройства и судопроизводства. Реализация данного направления стала возможной только после проведения Крестьянской реформы 1861 г. Свод законов способствовал тому, что кардинальное реформирование отдельных сфер общественных отношений осуществлялось при наличии системы норм, поддерживающих правопорядок в целом. Его действие позволяло осуществлять смену старых юридических порядков новыми последовательно без революционных потрясений.

При массовом общественном недовольстве в первой половине XIX в. работой судебных учреждений, обвинении их в непрофессионализме, волоките, взяточничестве, произволе критику Сперанского за то, что он ограничил роль судебной практики, поставив ее под контроль закона считаем несправедливой и неконструктивной [3, с. 16]. Наличие при плохом отправлении правосудия правильных судебных решений можно признать абсурдом. В связи с невозможностью проведения судебной реформы в данный период, ограничение произвола судей законом было и остается единственной мерой борьбы с коррупцией. Сохранение приоритета закона и даже исключение судебной практики из числа источников права в современной России доказывает правоту Сперанского в данном вопросе.

И, наконец, важно заметить, что юристы второй половины XIX - начала XX в., как, впрочем, и современные ученые, критикуя Свод Законов, не провели всесторонних научных исследований Свода законов и Полного собрания законов. Работы, специально посвященные Своду Закону, немногочисленны. До сегодняшнего дня актуальным остается исследование П.М. Майкова [6], который вслед за А.В. Романовичем-Славатинским [7], Л.А. Кассо [8] указывал на отсутствие сочинений на эту тему и с XIX в. в этом плане мало что изменилось.

Негативными последствиями невнимания к самой масштабной кодификации в России стали затруднения в ее продолжении [9]. Поскольку рекодификация требовала соответствующих разработок о достоинствах и недостатках Свода законов, обоснованных выводов о путях его исправления или выбора иного пути кодификации. Отдельные должностные лица и ученые предлагали частные поправки в отношении конкретных статей и институтов [10, с.346], кардинальные меры, к примеру, о сокращении числа статей. Однако зачастую ни доказательств необходимости предлагаемых исправлений, ни конкретных способов их устранения инициаторы не давали. Примером такой критики считаем статью Н.М. Коркунова [11, с.95-107].

Вместе с тем, в критике Свода законов и других результатов кодификации Сперанского были и верные замечания, способствующие совершенствованию юридической техники.

Самые продуктивные замечания к Своду законов были сделаны самим М.М. Сперанским и его учениками – продолжателями дела кодификации [12]. К таким работам относится записка М.А. Корфа от 2 мая 1862 г., занимавшего должность главноуправляющего II СЕИВ канцелярии. В ней главным недостатком Свода законов он называл его пробельность (отсутствие многих важных постановлений) и наличие значительного числа устаревших или дублирующихся норм [13, с. 303].

Барон Корф назвал основные причины этих недостатков. Прежде всего он указал на несовершенство идеи Свода Законов, состоявшей во включении в него всех законов, начиная с Соборного Уложения 1649 г. и не отмененных позднейшими актами. Тем самым в Свод Законов включили массу «забытых» актов, давно утративших актуальность [6, с.147-150].

Кроме того, при отсутствии четкой иерархии источников права, критериев разграничения закона и подзаконного акта в Свод законов попали акты, имевшие характер частных правил и даже различные циркуляры, и предписания [14, с. 33, 34]. Поэтому общие нормы в Своде Законов не отделены от казуистических норм.

Несовершенство метода кодификации подчеркнуло недостатки ее основной идеи. Последовало объединение и изложение норм законов, имевших разные начала, принятые разными ведомствами, без соотнесения их между собой и даже по смыслу. Корф объяснял такую ситуацию пробелами отечественного правоведения, отсутствием четких юридико-технических требований к закону и пробелами в теории закона.

Критическая записка Корфа сама стала объектом критики, в том числе высших сановников государства. К примеру, министр финансов полагал, что двусмысленные высказывания Корфа о необходимости знания законов при их несовершенстве препятствуют укреплению законности и уважения к законам государства.

Министр финансов выразил несогласие с Корфом по вопросу признания Свода законов единственным кодифицированным актом. Свод Законов был практическим сборником действующих законов и при всех его недостатках, облегчил пользование законами, способствовал формированию и развитию научных понятий о законах и сохранил основы законодательного строя вплоть до распада Российской империи.

В дополнении к этому А.Н. Филиппов подчеркивал, что Свод законов не содержал умозрительных заключений, а включал только правила, выработанные жизнью в ее историческом развитии, и стал необходимой ступенью к составлению новых уложений [15, с. 7].

Н.К. Ренненкампф разделял все недостатки Свода законов на недоработки его составителей и ошибочность идеи его создания как объединения действующих законов [16].

Ряд критических замечаний и сегодня сохраняет актуальность. Их анализ и обобщение позволяет выделить правила проведения кодификации:

- кодифицированный акт должен содержать исходные (первоначальные) нормы, в частности нормы-принципы, нормы-начала, нормы-дефиниции, составляющие нормативный фундамент действующей системы законодательства;

- стабильность кодифицированного акта напрямую зависит от количества, содержащихся в нем предписаний частного или временного характера, связанных с решением задач текущего момента. Неизбежность их регулярного изменения приводит к постоянным поправкам в кодекс;

- кодекс не должен закреплять устаревшие или утрачивающие свою актуальность юридические формы. Кодификацию следует осуществлять с прицелом на будущее на основе целенаправленной, согласованной, научно обоснованной, всесторонне проработанной стратегии развития государства и позитивного права;

- кодекс должен иметь руководящие начала и базироваться на рациональных основаниях, быть сжатым и точным в изложении нормативных предписаний, отличаться стройностью внешних форм, единством основной идеи, метода ее осуществления и изложения в статья кодекса;

- проведение кодификации неуместно в период активных преобразований, реформирования и в переходные периоды. Социальная значимость кодекса состоит в закреплении уставших правовых начал и нормативных предписаний. Проведение преобразований вызывает их ревизию и тем самым искусственно продлевает кодификацию, влечет постоянные изменения в кодексы;

- кодификация осуществляется в соответствии с общепринятыми нравственными началами и требованиями общества, право которого подлежит систематической переработке. Среди основных нравственных требований к кодификации можно выделить соответствие общесоциальному и общечеловеческим принципам и ценностям базовых положений, закладываемых в основание кодексов и иных кодифицированных актов; историческая обусловленность кодификационной деятельности, сохранение преемственности и согласованность с предыдущим юридическим опытом.

Подводя итоги, различных дискуссий о Своде законов, проходивших во второй половине XIX в. отметим, что в их ходе не удалось доказать ненужность или ошибочность его составления. В результате было принято высочайшее решение о дальнейшем ходе кодификации в направлении создания уложений по различным отраслям права при сохранении и доработке Свода законов на переходный момент. Такая стратегия, озвученная бароном Корфом в 1862 г., фактически являлась продолжении плана кодификации М.М. Сперанского.

Список источников

1. Шимановский М.В. О значении свода законов Российской империи для науки и жизни (Речь тов. Пред. Одес. Юрид. об-ва. М.В. Шимановского, произнесенная в торжественном заседании 11 февраля 1889 г., посвященном памяти М.М. Сперанского). Одесса: Экон. Тип., 1889. 91 с.
2. Шатковская Т.В. Применение исторического метода в российском законотворчестве первой половины XIX.: от практики к теории // Государство и право. 2023. № 5. С. 181–191.
3. Филиппов М.А. Судебная реформа в России / [соч.] М.А. Филиппова. СПб., 1871–1875. Т. 1. 623 с.
4. Шатковская Т.В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 19–30.
5. Андреевский И.Е. О значении разработки архивов для успехов кодификации // Наблюдатель. 1882. Июль. С. 16–24.
6. Майков П. М. О Своде законов Российской империи (под редакцией и с предисловием В. А. Томсина). М.: «Зерцало», 2006. 189с.
7. Романович-Славатинский А.В. Пособие для изучения русского государственного права по методу историко-догматическому. Вып. 2. Киев, 1872. 111с.
8. Кассо Л. А. К истории Свода законов гражданских. СПб.: Сенатская типография, 1904. 39 с.
9. Попов А. Н. Записка о девятом томе Свода Законов. СПб., 1867. 17с.
10. Пахман С. В. История кодификации гражданского права. СПб., 1876. Т. 2. 485 с.

11. Коркунов Н. М. Значение свода законов // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 9. С. 95-117.
12. Нефедьев Е. А. Причины и цель издания Полного Собрания и Свода законов с точки зрения Сперанского – конвалют. изд. Казань: Типография Губернского Правления, 1889. 81с.
13. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. 388с.
14. Ивановский В. В. Указ и закон по действующему русскому законодательству // Журнал Министерства Юстиции. 1912. № 5. С. 1-35.
15. Филиппов А. Н. К вопросу о составе Первого Полного Собрания Законов Российской Империи. М.: Печатня А. Снегиревой, 1916. 138 с.
16. Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев: Т-во печ. Дела и торговли И. Н. Кушнерев и К, в Москве. Киев. Отд-ние, 1889. 293 с.

References

1. Shimanovsky M.V. *On the significance of the code of laws of the Russian Empire for science and life (Speech by Comrade Pred. Odessa. Legal. about va. M.V. Shimanovsky, delivered at a ceremonial meeting on February 11, 1889. dedicated to the memory of M.M. Speransky)*. Odessa: Economy. Typ. 1889. 91 p. (In Russ.)
2. Shatkovskaya T. V. Application of the historical method in Russian lawmaking in the first half of the 19th century: from practice to theory. *State and Law*. 2023;(5):181–191. (In Russ.)
3. Filippov M. A. *Judicial reform in Russia*. St. Petersburg; 1871–1875. Vol. 1. 623 p. (In Russ.)
4. Shatkovskaya T. V. Codification technique of M. M. Speransky: reform or compilation? *Journal of Russian Law*. 2022;26(5):19–30. (In Russ.)
5. Andreevsky I. E. On the importance of developing archives for the success of codification. *Observer*. 1882. July. 16-24. (In Russ.)
6. Maikov P. M. *On the Code of Laws of the Russian Empire* (edited and with a foreword by V.A. Tomson). Mirror; 2006. 189 p. (In Russ.)
7. Romanovich Slavatinsky A. V. *A manual for studying Russian state law using the historical-dogmatic method*. Issue 2. Kyiv; 1872. 111 p. (In Russ.)
8. Kasso L. A. *On the history of the Code of Civil Laws*. St. Petersburg: Senate Printing House; 1904. 39 p. (In Russ.)
9. Popov A. N. *Note on the ninth volume of the Code of Laws*. St. Petersburg; 1867. 17 p. (In Russ.)
10. Pakhman S. V. *History of the codification of civil law*. St. Petersburg; 1876. Vol. 2. 485 p. (In Russ.)
11. Korkunov N. M. The meaning of the code of laws. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1894; (9):95-117. (In Russ.)
12. Nefediev E. A. *The reasons and purpose of publishing the Complete Assembly and the Code of Laws from Speransky's point of view are concurrencies*. Kazan: Printing house of the Provincial Board; 1889. 81 p. (In Russ.)
13. Korf M. A. *The life of Count Speransky*. St. Petersburg; 1861. Vol. 2. 388 p. (In Russ.)
14. Ivanovsky V. V. Decree and law according to current Russian legislation. *Journal of the Ministry of Justice*. 1912;(5):1–35. (In Russ.)
15. Filippov A. N. On the question of the composition of the First Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Moscow: Printing house of A. Snegireva; 1916. 138 p. (In Russ.)
16. Rennenkampf N. K. *Legal encyclopedia*. Kyiv; 1889. 293 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Ю. Клеветова – аспирант кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

E. Yu. Klevetova - Postgraduate student of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принятая к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 19.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Теоретические основы современного народовластия

Даниил Эдуардович Кравчик

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, Kravchikd@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению основных теоретических положений, определяющих развитие современного народовластия. В работе обосновано социальное и консолидирующее значение идеи народовластия. В исследовании выделены принципы и понятия, определяющие сущность народовластия. С помощью сравнительного метода сформулированы отличия народовластия от демократии и самоуправления. Проанализированы такие актуальные проблемы современного народовластия как поиск источника власти в народе, возможность осуществления публичной власти всем народом. Автор приходит к выводу об отсутствии универсальной теории народовластия и готовых форм его осуществления, что объясняется разнообразием состава и потребностей общественной жизни отдельных народов. Поэтому теория и практика народовластия должна базироваться на историческом опыте осуществления различных форм участия населения во властеотношениях.

Ключевые слова: власть, демократия, народ, народовластие, нравственные принципы, самоуправление, суверенитет

Для цитирования: Кравчик Д. Э. Теоретические основы современного народовластия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 74–80. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-74-80>. EDN BGMTAC

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Theoretical foundations of modern people's power

Daniil E. Kravchik

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Kravchikd@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the main theoretical provisions that determine the development of modern democracy. The work substantiates the social and consolidating significance of the idea of democracy. The study highlights the principles and concepts that define the essence of democracy. Using the comparative method, the differences between democracy and democracy and self-government are formulated. Such topical problems of modern democracy as the search for a source of power among the people, the possibility of exercising public power by all the people are analyzed. The author concludes that there is no universal theory of democracy and ready-made forms of its implementation, which is explained by the diversity of the composition and needs of the social life of individual peoples. Therefore, the theory and practice of democracy should be based on the historical experience of implementing various forms of population participation in power relations.

Keywords: democracy, people, sovereignty, self-government, moral principles, power

For citation: Kravchik D. E. Theoretical foundations of modern people's power. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):74–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-74-80>. EDN BGMTAC

Развитие современных институтов публичной власти связано с особой организацией населения, получившей в политическом лексиконе наименование народ. Закрепление в текстах большинства действующих конституций народа в качестве источника учредительной власти в государстве актуализирует проблему реальности данной политической силы. Создание механизма практического сотрудничества населения государства с властью невозможно без теоретического осмыслиения понятия народовластие.

Народовластие как предмет политico-правовых исследований имеет богатую историографию. Ее первоисточниками по праву считаются трактаты Платона и Аристотеля. Огромный вклад в разработку современной концепции народовластия внесен представителями юснатурализма (Монтескье, Руссо и др.). Научное обоснование способов познания народовластия содержится в трудах И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса и др.

Отечественная теория народовластия представлена трудами Н. Н. Алексеева, В. М. Гессена, Н. И. Карапеева, М. М. Ковалевского, В. В. Комаровой, А.И. Ковлера, Б. Н. Чичерина и др. [1–6].

Среди современных исследований теории народовластия выделим работы Д. Ю. Шапсугова. В исследованиях Дамира Юсуфовича выявлены теоретические основы и поставлены принципиальные вопросы осуществления народовластия. Они основаны на всестороннем глубоком изучении и научно-критическом осмыслинии воззрений авторитетных мыслителей со времен Древней Греции, названных «народными концепциями прошлого». Ученый, опираясь на позитивные результаты предшественников, впервые дал комплекс диалектически взаимосвязанных понятий, составляющих содержание народовластия [7, с. 24].

Идея народовластия и лежащее в ее основе понятие народ обладает социальной значимостью и консолидирующими потенциалом. Народовластие как объединяющая общество идея в разных интерпретациях используется публичной властью для укрепления государственного строя и поддержания жизнеспособности политического режима. Как показывает история разобщение народа и практика его отчуждения от осуществления власти приводит к утрате индивидами политических качеств, потребности участия в политической жизни государства, разрушению сложившегося правопорядка.

Осознание индивидом своей сопричастности к такому историческому субъекту как народ вызывает интерес к тому, чтобы стать реальным участником властеотношений. Как представляется, понятие народ, с одной стороны, дает целостное выражение того самого «мы», о котором писали российские философы всеединства (В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк и др.). С другой стороны, отражает общую заинтересованность населения страны в установлении порядка.

Консолидирующее значение народовластия связано и с теми принципами, на которых оно базируется. К числу таких принципов относится принцип доверия народа лицам, осуществляющим властные полномочия в виде формальных институтов и органов. Данный принцип тесно связан с ответственностью субъектов народовластия, формирующих, оформляющих и реализующих интересы всего народа по его поручению.

Важным принципом считаем единство субъектов народовластия, взаимосвязь и взаимозависимость динамически изменяющихся интересов каждого субъекта народовластия как элементов целого. Реализация этого принципа с необходимостью предполагает закрепление возможности для всех субъектов народовластия удовлетворить свои потребности с учетом потребностей других субъектов. Механизм подлинного народовластия включает альтернативные способы согласования и обмена многообразными интересами различных составных частей народа.

Народовластие следует отличать от демократии и самоуправления. Синонимизация данных понятий нарушает принцип научной объективности. Такой подход не позволяет выявить сущность каждого из рассматриваемых понятий. Кроме того, народовластие наделяется чертами ему не свойственными, что препятствует разработке механизма народовластия.

К примеру, в работе Л. В. Лукьянчиковой сделал вывод о тождественности «народовластия» и «демократии» на основании анализа толкования этих терминов в словарях. На этой основе сделан вывод о том, что «непосредственное народовластие» есть «одна из самых

древних форм государственной организации». В данной трактовке народовластие предстает как разновидность государственной власти [8, с. 59, 60].

Полагаем, что в отличие от демократии, которая веками в политико-правовой мысли определяется как форма государства, народовластие предполагает народное самоуправление. Вместе с тем народовластие не исчерпывает собой принцип самоуправления, имеющий различные исторические формы.

На пути к народовластию, как полагал К. Маркс, власть осуществлялась от имени народа и в интересах народа прежде, чем стать властью самого народа. В различии этих властей и кроется по мнению Д. Ю. Шапсугова основание для разграничения демократии, самоуправления и народовластия [7, с. 87, 88].

Отличия между самоуправлением и демократией связаны и со способами осуществления власти. При самоуправлении происходит непосредственное принятие решения самим субъектом. Демократия основывается на иных управленческих потребностях народа и предполагает различные формы его участия в осуществлении публичности власти.

В исследованиях Д. Ю. Шапсугова народовластие понимается как единый процесс формирования воли народа, выраженный в практическом осуществлении экономической, политической и духовно-нравственной власти народа. Институты, процедуры, формы и режим народовластия отражает уровень политического сознания и культуры народа.

Экономическая власть народа связывается с господствующими в обществе отношениями собственности. Как полагает Д. Ю. Шапсугов, наличие частной собственности не делает народ собственником и соответственно субъектом экономической власти. Соотношение частной и общественной собственности рассматривается материальной основой достоинства и свободы как индивидуальных, так и коллективных субъектов.

В поисках объединяющего народ начала традиционно акцентируют внимание на общности религии, что не лишено смысла особенно при изучении древних и средневековых форм народовластия. Однако отождествление религиозности и духовности ограничивает социальную значимость нерелигиозных духовных ориентиров.

Духовное и нравственное развитие народа определяет содержание политической власти, возможность установления и культуру народовластия. Так, Ф. В. Тарановский определил «идею нравственного долга» как верховный принцип права, к которому должно восходить при разрешении бытовых юридических затруднений [9, с.13].

В числе нравственных принципов организации власти в политико-правовой мысли выделяют свободу, гуманизм, справедливость, солидарность, равенство, любовь к отечеству, добродетель. Помимо нравственных принципов в содержание духовно-нравственной власти народа входят идейные установки, знания и моральные императивы, определяющие содержание и формы властной деятельности народа по управлению обществом и государством.

Сложность в установлении власти на базе нравственных принципов состоит в их нестабильности (зависят от множества случайных факторов) и противоречивости. К примеру, для обеспечения свободы необходима децентрализация власти. В то время как установления равенства, по мысли А. Токвиля, можно достичь только посредством ее централизации.

Вместе с тем выявление «узловых понятий» народовластия как прием познания его сущности, предложенный Д. Ю. Шапсуговым, позволяет определить как различные исторические формы народовластия, так и отклонения от него [7, с. 120]. Для характеристики народовластия предложены такие взаимосвязанные понятия как потребность, интерес, воля, право, власть, свобода, ответственность, культура народовластия.

Ученым высказана позиция о недопустимости приоритета интересов в системе народовластия. Реализация приоритетного интереса по мысли Д.Ю. Шапсугова предполагает отказ от удовлетворения иных интересов [7, с. 133]. Он полагает, что установление приоритета искаивает природу интереса как оптимального способа удовлетворения потребности всех составляющих народ субъектов в народовластии.

Полагаем, что наличие приоритетных интересов, за исключением тех случаев, когда их закрепление противоречит нравственным и правовым принципам оправдано. Это связано

с высказанной ранее позицией о невозможности обеспечения фактического равенства в системе властных отношений, объективным разделением народа на организующих и организуемых субъектов.

Важно и понимание того, что потребность в сохранении целого (народа) в определенных ситуациях, связанных с периодически возникающими угрозами обществу, может обеспечиваться только способами, противоречащими интересам отдельных социальных субъектов.

Сознательное самоограничение, основанное на общей заинтересованности субъектов в сохранении сложившегося строя, соответствует идее народовластия. Однако исторический опыт и современные события свидетельствуют о существующем противостоянии между эгоистическими устремлениями и произволом отдельных индивидов и их объединений и реальными задачами по сохранению социального мира.

Акцент на стимулировании каждого субъекта народовластия к формированию его интереса к политической деятельности создает «искусственное равенство» неравных по природе и иерархически организованных в социальной системе субъектов.

Такой подход ограничивает свободу и активность заинтересованных участников народовластия, осознающих свой интерес и готовых к его деятельной реализации. Создание необходимых предпосылок для формирования разумной воли субъекта народовластия нельзя связывать только с внешними условиями. Они определяются прежде всего внутренней мотивацией и саморазвитием участников народовластия.

Полагаем, что мирное сожительство людей должно оставаться приоритетным интересом и реализовываться посредством права. Разумный подход к определению приоритетов служит гарантией устойчивого целенаправленного развития общества и государства и средством его избавления от иллюзорных идей и мнимых потребностей.

Согласимся с Т. В. Шатковской в том, что приоритетные интересы могут быть отнесены к группе национальных интересов. Их обеспечение выступает важной функцией современного государства. Национальные интересы как разновидность общих интересов определяют управленческую стратегию государства и особенности ее регулирующего воздействия [10, с. 42–45].

Механизм формирования приоритетных интересов в системе народовластия обусловлен сложившимися социальными иерархиями, потребностями социальных субъектов, уровнем их политической и правовой культуры и самосознания.

Залогом его оптимального развития служит построение системы власти, достигающей единства общенародных интересов не насильственными, а правовыми средствами. Тем самым обеспечивается признание самостоятельности каждого субъекта народовластия и закрепляются законные способы и юридические процедуры их формирования и реализации.

Разработка современной системы народовластия предполагает решение ряда проблем. Одной из них по праву считается поиск источника власти в народе, то есть определение субъектности того самого целого, именуемого понятием народ.

В истории политических и правовых учений более двух тысячелетий ведутся исследования понятия и структуры народа. Исследование состава народа стало устойчивой традицией в изучении народа со времен Аристотеля. В трудах Аристотеля народ впервые определен как совокупность граждан. Аристотелевский подход стал основой атомарной теории народа, получившей широко распространение в западноевропейской политико-правовой мысли.

Одним из ее идеологических выражений считается классовый подход к народу в марксистско-ленинской теории. Как справедливо отметил Д. Ю. Шапсугов, классовый подход не только не обладает полнотой, искусственно исключая из народа многочисленные социальные слои. Так, в состав народа, как правило, не включаются интеллектуальные силы общества, территориальные сообщества. Тем самым игнорируются социальные интересы групп, влияющих на результаты политической борьбы.

Такой подход не позволяет рассматривать народ как целостное понятие [7, с. 61]. Сложное противоречивое целое разрывается части и часть объявляет себя целым. Узурпация частью прав целого с неизбежностью приводит к насилию, утрате интереса и потребности

в демократии в обществе, разрушению механизмов духовно-нравственного саморазвития отдельных общностей и индивидов.

Игнорирование интересов и потребностей частей народа в связи с их малочисленностью не только лишает такие группы возможности развития, но и препятствует осуществлению подлинного народовластия. Последнее, по справедливому замечанию Д. Ю. Шапсугова, достигается только при реализации прав человека в диалектическом единстве прямой, непосредственной и представительной форм осуществления народовластия [7, с. 101].

С другой стороны, формальное уравнивание возможности осуществления публичной власти всем народом противоречит наличию фактических различий как индивидуальных, так и коллективных составляющих народа.

Не только отсутствие официального признания отдельных общностей и индивидов как легитимных участников политической деятельности и условий для ее осуществления, но и слабое стремление, неодинаковые потребности и возможности осуществления народовластия, равно как и объективность отдельных форм политического отчуждения власти обуславливают ограничения равного и непосредственного участия всех составляющих народ субъектов в народовластии.

В связи с этим необходимо решить две взаимосвязанные научные задачи, а именно определить возможность отнесения народа как целого к субъектам права и установить легитимные основания его права на власть.

Аристотель, понимавший народ как совокупность граждан, считал, что единственным источником власти как производного от божественного превосходства над людьми может быть добродетель. Поскольку этим качеством не обладает вся народная масса в силу своего естественного состояния, то степень ее участия в управлении зависит от конкретных свойств народа.

Секуляризация политico-правового мышления, характерная для классического периода развития юридической науки, привела к появлению новых источников легитимности власти. Такими основаниями первоначально считалась сила, а затем соглашения об ее установлении людей, организованных в народ.

Согласие людей, выраженное в общественном договоре, как источник легитимности власти в XIX-XXвв. из области теоретических идей перешло в реальную политическую жизнь. Участником такого договора должно быть общественное целое, именуемое народом. Конкретные участники этого целого в теории Ж. Руссо выступают гражданами как источники суверенной власти и подданными как лица, подчиненные законам государства.

В исследовании Д. Ю. Шапсугова выделен и такой источник легитимности власти как разум [7, с. 104, 105]. Такой подход, по его мнению, позволил И. Канту, Г. Гегелю уйти от случайно-произвольного понимания легитимности власти. Однако данное основание не привело к единству в понимании народа как источника власти. Так, И. Кант полагал, что только представительное учреждение, а не весь народ является воплощением разума. Вследствие этого именно представительная власть народа, выраженная в республике, может считаться идеальной формой государства.

В трактовке Г. Гегеля не народ, а государство воплощает разумное начало власти. Мнение народа ему виделось произволом поскольку «народ взятый без своего монарха и необходимо и непосредственно связанного именно с ним расчленения целого, есть бесформенная масса, которая уже не есть государство» [11, с. 320]. Ее движение и действие неразумно, стихийно, дико и ужасно. Народ как истинную органическую тотальность Гегель называл личностью целого, соответствующей лицу монарху.

В определении Д. Ю. Шапсугова народ представлен как «исторически развивающаяся социально-экономическая, политическая, духовно-нравственная общность, являющаяся источником и субъектом верховной власти» [7, с. 53].

Все вышеизложенное позволяет заключить, что существующий разрыв между идеей народовластия как деятельности всех составляющих частей народа по осуществлению своей

свободы и практикой ее реализации не означает несостоительность данной системы организации власти. Консолидирующий потенциал народовластия определяется общественной природой человека, потребностью в общении людей и вызванной ей необходимостью разумной организации управленческой деятельности.

Обеспечение народовластия в современных государствах предполагает определение субъектного состава народа как особой политической целостности и закрепление правового статуса всех его составляющих, не сводимых к правовому статусу личности. Качественные характеристики и состав народа на отдельных этапах исторического развития общества система влияют на содержание учредительной власти народа и ее взаимосвязь с государственной властью.

Отсутствие единомыслия в понимании народовластия и готовых форм его осуществления обусловлено разнообразием потребностей общественной жизни отдельных народов. Однако общей тенденцией современности стала взаимосвязь между стабильным и разумным развитием институтов публичной власти и политическим самосознанием народа. Трудный процесс его формирования тесно связан с историей народа. Поэтому теория и практика народовластия обладает национальной спецификой. Первоначальным условием их совершенствования является исследование исторического опыта осуществления различных форм участия населения во властьотношениях для выявления прочных основ современного народовластия.

Список источников

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: «Аграф», 2003. 640 с.
2. Гессен В. М. Проблема народного суверенитета в политической доктрине XVI в. СПб.: типо-литография Шредера, 1913. 330 с.
3. Карапеев Н. И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. СПб.: тип-я Стасюлевича, 1908. 496 с.
4. Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. 3. М.: тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1906. 292 с.
5. Комарова В. В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры). М.: «Формула права», 2006. 560 с.
6. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Тип-я Грачева & К, 1866. 552 с.
7. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Издательская группа «Юрист», 2003. 688 с.
8. Лукьянчикова Л. В. Непосредственное народовладение в России XVI – XX вв. (Историко-методологическое исследование): дис. ... на соискание ученой степени доктора юрид. наук: 12.00.01. М.: 2018. 425 с.
9. Тарановский Ф. В. Интерес и нравственный долг в праве. Варшава, Типография Варшавского учебного округа, 1899. 13 с.
10. Шатковская Т.В. Обеспечение национальных интересов в праве цифровой эпохи // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. №3. С. 42-45.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

References

1. Alekseev N. N. *Russian people and state*. Moscow: Agraf; 2003. 640 p. (In Russ.)
2. Gessen V. M. *The problem of popular sovereignty in the political doctrine of the 16th century*. St. Petersburg: Schroeder typo-lithography, 1913. 330 p. (In Russ.)
3. Kareev N. I. *Origin of the modern people's legal state. Historical sketch of constitutional institutions and doctrines up to the middle of the 19th century*. St. Petersburg: Stasyulevich type; 1908. 496 p. (In Russ.)
4. Kovalevsky M. M. *From direct popular rule to representative rule and from patriarchal monarchy to parliamentarism*. T. 3. Moscow: 1906. 292 p. (In Russ.)

5. Komarova V.V. *The mechanism of direct democracy in modern Russia (system and procedures)*. Moscow: Formula of Law; 2006. 560 p. (In Russ.)
6. Chicherin B. N. *About people's representation*. Moscow; 1866. 552 p. (In Russ.)
7. Shapsugov D. Yu. *Problems of the theory and history of power, law and state*. Moscow: Publishing group "Lawyer"; 2003.. 688. (In Russ.)
8. Lukyanchikova L. V. *Direct democracy in Russia in the 16th – 20th centuries. (Historical and methodological research): dis. ... for the degree of Doctor of Law*. Sciences: 12.00.01. M., 2018. 425 p. (In Russ.)
9. Taranovsky F. V. *Interest and moral duty in law*. Warsaw, Printing house of the Warsaw educational district. 1899. 13 p. (In Russ.)
11. Hegel G.V.F. *Philosophy of law*. Transl. from German: Ed. and comp. D. A. Kerimov and V.S. Nersesyants. Moscow: Mysl; 1990. 524 p. (In Russ.)
11. Shatkovskaya T.V. Ensuring national interests in the law of the digital era. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2020;(3):42-45. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Е. Кравчик – аспирант кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. E. Kravchik – Postgraduate student of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 29.11.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 29.11.2023.

Правовое образование как способ предупреждения и противодействия правонарушениям среди молодежи

Имани Мусабиевна Магомадова

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия,
imanimagomadova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены понятие и характерные черты правового образования и правового воспитания, раскрыты основные проблемы и причины правовой безграмотности молодежи и подрастающего поколения. Проанализированы основные пути решения вопроса правового нигилизма. Раскрыта роль и значение правового образования в профилактике и предупреждении правонарушений среди молодежи.

Ключевые слова: правовая культура, правовая безграмотность, правовое образование, правовое просвещение, правовое сознание, правовой нигилизм

Для цитирования: Магомадова И. М. Правовое образование как способ предупреждения и противодействия правонарушениям среди молодежи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 81–85. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-81-85>. EDN BJCRV

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Legal education as a way to prevent and counteract offenses among young people

Imani M. Magomadova

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, imanimagomadova@yandex.ru

Abstract. This article examines the concept and characteristic features of legal education and legal education, reveals the main problems and causes of legal illiteracy of young people and the younger generation. The main ways of solving the issue of legal nihilism are analyzed. The role and importance of legal education in the prevention and prevention of offenses among young people is revealed.

Keywords: legal education, legal consciousness, legal culture, legal nihilism, legal illiteracy

For citation: Magomadova I. M. Legal education as a way to prevent and counteract offenses among young people. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):81–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-81-85>. EDN BJCRV

Общество на протяжении всей своей истории всегда уделяло особое внимание проблеме поведения людей, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам. Когда общество сталкивается с острой потребностью разрешить те или иные конфликты или противоречия, связанные с нарушением чьих-то прав или законных интересов, и когда отмеченные конфликты становятся массовыми, они приобретают статус социальных явлений [1, с. 29]. В данной ситуации общество начинает остро реагировать на все отклоняющиеся от нормы противоправные действия и правонарушения, особенно если это связано с подрастающим поколением, так как молодежь – это стратегически важный компонент, который является вектором, определяющим в социально-экономических, политических преобразованиях в современном обществе.

Начало 1990-х годов в нашей стране связано с серьезными изменениями в политической жизни общества и не только, перестройка коснулась всех сфер общественной жизни. И особенно это сказалось на молодежи. Все новое, что происходит в жизни общества, молодежью

воспринимается неправильно и уровень осознанности бывает очень низким. И изменения, которые произошли в экономике, социальной и политической сферах были восприняты неправильно и не до конца изучены и понятны. Новое государство на политической карте мира, с новой системой государственного устройства, рыночной экономикой, демократией воспринималось обществом, как что-то всеобщее разрешающего и не контролирующего. Поэтому вплоть до 2000-х годов уровень преступности повысился в разы. Мелкие преступления и правонарушения стали неотъемлемой частью общественной жизни. Чего стоило такое негативное явление как экстремизм и терроризм, который вовлекал в незаконные вооруженные формирования именно подростков (школьников) и молодежь. Вся причина таких негативных явлений в обществе связана не иначе, как с правовым нигилизмом.

Не одна сфера общественной жизни, в том числе и система образования не были готовы к таким отрицательным моментам в жизни общества. Все новое требует перезагрузки и пересмотра всех отраслей общественной жизни, изменения сложившихся устоев. Как нам известно, системе образования советского периода характерно отсутствие дисциплин, изучающих право в чистом виде, в отличие от ситуации, которая есть в настоящее время в учебных заведениях. Наряду с усовершенствованием системы законодательства, изменением государственного устройства страны, возникла необходимость внести изменения и пересмотр всей системы образования, так как основная задача по искоренению правового нигилизма возлагалась на учебные заведения. И 1990-годы ознаменованы реформой в сфере образования. Также этому способствовало принятие целого ряда нормативно-правовых актов в сфере образования, в том числе Федерального закона «Об образовании». Соответственно возникла необходимость правового воспитания и внедрения правового просвещения подрастающего поколения, не только в высшей школе, но и начиная с дошкольных образовательных учреждений. Это позволило реализовать основной принцип поэтапного и систематичного правового просвещения.

Существует много взглядов на понятие правового воспитания. Профессор А.В. Малько рассматривает его как целенаправленную деятельность государственных органов и общественности по формированию у граждан и должностных лиц правосознания и правовой культуры. К.В. Науменкова определяет правовое воспитание как систему мер, направленных на формирование правовых идей, норм, принципов, представляющих ценности мировой и национальной правовой культуры. Т.И. Акимова считает, что правовое воспитание представляет собой целенаправленное, организованное и систематическое воздействие на личность, формирующее правосознание, правовые установки, навыки и привычки активного правомерного поведения, правовую культуру [2, с. 142]. По нашему мнению, правовое воспитание – это организованный процесс формирования правовых установок, навыков, законопослушного поведения. Понятие правовое воспитание намного шире, чем правовое образование. Правовое образование, правовое просвещение, формирование правосознания и правовой культуры эти понятия является неотъемлемыми компонентами правового воспитания.

Что же касается правового образования – это целенаправленный и систематический процесс формирования знаний в области права и законодательства. Данное понятие намного уже, чем правовое воспитание, но не менее важное и необходимое для правового воспитания молодежи.

Образование как важный составляющий компонент современного общества всегда было и будет объектом исследования и анализа. Российская Федерация является правовым государством, что обязывает каждого гражданина соблюдать нормы закона. Поэтому правовое образование является более молодым и особым объектом, без которого невозможно представить систему образования [3, с. 107].

Как мы знаем незнание закона не освобождает от ответственности. Чтобы воспитать ответственного и законопослушного гражданина необходимо постоянное правовое просвещение молодежи, совершенствование системы правового образования.

Правовой нигилизм – это одна из острых социальных проблем современного общества. Особенно остро проявляется нигилизм, когда увеличивается уровень правонарушений и преступлений со стороны молодежи. В конце 90-х и в начале 2000-х годов в обществе появились

националистические течения, распространяющие идеи нацизма, фашизма, неонацизма, различные секты, виртуальные суицидальные группы, террористические организации и т.д. Выше перечисленные течения и группы считались для молодежи, чем-то напоминающим освобождение от всех проблем, правильным и дающим им будущее. Необходимо отметить, что молодежь является группой с достаточно несформировавшейся психикой, системой моральных и духовных ценностей, остро воспринимающей все социальные проблемы. В данной ситуации вся негативная окружающая среда легко манипулирует молодежью, пропагандируя антисоциальные и преступные идеи.

В Российской Федерации за 2022 год по данным Судебного департамента осуждено 14 214 несовершеннолетних граждан. Это 2,5 % от общего числа совершаемых преступлений. Если сравнить с 2007 годом, 84 124 несовершеннолетних оказалось на скамье подсудимых. В процентном соотношении преступность несовершеннолетних снизилась на 83 %. Мы делаем выводы, что за последние годы преступность среди молодежи снизилась в разы.

В основном подростки в возрасте от 14 до 17 лет совершают преступления уголовного характера и административные правонарушения. Это самый сложный период в жизни подростка, связано это с психологическими проблемами и восприятием действительности. Это период борьбы внутри подростка между добром и злом.

По статистическим данным большая часть преступлений, совершаемых несовершеннолетними – это преступления против собственности (кражи, грабежи, угоны и др). Появилась тенденция к совершению подростками групповых преступлений, в одиночку несовершеннолетние совершают преступления очень редко. Только до 20 % осужденных подростков приговариваются к реальному сроку отбывания, большая часть приговаривается к исправительным работам, условному сроку и штрафу.

Преступления по статистическим данным совершают подростки из неблагополучных семей и подростки, которых окружает неблагополучное и с девиантным поведением окружение. Неблагополучная семья – семья с родителями, употребляющими алкогольные и наркотические средства, с тяжелой психологической обстановкой, неполная семья. Все вышеперечисленное наталкивает подростков к систематическому нарушению законов. Например, отсутствие необходимого материального блага в семье, вызывает желание у несовершеннолетнего украсть это из магазина, у соседа и т.д. Также хотелось отметить детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Более 60 % детей из таких семей подвержены жестокому обращению в социальных учреждениях, в которые они попали и в новых семьях, куда их органы опеки и попечительства распределили. Поэтому некоторые дети видят выход только в том, чтобы убежать из таких мест пребывания и спасение находят в группах подростков, которые проживают свою жизнь на улицах.

И конечно же нет необходимости проводить мониторинги и проверять статистические данные, чтобы понять, что подростки из таких семей крайне редко посещают образовательные учреждения, а во многих случаях и вовсе после окончания 9 класса в общеобразовательном учреждении, покидают школу.

В последние годы болезненным остается вопрос участия молодежи в экстремистских и террористических организациях, причем в данные организации путем вербовки вовлекалась не только молодежь, но и дети школьного возраста с 12-14 лет. Основная причина вовлечения в экстремистские группы, по нашему мнению, была связана наряду с глобальной сетью «Интернет», также с отсутствием достаточных знаний у молодежи, что позволило экстремистским организациям свободно воздействовать на психику подрастающего поколения, навязывая идеологические взгляды и суждения.

Обществу и всей системе органов государственной власти остается проводить огромную работу по предупреждению и пресечению таких преступлений и правонарушений. Локомотивом, наряду во всеми общественными институтами, стала система образования. Это не умоляет работу проводимую, правоохранительными органами, СМИ, общественными движениями, органами государственной власти, религиозными организациями. Поскольку основное время

подрастающее поколение проводит в стенах учебных заведений, на образовательные учреждения ложится большая часть ноши в правовом просвещении и правовом образовании.

Так, какие же пробелы нужно искоренить в решении вопроса правового просвещения и формирования высоких показателей в системе правового образования? Для выяснения данного вопроса нам нужно поставить ряд основных задач.

Во-первых, решить вопрос кадрового потенциала. Именно работая с молодежью, в которой каждый со своими особенностями в развитии, психологической и материальной обстановкой в семье, каждый педагог, учитель, преподаватель должен иметь определенный объем навыков, имений, знаний, методик и инновационных подкреплений в работе. Туда будет входить и систематическое повышение квалификации, касаемо правовых знаний и методик преподавания, анализ материалов преподавания права на международной арене, практики и использования новейших стандартов в области образования.

Во-вторых, использование инновационных методик в системе правового образования. По мнению Марченко С.С., Соловейченко Е.Г., Олейник А.А., с помощью цифровых технологий можно создать эффективные образовательные программы, оснащенные интерактивными учебными материалами и инструментами для самопроверки знаний. Также возможно использование различных приложений и онлайн-курсов для обучения различным правовым вопросам. Такой подход позволит обучающимся ознакомиться с новыми правовыми концепциями в формате, удобном для них, а педагогам – сильнее включить студентов в учебный процесс [4, с. 364]. И конечно же, активизируется наглядный метод, без которого преподавание любой дисциплины становится сложным бременем для преподавателя. Например, видео-лекция при помощи интерактивной доски, намного повысит интерес слушателей и облегчит задачу преподавателю. Но не забываем, что использование инновационных методов в обучении должно быть в оптимальном сочетании с традиционными (классическими) методами.

В-третьих, введение определенного объема часов юридической (правовой) направленности. Решение данного вопроса зависит от уровня образовательного учреждения. Если это касается школы, то в школах нет дисциплины, изучающей в чистом виде право, правовые темы есть в цикле дисциплины «Обществознание». В данном случае, на уроках обществознания закладывается необходимый объем правовых знаний для поступления в средние и высшие образовательные учреждения. А если мы говорим о вузах, то здесь считаем необходимым внесение изменений при подготовке учебных планов и введение в курс таких дисциплин как: «Правоведение», «Система российского законодательства», «Права и свободы человека и гражданина» и др., на неюридических профилях. Как мы знаем, на юридических профилях уровень правовых знаний бывает высоким, что нельзя сказать о других профилях, поэтому мы предлагаем ввести данные дисциплины с целью повышения правовой грамотности.

В-четвертых, повышение уровня внеурочной работы, проводимой с учащимися. Как доказывают многочисленные исследования, внеурочная деятельность закрепляет те знания, которые учащиеся получают в урочное время. Под внеурочной деятельностью мы понимаем многочисленные конференции, дебаты, ролевые и деловые игры, олимпиады и т.д. правового характера. Очень положительно влияет и участие учащихся в различных общественных движениях патриотического, экологического характера.

На сегодняшний день, на примере Чеченского государственного педагогического университета, можно смело сказать, что работа по ликвидации правовой безграмотности проводится на высоком уровне. Правовые дисциплины читаются не только на профильных (правовых) курсах, но и на курсах далеких от юриспруденции, что позволяют повысить уровень правовой грамотности у студентов неюридического профиля. Работа проводится не только в рамках лекционных и практических занятий, но и в неурочное время на различных мероприятиях правовой направленности, где активно участвуют все профили и специальности. Наряду с другими многочисленными мероприятиями, ежегодно кафедрой права проводится круглый стол ко Дню Конституции Российской Федерации. Особенно акцент делается на первокурсниках, большая часть докладчиков – это, студенты первых курсов. Это целенаправленная работа, проводимая нами, для вовлечения вчерашних школьников в процесс правового просвещения.

А лучше всего эту работу начать с Конституции Российской Федерации, представляющей основу всей правовой системы страны.

Поэтому правовое образование – это необходимое составляющее в формировании ответственного и законопослушного гражданина. Это не однократный и единичный процесс, а систематическая, поэтапная и целенаправленная работа. Правовое образование становится тем щитом, который спасает общество и молодежь от совершения преступлений. Благодаря правовой грамотности молодежь и подрастающее поколение начинает фильтровать информацию, которую они получают из окружающей среды, позитивное от негативного, законное от незаконного, что позволяет вырастить полноправного и законопослушного гражданина, который любит и уважает законы своего государства.

Правовое образование создает основу для устойчивого развития и функционирования государства, общества, семьи, отдельного гражданина. Следовательно, именно правовое образование будет играть значительную роль в процессе консолидации общества, в сохранении единого социокультурного пространства страны, в преодолении многочисленных конфликтов. От правового образования во многом зависит создание модели будущего общества, для которого межкультурная вражда будет, скорее, исключением из правил, нежели нормой повседневности, общества, в котором будет преодолена социальная пропасть между людьми, препятствующая проявлению их способностей для развития государства и общества. Правовое образование способствует развитию толерантности, уважения к другим людям, высокой правовой культуры. Оно побуждает людей следовать закону не из страха быть наказанным, а из осознания, что такое поведение – норма общественной жизни [5, с. 36].

Список источников

1. Хамитова Г. Ш. Правовое образование и воспитание молодежи в современных условиях // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 4 (22).
2. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М.: Юрист, 2004.
3. Магомадова И.М. Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня окончания Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Грозный: "АЛЕФ", 2020. С. 103–108.
4. Марченко С. С., Соловейченко Е. Г., Олейник А. А. Взаимосвязь права и образования: проблемы и перспективы / Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 5 июн. 2023 г.). Чебоксары: Среда, 2023. 384 с.
5. Сморгунова В. Ю., Калинина Е. Ю. Роль правового образования в устойчивом развитии и функционировании государства и общества в современном глобальном мире // Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. № 2.

References

1. Khamitova G. Sh. Legal education and upbringing of youth in modern conditions. *The rule of law: theory and practice*. 2010;4(22). (In Russ.)
2. Malko A. V. *Theory of State and law in questions and answers*. Moscow: Lawyer; 2004. (In Russ.)
3. Magomadova I. M. *Ways to increase the level of legal awareness and legal literacy in modern civil society*. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of the end of the Great Patriotic War (1941-1945). Grozny: "ALEPH"; 2020: 103–108. (In Russ.)
4. Marchenko S. S., Soloveichenko E. G., Oleinik A. A. Interrelation of law and education: problems and prospects. In: *Topical issues of the humanities and social sciences: from theory to practice: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. (Cheboksary, June 5, 2023) Cheboksary: Wednesday; 2023. 384 p. (In Russ.)
5. Smorgunova V. Yu., Kalinina E. Yu. The role of legal education in the sustainable development and functioning of the state and society in the modern global world. *Universum: Bulletin of the Herzen University*; 2012. (2).

Информация об авторе

И. М. Магомадова – старший преподаватель кафедры права Чеченского государственного педагогического университета.

Information about the author

I. M. Magomadova – Senior Lecturer at the Department of Law of the Chechen State Pedagogical University. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest. Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 23.11.2023. The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 23.11.2023.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 86–101

North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(4):86–101

Проблемы конституционного права

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-86-101>

EDN ADCUNE

О суверенитете Российского государства в контексте факторов современного мирового развития (исследование на основе Закона о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ)

Жанна Иосифовна Овсепян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, Ovsepyan-g-i@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа текста Закона о поправке к Конституции РФ (2020 г.) исследуются новые аспекты научно-доктринального правопонимания системы средств и сферы обеспечения государственного суверенитета РФ: с позиций обеспечения эффективности внутригосударственного управления; формирования правовых основ функционирования органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления в качестве «единой системы публичной власти». Осужден анализ и систематизация новелл регулирования «предметов ведения и полномочий»; дана оценка Государственного Совета РФ как учреждения способного обеспечивать противодействие угрозам и рискам глобализации и международной и внутригосударственной регионализаций.

Ключевые слова: глобализация, Государственный Совет РФ, конституционно-правовые основы статуса публичной власти в России, национально-культурная идентичность народа в РФ, понятие публичная власть, понятие и новеллы конституционно-правового регулирования разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями государственной власти в России, принцип государственного единства России, принцип единства многонационального народа России, принцип единства системы публичной власти, регионализация, суверенитет

Для цитирования: Овсепян Ж. И. О суверенитете Российского государства в контексте факторов современного мирового развития (исследование на основе Закона о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 86–101. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-86-101>. EDN ADCUNE

Problems of Constitutional Law

Original article

On the sovereignty of the Russian state in the context of the factors of modern world development (a study based on the Law on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 № 1-FKZ)

Zhanna I. Ovsepyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, Ovsepyan-g-i@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of the text of the Law on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation (2020), new aspects of the scientific and doctrinal legal understanding of the system of means and spheres of ensuring the state sovereignty of the Russian Federation are investigated: from the standpoint of ensuring the effectiveness of domestic governance; the formation of the legal foundations of the functioning of state authorities, other state bodies, local self-government bodies as a "unified system of public power". The analysis and systematization of the novelties of regulation of "subjects of competence

and powers" is carried out; the assessment of the State Council of the Russian Federation as an institution capable of countering the threats and risks of globalization and international and intra-state regionalization is given.

Keywords: sovereignty, globalization, regionalization, the principle of state unity of Russia, the principle of unity of the multinational people of Russia, the national and cultural identity of the people in the Russian Federation, the concept of public power, constitutional and legal foundations of the status of public power in Russia, the principle of unity of the system of public power, the concept and novelties of constitutional and legal regulation of the delimitation of subjects of jurisdiction and powers between the levels of government in Russia, the State Council of the Russian Federation

For citation: Ovsepian Zh. I. On the sovereignty of the Russian state in the context of the factors of modern world development (a study based on the Law on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 № 1-FKZ). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):86–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-86-101>. EDN ADCUNE

Вводная часть. К постановке темы. Вопросы обеспечения государственного суверенитета явились ведущей темой, сформулированной в Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию (от 15.01.2020 г.), где было сказано, что «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным»¹. Президентом РФ В. В. Путиным были инициированы изменения в Конституцию РФ, которые затем были одобрены большинством избирателей России в ходе общероссийского голосования и вступили в силу 4 июля 2020 г.² Принятие Закона о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ), расширившего формулировки о национальных ценностях и интересах России в глобализирующемся мире, явилось откликом на происходящие изменения системы мироустройства.

В Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» сформулирована суть угроз и вызовов, которые несет с собой глобализация, сказано: «Современный мир переживает период трансформации... Стремление стран Запада сохранить свою гегемонию, кризис современных моделей и инструментов экономического развития, усиление диспропорций в развитии государств, повышение уровня социального неравенства, стремление транснациональных корпораций ограничить роль государств сопровождаются обострением внутриполитических проблем, усилением межгосударственных противоречий, ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности»³.

В Указе Президента РФ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» констатируется возникновение новых векторов в развитии моделей организации государств и регионов мира, заключающееся в том, что: «Человечество переживает эпоху революционных перемен. Продолжается формирование более справедливого, многополярного мира. Необходимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счет присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии. Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров»⁴. Концепция исходит из понимания значимости региональных межгосударственных объединений для обеспечения государственных суверенитетов, как меры противодействия устремлениям к однополюсному глобальному мироустройству.

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию (от 15.01.2020г. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/

² Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 3 июля 2020 г. № 256/1888-7 «О результатах общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» 6 июля 2020 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74232444/>

³ Указ Президента РФ В.В. Путина от 2 июля 2021 г. N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации".// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

⁴ Указ Президента РФ В.В. Путина от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

В Указе отмечается усиление кризиса экономической глобализации в современном мироустройстве, закономерным ответом на который «становится укрепление сотрудничества между государствами, подвергающимися внешнему давлению», активизация формирования региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, создание разноформатных партнерств для решения общих проблем¹.

В научно-исследовательской литературе по поводу конкуренции процессов суверенизации и глобализации, высказывается мнение, что обозначившийся переход к многополярному миру, не означает прекращения глобализационных процессов современности: по той причине, что расширяющиеся объемы международной, внешнеэкономической деятельности (прежде всего – международной торговли), сопровождаются становлением транснациональной среды мировой политики, которая «получает сегодня различные воплощения» [1, с. 106]. В исследованиях практики западно-европейской интеграции отмечается, что: «закрепление де-факто (отчасти уже и де-юре) в качестве легитимных участников международных отношений негосударственных и надгосударственных акторов со своими специфическими интересами и позициями – от транснациональных корпораций (ТНК), неправительственных организаций (НПО) и международных неправительственных организаций (МНПО) до общественно-политических и иных движений, некоторых групп интересов, даже отдельных индивидов» [1, там же], что, нередко, входит в противоречие с интересами национальных государств гражданской идентичности транснациональных корпораций. Согласно же Концепции внешней политики РФ, Россия стремится «к преобразованию Евразии в единое общеконтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания», что предполагает «формирование широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства – посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» при сохранении возможности участия в этом партнерстве всех заинтересованных государств и многосторонних объединений Евразийского континента и, как следствие, формирование сети партнерских организаций в Евразии»².

В соответствии с Федеральным законом (ФЗ) «О науке и государственной научно-технической политике» (от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ, с изменениями и дополнениями), ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ, с изменениями и дополнениями), в соответствии с Указом Президента РФ от 14 апреля 2022 г. № 203 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), иными указами и поручениями Президента РФ, постановлениями Правительства РФ в России предусмотрены меры обеспечения научно-технологического развития, достижения технологического суверенитета России.

В научно-исследовательских публикациях в связи с обсуждением вопросов о достижении технологического суверенитета современного государства в период информационной и научно-технологической революций, масштабной компьютеризации современного мира, указывается, что: «Развитие информационно-коммуникационных технологий придало новый импульс научно-техническому прогрессу и обусловило переход общества к информационной, постиндустриальной (базирующейся на генерации знаний) стадии социально-экономического развития, формируя новую реальность» [2, с. 6]. Возникает новый вид экономических корпораций – ИТ-компаний, деятельность которых связана с новым видом конкурентной среды, несущей в себе и поддержку, и противоречия как корпорациям, занятым традиционными видами экономической деятельности, так и государству как субъекту международных отношений.

¹ Указ Президента РФ В.В. Путина от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

² Там же.

В связи с исследованиями обостряющейся конкуренции процессов глобализации и суверенизации и сопутствующих процессам глобализации угроз и вызовов, в связи со сменой парадигм однополюсных и многополюсных миров, в связи с радикальными научно-технологическими достижениями, компьютеризацией всех процессов жизнедеятельности современных обществ, когда все более осознается, что человечество вступает в новый цивилизационный период своей истории, в науке появляются публикации о тенденциях и перспективах развития государства и права, о суверенитете государства и права.

Новым аспектом теоретико-правовых исследований государственно-правовых суверенитетов стало также обсуждение вопросов о будущем государства и права; высказываются опасения по поводу размывания («крошения») государственных границ в процессе осуществления приграничной и электронной торговли, высказываются опасения по поводу того, что процессы глобализации и регионализации серьезным образом влияет на единство правового пространства национального государства [3, с. 18–19]. Исследуются возможности и потенциал для совершенствования современного государственного управления, модификаций современного государства таких высочайших технологических достижений, как: искусственный интеллект, «машиночитаемое право», феномен «больших данных», др. В то же время анализу подвергается будущее государства как формы человеческого объединения: отдельными зарубежными авторами высказывается даже суждение «о высокой вероятности распада и гибели государства, которое окажется выдавленным частными корпорациями» [4, с. 144].

Некоторые авторы формулируют прогнозы: что государственность эволюционирует; что «угроза распада государства как формы и способа бытия человеческого общества оставляет незащищёнными национальные культуры и собственно природу человека» [4, с. 143–148]; высказываются о «необходимости сохранения государством своего «духовного наполнения» [5, с. 62]. В то же время формулируется и верное, на наш взгляд, заключение, что: «Едва ли может быть экономическая и политическая единица с большей значимостью, чем национальное государство в наше время. Упадок, сохранение или морфоз власти/возможностей, которыми обладает эта обобщенная форма социальной организации, имеет естественную теоретическую (и практическую) привлекательность. От валюты этих возможностей зависят политические и институциональные возможности для решения серьезных проблем глобального масштаба» [6]. Такой вывод более коррелирует с актуальностью осмыслиения исследований в контексте новых реалий классических представлений о понятии «суверенитет» и конституционно-правовых новелл, которые характерны для конституционных практик многих государств в современном мире, чему и посвящена настоящая научная статья.

Несколько слов о методологии исследования. Как известно, согласно классическому пониманию: государство – это единство трех начал: власть, население (народ) и территория. Соответственно, и исследование понятия «суверенитет государства» должно учитывать фактор этой триады «органов» государства. В одной из наших публикаций, мы обосновывали следующее понимание указанной триады: «при оценках с позиций классических подходов к определению государства как единства элементов: территории, населения, власти, в этой системе трех органов государственную (публичную) власть можно считать системообразующим элементом. Народ, органы государства (глава государства, парламент), территорию государства – объединяет то общее, что все они так или иначе связаны с государственной властью: являются либо источниками и (или) субъектами государственной власти (народ, органы государственной власти), либо объектами государственной власти (территория).

Таким образом, государственная власть выполняет роль системообразующей «несущей» конструкции в системе государства. В этом смысле суверенитет может быть приписан свойствам государственной власти. Вместе с тем, суверенитет как свойство государственной власти дедуцируется на государство в целом, становится воплощением государства в целом, приобретает характер государственного суверенитета» [7, с. 99–109], понимаемого как суверенитет государственно-организованного народа [8, с. 14–30].

В контексте темы, посвящённой вопросам обеспечения государственного суверенитета России, высокую актуальность приобретает анализ большого пакета изменений в Конституцию РФ, внесенного в ее текст Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, который в значительном объёме посвящен радикальным изменениям в организации власти в России, что отражено уже в наименовании этого Закона – «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организаций и функционирования публичной власти»¹.

Законом о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организаций и функционирования публичной власти» внесены изменения в три главы Конституции: «Федеративное устройство», «Президент Российской Федерации», «Местное самоуправление». Обращает также внимание что первыми федеральными законами, принятыми по тематике Закона о поправке к Конституции РФ стали: ФЗ « О Государственном Совете РФ»(2020 г.) и ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» (2021 г., в полном объеме вступил в силу с 2023 г.).

Соответствующая последовательность постконституционного законотворчества дает основания полагать что ключевой идеей российских реформ явилось прежде всего расширение гарантий такого аспекта в конституционном регулировании (2020 г.) государственного суверенитета России, как обеспечения федеративного политico-территориального единства России в период возрастающих масштабов глобализации мицоустройства, с её угрозами и вызовами.

Конституционными поправками в 2020 г. осуществлена рационализация системы «разделения властей» (государственной власти двух уровней – федерального и субъектового по горизонтали и вертикали их устройства и функциональное (при сохранении организационной автономии) единство (взаимодействие) двух уровней государственной власти с первичным уровнем - властью местного самоуправления посредством введения в предмет конституционного регулирования понятий: «публичная власть», «единая система публичной власти», «Государственный Совет Российской Федерации» и их последующей институционализации.

Предваряя анализ новых аспектов содержания государственного суверенитета, отметим что исследования классических учений о суверенитете, об истории создания соответствующей теории Жаном Боденом дают основания к заключению что глубинной идеей учения о государственном суверенитете является идея государственного единства (хотя в научных кругах более часто понятия суверенитет и идентифицируются с пониманием абсолютного превосходства кого-либо, чего-либо во власти (абсолютного монарха в XVI-XVII вв.; народа как субъекта принадлежности всей полноты государственной власти – начиная с первых конституций, принятых на волне буржуазно-демократических революций конца XVIII-го в.). С позиций такого понимания государственного суверенитета «выстроено» последующее изложение в настоящей научной статье, осуществленное на основе исследования Закона о поправке к Конституции РФ от 14.03. 2023 г.

Законом о поправке к Конституции 2020г. через статус Государственного Совета и законодательство об ответственности глав субъектов РФ, обеспечена «привязка» к федеральному центру первых лиц субъектов РФ (что означает единство систем единовлачания двух уровней государственной власти; в определённом объеме – трёх уровней, поскольку за Президентом РФ в ФЗ «О Государственном Совете» закреплено полномочие, по его усмотрению назначать в состав Госсовета не только глав субъектов РФ, но и, в отдельных случаях – представителей муниципальных образований). Кроме того, через введение понятий «публичная власть», «единая система публичной власти» органы местного самоуправления «встраиваются» единую с органами государственной власти систему – органов публичной власти в РФ». Таким образом, обеспечивается «консолидация» не только единоличных должностных лиц, но и коллегиальных представительных органов власти, в том числе – первичного уровня коллегиального представительства в едином политико-территориальном правовом пространстве России.

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организаций и функционирования публичной власти"
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/

1. Новые аспекты понимания содержания суверенитета государственной власти во внутригосударственном пространстве в конституционном регулировании от 14.03.2020 г. в России. О требованиях (цензах) национально-государственной идентичности лиц, наделенных властными полномочиями

Новейшая практика России и международного сообщества позволяет в научно-доктринальном понимании говорить о новом аспекте в классическом определении и современном исследовании понятия «суверенитет», связанном с выявлением значимости этого принципа для обеспечения эффективности внутригосударственного управления – как гарантии предупреждения разрушительных для современного национального государства (в том числе для России) угроз и рисков, возникающих в процессе международной глобализации.

Согласно устоявшимся научно-теоретическим представлениям, суверенитет означает «верховенство государства во внутренних делах и независимость на международной арене». Очевидно, что это понимание прежде всего следует отождествлять с характеристикой такого «органа» («элемента») государства, как «государственная власть». По логике такого правопонимания: развитие гарантий суверенитета национального государства и конституционного права суверенного государства (как его основного права) на принятие мер по укреплению национального государства в период глобализации становится актуальным прежде всего как условие (способ) обеспечения самоуправляемости, самодостаточности власти во внутригосударственном пространстве в сфере решения социальных и экономических проблем.

В конституционном регулировании 2020 г. в Российской Федерации в конституционном пакете изменений и дополнений, на наш взгляд, новые аспекты формулирования норм об обеспечении государственного суверенитета РФ во многом связаны с требованиями: верности носителей государственно-властных полномочий национальному государству; национально-государственной идентичности лиц, наделенных властными полномочиями; с обязанностями граждан, которым доверены публичные функции быть верными конституции и законам государства гражданской идентичности, чтобы исключить ситуации, когда внутреннее управление государством осуществляется за пределами РФ и исключить нарушения, лоббистские воздействия на процессы бюджетирования. Достижение суверенитета рассматривается как способ своеобразной «национализации» государственной (публичной) власти российской государственной идентичности.

Обращаясь к анализу конкретных норм Закона о поправке к Конституции (2020 г.), в порядке подтверждения вышеизложенных тезисов, отметим, прежде всего, что усиление признаков государственной власти, характеризующих ее как суверенную институцию, обеспечивают множество раз повторенные в связи с закреплением статусов различных категорий лиц, занимающих ключевые должности в системе публичной власти, положения: о недопустимости наличия у них «гражданства иностранного государства, либо вида на жительство, или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства»; а также указанным категориям лиц «запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации» (п. «т» ст. 71 Конституции РФ в ред. Закона 2020 г.).

В ряду носителей властных полномочий, к которым предъявляются указанные требования, в соответствии с Законом о поправке к Конституции, 2020г.: члены Совета Федерации – сенаторы РФ (п. 4 ст. 95), депутаты Государственной Думы (п.1 ст. 97), Уполномоченный по правам человека (п. «е» ч. 1 ст. 103), Председатель Правительства Российской Федерации, Заместители Председателя Правительства Российской Федерации, федеральные министры, иные руководители федеральных органов исполнительной власти (п.4 ст. 110), судьи Российской Федерации (ст. 119), прокуроры (п. 2 ст. 129). Кроме того, согласно Закону о поправке к Конституции, указанные два требования несовместимости с занятием должности распространяются не только на органы и должностные лица федеральной государственной власти, но и на руководителей федеральных государственных органов (п. 5 ст. 78 Конституции

в редакции Закона о поправке к Конституции, 2020 г.). Кроме того, в соответствии с анализируемым Законом (от 14.03.2020 г.) предусмотрено внесение в Конституцию РФ поправки о новом виде предметов исключительного ведения Российской Федерации, согласно которому аналогичные требования несовместимости, но соотносимые с правовым регулированием статусов лиц, замещающих должности государственной и муниципальной службы, также относятся к федеральному усмотрению (п. «т» ст. 71 Конституции РФ в ред. Закона РФ 2020 г.).

В системе мер обеспечения государственного суверенитета России, помимо вышеуказанных, очевидно, следует рассматривать закрепленный в Конституции РФ (с 2020 г.), по предложению Президента России принцип недопустимости двойного и более гражданства лиц, занимающих высокие должности в системе государственной власти. Во внутригосударственном и международном праве существует «сдержанное» отношение к институту множественного гражданства, поскольку состояние одного и того же лица в двойном и более гражданств может приводить к правовым коллизиям, сложностям в межгосударственных отношениях. Свидетельством тому являются, в частности, наличие специального международно-правового регулирования на эту тему: Конвенция 1963 года «О сокращении случаев множественности гражданства и об исполнении воинской обязанности в случаях множественности гражданства и протоколов к ней»; «Дополнительный протокол к Конвенции о сокращении случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства» (от 24.11.1977), ряд других международных договоров. В новом ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (от 28.04.2023 № 138-ФЗ) впервые в России введено понятие «множественное гражданство» и обновлено определение «двойное гражданство», но регулирование в обоих случаях – в контексте ограничений такого рода состояний. Заметим также, что гражданство – это не только субъективное право, оно имеет и государственно-правовую природу, является одним из показателей наличия государственности соответствующего политico-территориального образования. Неслучайно в законодательстве о гражданстве ряда государств закрепляются требования принесения присяги верности государству, если гражданство приобретается не в порядке рождения, а в связи с изменением гражданства (в США, а с недавнего времени – и в ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»). Введение в Конституцию и законодательство требований соблюдения обязательств верности нациальному государству гражданской идентичности – является ограничением, вытекающим из свободно избранного лицом вида трудовой деятельности – служения в системе государственной власти, имеющего публично-правовую природу.

В связи с анализируемым аспектом в конституционном регулировании отметим, что в российской научной литературе актуализируются обсуждения темы о введении присяги верности не только для воинской службы, но и гражданских служащих [9]. По сведениям в официальных изданиях: в Государственную Думу Федерального Собрания (парламента) РФ Законопроект об изменениях в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», «концепция которого направлена на введение института присяги для лиц, впервые поступающих на государственную гражданскую службу и установить общее требование по принесению присяги в торжественной обстановке»¹.

Как отмечается в комментариях к Законопроекту: «на данный момент принесение присяги предусмотрено при вступлении в соответствующую должность для судей Конституционного Суда, судей Верховного Суда, иных федеральных судей, Генерального прокурора, лиц, впервые назначаемых на должность прокурора, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, военнослужащих, сотрудников Росгвардии, судебных приставов и физических лиц (иностранных граждан и лиц без гражданства), приобретающих гражданство Российской Федерации»².

¹ Сенаторы внесли законопроект об изменениях в закон о государственной гражданской службе Российской Федерации // <http://council.gov.ru/events/committees/133656/>

² Там же.

Новеллы в конституционно-правовой реформе России на основе Закона о поправке к Конституции РФ, 2020 г. и обновление сопутствующего законодательства, направленные на обеспечение функционирования государственной власти как суверенной институции, способной к эффективному управлению в национальных интересах, связаны, далее, и с такими радикальными новеллами, как введение в текст Конституции РФ понятия «публичная власть», провозглашение принципа «единство публичной власти» и конституционная легитимация Государственного Совета как государственного органа при Президенте РФ. В связи с указанными конституционными новеллами принятые: ФЗ «О Государственном Совете» (от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ) (первый в истории России закон об этом государственном органе), принят также ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» (от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ).

2. Дефиниции понятий «публичная власть» и «единая система публичной власти» в составе понятийного аппарата Конституции РФ и в системе условий, гарантий и механизмов обеспечения государственного суверенитета (по Закону о поправке к Конституции 2020 г.)

В соответствии с Законом о поправке к Конституции от 14.03.2020 г., помимо положений, призванных расширить гарантии действия принципа государственного суверенитета через введение конституционных требований соблюдения обязательств верности национальному государству; развитие содержания и гарантий действия принципа государственного суверенитета связано и с новеллами, касающимися модификаций системы «разделения властей» по вертикали и горизонтали ее устройства в России. В этом контексте новеллы регулирования вопросов организации федеративного устройства и функционирования публичной власти в РФ, по нашему мнению, связаны, прежде всего, с введением в категориальный аппарат конституционного регулирования России понятия «публичная власть».

В Конституции РФ (в ред. Закона о поправке к Конституции 2020 г.) понятие «публичная власть» употребляется в ряде статей: в связи с перечислением состава территории РФ (ч. 1 ст. 67), отнесением к исключительному ведению Российской Федерации такого предмета ведения, как «организация публичной власти» (п. «г» ст. 71); в связи с регулированием полномочий Президента РФ по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов внесено дополнение, что речь идет об органах « входящих в единую систему публичной власти» (ч. 2 ст. 80) и в связи с наделением Президента РФ полномочиями по формированию Государственного Совета «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти» (п. е⁵ ст. 83 Конституции в ред. 2020 г.). Кроме того, с 2020г. в Конституцию внесено соответствующее дополнение, касающееся статуса местного самоуправления, закреплено, что: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ в ред. Закона о поправке к Конституции 2020 г.).

В принятом на основе новелл Конституции Федеральном законе РФ «О Государственном Совете» (от 08.12.2020 № 394-ФЗ) сформулировано понятие «единая система публичной власти», под которой «понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства» (ч. 1 ст. 2 ФЗ – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/).

В Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с измен. и доп.) понятие «публичная власть» также характеризуется через установление перечня органов и целей взаимодействия, сказано, что: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (ч. 1 ст. 1 ФЗ № 414-ФЗ – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/). В Конституции РФ и названных федеральных законах сформулирован субъект координации в системе публичной власти, сказано, что: «Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации» (ч. 2 ст. 1 ФЗ № 414-ФЗ).

Таким образом, современная федеративная организация официально характеризуется как единство трех уровней власти: не только двух государственных, но и первичной – власти местного самоуправления, наиболее приближенной к населению и его потребностям и проблемам. В учебных и научных публикациях, предваряющих конституционную легитимацию понятия «публичная власть», даны устоявшиеся определения этого понятия, сформулированные через проведение его соотношения с такими категориями как: политическая власть, социальная власть, общественная власть, государственная власть, власть субъекта федерации, власть автономии, власть местного самоуправления.

Согласно распространенным представлениям, в отличие от общественной власти: «публичная власть – это власть, выделенная из общества и не совпадающая с населением страны, являющаяся одним из признаков, отличающих государство от общественного строя»¹. В соответствии с теоретическими представлениями: публичная власть, как и государственная власть – это разновидности социальной власти, поэтому оба вида власти обладают всеми признаками социальной власти. «Вместе с тем государственная власть имеет свои особенности» [10, с. 62], представляет собой особую разновидность социальной (как и политической) власти. В учебных и научных публикациях отмечается, в частности, что: «Политическая и государственная власть имеют разные механизмы осуществления. Государственная власть характеризуется наличием аппарата управления и аппарата принуждения. Она обладает властно-принудительным влиянием на поведение людей и их организаций, обеспеченный государственно-правовыми методами»². Кроме того, всякая государственная власть имеет политический характер, но не всякая политическая власть является государственной [11, с. 193–217].

Отличительной особенностью публичной власти как единства государственной и муниципальной систем является то, что она имеет «территориальную привязку», осуществляется в определенных территориальных пределах. Однако особенность государственной власти как разновидности публичной власти в том, что государственная власть является верховной и суверенной разновидностью публичной власти, «в РФ реализуется на федеральном (общегосударственном) и региональном уровнях. Она занимает центральное место среди иных выражений публичной власти, что связано с особенностями механизма ее реализации, а также особенностями отношений, возникающих на ее основе. При этом органы, осуществляющие публичную власть, одновременно образуют систему механизма государства» [12]. В одной из первых крупных работ по рассматриваемой теме – учебнике профессора Ю. А. Тихомирова высказывалось мнение, что: «публичный характер связывается прежде всего с государственной властью» [13], – позиция, созвучная периоду до начала 90-х гг. XX в. в России, но, очевидно, актуальная и для нового периода российской истории (при условии учета значимости местного самоуправления

¹ Государственная власть: понятие и содержание // <https://sci-book.com/gosudarstva-prava-teoriya/gosudarstvennaya-vlast-ponyatie-47465.html>

² Понятие власти. Соотношение политической и государственной власти... <https://raa.ru/wp-content/uploads/2018/10/>

как первичного уровня публичной власти). Другие авторы акцентируют внимание на «обоснованную дифференциацию категорий «публичная власть» и «государственная власть» [14].

На официальном уровне правопонимание, помимо данного в проанализированном выше законодательстве, было сформулировано в ряде постановлений Конституционного Суда РФ (от 30.11.2000 № 15-П; от 24.12.2012 № 32-П; от 13.10.2015 № 26-П)¹. Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской, выраженной в Постановлении от 13.10.2015 № 26-П: «вопросы местного значения в силу прямого предписания статьи 130 (часть 1) Конституции Российской Федерации могут и должны решать именно органы местного самоуправления, а не органы государственной власти, что, однако, не исключает их взаимодействия, основанного на признании самостоятельности местного самоуправления, при решении общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения, в интересах населения муниципального образования, а также участия органов местного самоуправления в установленных законом пределах в реализации публичных функций и задач государства на соответствующей территории»².

В Постановлении от 23.11.2021 № 50-П Конституционный Суд РФ уточнил формулировку своей правовой позиции, отметив, что: «закрепляя самостоятельность местного самоуправления в качестве его основного свойства и принципа взаимоотношений с органами государственной власти, Конституция Российской Федерации, вместе с тем, исходит из того, что эта самостоятельность не является абсолютной, а должна определяться пределами, устанавливаемыми действующим законодательством. Органы государственной власти в рамках своих полномочий по предметам ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации призваны оказывать регулирующее воздействие на местное самоуправление как на один из уровней публичной власти, в частности осуществлять регулирование и защиту права избирать и быть избранным в органы муниципальной власти, а также устанавливать общие принципы организации местного самоуправления, учитывая при этом цели государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации (статья 71, пункты «в», «е»; статья 72, пункты «б», «н» части 1, Конституции Российской Федерации)»³.

3. О принципе единства многонационального народа России как составляющей содержания и гарантии суверенитета Российской Федерации (исследование на основе Закона о поправке к Конституции, 2020 г.)

Помимо зависимости от фактора эффективности внутригосударственного управления, с идеей государственного суверенитета в России связан и большой пакет новых норм, введенных в Конституцию РФ в 2020г., регулирующих РФ признаки национально-культурной идентичности многонационального народа Российской Федерации, что является отражением не только российской специфики, но, представляется, что эта новелла отражает общее в период глобальных трансформаций, когда обостряются проблемы национальной идентичности,

¹ См.: Постановление Конституционный Суд Российской Федерации от 18 июля 2018 г. № 33-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 242 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования – городского округа "город ЧИТА"; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.10.2015 № 26-П "По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой администрации муниципального образования "Североуральский городской округ"; Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области".

² Постановление Конституционного Суда РФ от 13.10.2015 N 26-П По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой администрации муниципального образования "Североуральский городской округ".

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.2021 N 50-П "По делу о проверке конституционности части 3 статьи 40 и пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации".

стремление народов к сохранению своей самобытности [15, с. 53–61]. В новеллах к главе 3 «Федеративное устройство» Конституции РФ 1993 г., в редакции Закона о поправке к Конституции, 2020 г., слово «культура» упоминается многократно и в разных словосочетаниях: «культура», «культурная самобытность всех народов и этносов», «этнокультурное и языковое многообразие» [16, с. 160], «общекультурная идентичность соотечественников за рубежом», «культура ответственного отношения граждан к своему здоровью» (пп. 2, 3 ст. 69, п. 3 ст. 68 Конституции РФ). Это весьма актуальная модификация предмета конституционного регулирования, поскольку, как справедливо отмечается в культурологической литературе, хотя национальная идентичность – это прежде всего осознанная лояльность государству, правовое и политическое единство, но, вместе с тем, культура, общекультурные ценности становятся «более глубинным, связующим звеном той или иной нации, указывая на схожесть жизни зачастую различных этнических и конфессиональных групп на ментальном, бытовом, церемониальном и других уровнях» [17, с. 233].

Идея исторического единства российского народаозвучны и такие новые конституционные нормы в РФ, как: «1) что РФ является преемником СССР на своей территории (п. 1 ст. 67¹ Конституции РФ в ред. 2020г.); нормы-новеллы о тысячелетней истории государственного единства России; об увековечении памяти защитников Отечества; о защите исторической правды; о воспитании детей в духе патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (пп. 2-4 ст. 67¹ Конституции РФ в ред. Закона 2020 г.). С темой единства связано и упоминание о боже. В этом отношении новизна конституционного регулирования в РФ (на основе Закона 2020г.) также соответствует национально-культурной традиции России, которая исторически связана с уважением веры, государственной поддержкой религиозных конфессий (за исключением советского периода Российской истории).

Идея единства российского народа в Законе РФ о поправке к Конституции, 2020г. присутствует и нормах о «социальном партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности» (ст. 75¹), «солидарности поколений» (п. 6 ст. 75). Признак единства как показатель национально-культурной идентичности усиливается и в новых формулировках о государственном языке. Так, согласно Закону о поправке Конституции: русский язык назван не только языком общенационального общения, но и языком «государствообразующего народа». В то же время, в поправках сказано о «многонациональном союзе равноправных народов Российской Федерации», сохраняется право республик «устанавливать свои государственные языки», что «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (пп. 1-3 ст. 68 Конституции в ред. Закона о поправке к Конституции РФ, 2020 г.).

В Законе РФ о поправке к Конституции РФ (2020 г.) можно найти и ответ на вопрос об особенностях российской национально-культурной идентичности и по критерию гендерной составляющей, отражено доминирующее в российском обществе представление, являющееся традиционным в России: в Законе РФ о поправке к Конституции дано определение понятия «брачка» «как союза мужчины и женщины» (п. ж. 1 ст. 72 в редакции Закона о поправке к Конституции, 2020 г.).

В научной литературе отмечается, что «решение одной из глобальных национальных идей России XXI в. – формирования единой российской нации как многонациональной общности людей, следует понимать, помимо восприятия ее в этническом смысле (как гарантии сохранения этнокультурного многообразия Российской Федерации), также и в общегражданском контексте» – на основе исследований института гражданства. С позиций такого методологического подхода заметим, что в научной теории и государственно-правовой практике в качестве инструментариев обеспечения (уважения) государственного суверенитета выступают такие меры, как: устоявшаяся и обеспеченная международными договорами и внутригосударственным законодательством практика установления ограничений двойного и более гражданств; как уже упоминалось – закрепляемые в законодательстве нормативные положения о принесении присяги верности национальному государству при вступлении в его гражданство (в законодательстве ряда стран).

В порядке общей оценки Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г. можно сделать вывод, что им осуществляется «расширенное закрепление норм и принципов, отражающих специфические признаки национальной (государственно-правовой) и национально-культурной идентичности многонационального народа Российской Федерации, сформулированных как нормы о его политическом, историческом, правовом и культурном единстве» [18, с. 122–130], что актуально с учетом вызовов и рисков усиливающейся международной глобализации, что, на наш взгляд, является отражением не только российской специфики, но, представляется, что эта новелла отражает общее для всех народов в период глобальных трансформаций, когда обостряются проблемы национальной идентичности, стремление к сохранению своей самобытности.

4. О конституционном регулирования принципа разграничении предметов ведения и полномочий в РФ (на основе Закона о поправке к Конституции 2020 г.)

В условиях демократической организации принцип единства системы публичной власти неразрывно связан с разграничением предметов ведения и полномочий. В этой связи в контексте темы настоящего исследования обратимся к блоку норм о федерализме, связанных с новыми положениями, введенными в текст Конституции РФ на основе Закона о поправке к Конституции РФ (от 14.03.2020г.), касающихся разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ.

Прежде всего отметим, что с принятием Закона о поправке сохранили свое действие в полном объеме положения многостороннего Федеративного договора от 31 марта 1992 г., ставшего основой Конституции РФ 1993 г.¹. Так, сохранены тексты всех 17 предметов исключительного ведения РФ, но в шесть из них введены формулировки, усиливающие, в частности, социальную ориентированность этих предметов ведения. Наряду с этим, в список предметов исключительного ведения включены новые направления, которых ранее не было в конституционном «списке». Это означает, что, принимая такие федеральные законы, Федерация берет на себя обязательства, связанные с обеспечением реализации этих законов из средств федерального бюджета. В то же время, важно отметить, что сохраняют действие и изначально закрепленные в Конституции 1993 г. предметы ведения, отнесенные к совместному ведению (совместному законотворчеству) РФ и субъектов РФ.

Дифференцированно по каждому из видов предметов ведения (исключительного федерального и совместного с субъектами РФ), предусмотренные Конституцией РФ предметы ведения и полномочия теоретически можно разделить на два блока: 1) остающиеся неизменными с 1993г. и 2) новые виды предметов ведения и полномочий, предусмотренные законами о поправках к Конституции 2014 и 2020 гг. В ряду остающихся неизменными (с 1993 г.) видов предметов ведения и полномочий Федерации, такие как: «регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; гражданство в Российской Федерации; регулирование и защита прав национальных меньшинств» (п. «в» ст. 71, Конституции РФ), «федеральная государственная собственность и управление ею» (п. «д» ст. 71 Конституции РФ), «установление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки» (п. «ж», ст. 71 Конституции), «федеральный бюджет; федеральные налоги и сборы; федеральные фонды регионального развития» (п. «з» ст. 71); «гражданское законодательство; процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности» (п. «о» ст. 71 Конституции РФ) и др.

¹ Исключение составляет лишь новелла в Конституции 1993 г, включенная Законом о поправке к Конституции 2014 г. согласно которой взамен перечня законодательства по каждому из процессов, посредством которых осуществляется правосудие в РФ, упоминается единая формулировка «процессуальное законодательство» как отрасль законодательства, относящаяся к исключительному ведению РФ. Очевидно, с этим связано принятие в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ.

Помимо неизменных в своих формулировках предметов ведения в тексте Конституции РФ сохраняются также предметы ведения и полномочия исключительного федерального ведения, сформулированные в ст. 71 Конституции РФ 1993г., предусмотренные еще в первой ее редакции (1993 г.). Однако Законом о поправке к Конституции 2020г. эти предметы федерального ведения дополнены новыми положениями, расширяющими сферу полномочий исключительного ведения федеральных органов государственной власти и ответственность органов государственной власти федерального уровня. Прежде всего к исключительному ведению РФ с 2020 г. относится: не только установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; не только формирование федеральных органов государственной власти; но и, кроме того, вся «организация публичной власти», т.е. организация всех трех территориальных уровней власти» в целом. (п. «г» ст. 71 Конституции РФ в ред. Закона о поправке к Конституции, от 14.03.2020 г.). В исключительном ведении Федерации, помимо изначально закрепленных в Конституции (с 1993г.) в связи с принятием Закона о поправке к Конституции 2020 г., предусмотрены предметы ведения и полномочия в сфере: установления основ федеральной политики и федеральных программ «в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации (п. «е») ст. 71 Конституции РФ в ред. 2020г.); «установление основ федеральной политики и федеральные программы в области... научно-технологического развития»; «установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования» (там же). В перечень предметов и полномочий исключительного ведения федеральных органов государственной власти, с принятием Закона о поправке к Конституции 2020г. включена такая, относящаяся к новому поколению «предметов ведения», актуальная в связи с вступлением цивилизационного развития мира в эпоху информационной и научно-технологической революций разновидность полномочий, как: по обеспечению «безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных;» (п. «м» ст. 71 Конституции РФ в ред. 2020 г.).

В завершение характеристики новелл конституционного регулирования предметов исключительного ведения РФ следует отметить изменения законодательных полномочий РФ по такому направлению регулирования как статус федеральной государственной службы: соответствующее направление федерального ведения дополнено указанием на исключительное право Федерации устанавливать ограничения «для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы» (п. «т» ст. 71 Конституции РФ в ред. Закона 2020 г.).

Меньшее число поправок (дополнений) внесено Законом о поправке в Конституцию (от 14.03.2020г.) в ст. 72 Конституции РФ, устанавливающую сферу совместного ведения РФ и субъектов РФ: дополнения касаются трех видов предметов ведения, причем они связаны с законотворчеством в сфере обеспечения социальных прав, прав в сфере здравоохранения, а также совместного ведения по вопросам молодежной политики – наиболее актуальных для государств современного мира категорий субъективных прав.

В частности, в Конституции РФ предусмотренные в ней еще в первоначальной ее редакции (1993 г.), виды предметов ведения, такие как: «природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности» (п. «д» ст. 72), «особо охраняемые природные территории»; охрана памятников истории и культуры» (там же), – в связи с принятием Закона о поправке к Конституции 2020 г. дополнены совместными полномочиями в сфере «сельского хозяйства» (там же). В связи с поправками к Конституции 2020 г. к совместному ведению РФ и субъектов РФ отнесены не только «е) общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта», но и вопросы «молодежной политики». Предметы совместного ведения и полномочия совместного ведения РФ и субъектов РФ, касающиеся «координации вопросов здравоохранения, социальной защиты, включая социальное обеспечение», дополнены полномочиями в сфере обеспечения оказания «доступной

и качественной медицинской помощи, сохранения и укрепления общественного здоровья, создания условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью» (пп. «е», «ж» ст 72 Конституции РФ).

В то же время неизменными, соотносимыми со сферой совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации с 1993 г. (т.е. со времени принятия Конституции) являются одиннадцать предметов ведения, в их ряду: «а) обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации и федеральным законам; б) защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон; в) вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; г) разграничение государственной собственности;... з) осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий; и) установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации; к) административное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды;...м) защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общин; н) установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления» (пп. «а», «б», «в», «г», «з», «и», «к», «м» ст. 72 Конституции РФ).

В завершение настоящего исследования предлагается следующее заключение. По нашему мнению, новеллы, внесенные в организацию власти в РФ на основе Закона о поправке к Конституции от 14.03.2020 г. через конструкцию «единая система публичной власти», через введение большого числа норм о признаках национально-культурной идентичности народов Российской Федерации и единстве многонационального и поликонфессионального мира России, об общей тысячелетней истории объединения народов России, о почитании памяти предков, о государственной защите культурной самобытности всех народов и этнических общинностей Российской Федерации, о государственных гарантиях сохранения этнокультурного и языкового многообразия, иные дополнения, введенные в конституционное регулирование в 2020 г. во многом связаны с федеративной темой, обеспечением единства федеративного государственного устройства России и обеспечением единства правового пространства. Полагаем, что конституционные новеллы 2020 г. создают правовую основу для расширения признаков популярной для современного сложносоставного государственного устройства кооперативной модели политico-территориальной организации, с некоторыми показателями интеграционной модели федеративного государства.

Список источников

1. Мельвиль А. Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Торкунов; МГИМО(У) МИД России. М.: Просвещение, 2004.
2. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.
3. Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Пространственно-правовая матрица современной России // Журнал российского права. 2020. № 5.
4. Панищев А. Л. Архетип государственности в природе человека и общества // Государство и право. 2021. № 1. С. 143–148.
5. Панищев А. Л. Будущее государства как формы и способа бытия человека: перспективы и противоречия // Государство и право. 2021. № 12.
6. Yoctan Vilchez Уменьшила ли глобализация мощь государства? // November, 30, 2016.

7. Овсепян Ж. И. Основные научные концепции суверенитета: классические учения и развитие современного правопонимания // Известия Национальной Академии науки Беларусь. Серия гуманитарных наук. 2016. № 4. С. 99–109.

8. Овсепян Ж. И. Суверенитет как естественное публичное право: о модификации представлений о природе и характере суверенитета, об этапах (поколениях) и направлениях его научных исследований // Журнал российского права. 2017. № 2. Февраль. С. 14–30.

9. Шестопалов А. А. О необходимости введения института присяги для гражданских служащих // <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-vvedeniya-instituta-prisyagi-dlya-gosudarstvennyh-grazhdanskikh-sluzhaschih>

10. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник 4-е. издание, перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010.

11. Борисенков А. А. Политическая власть – политическая субстанция // Социодинамика. 2013. № 6. С. 193 – 217. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.806 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=806

12. Калугина Н. В., магистрант. Научный руководитель: Паулов П. А., канд. юр. наук, доцент. К вопросу о соотношение понятий государственной и публичной власти // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. Vol. 5–1.

13. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М.: Изд-во БЕК, 1995. 496 с.

14. Кучеренко А. В. Государственная и публичная (политическая) власть: вопросы соотношения // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.s nauka.ru/2016/10/16718> (дата обращения: 02.06.2022).

15. Радугина О. А., Бойматов У. Ф. Проблематизация культурной идентичности в эпоху глобализации // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2018. №1. С. 53–61.

16. Овсепян Ж. И. О влиянии глобализации на предмет конституционно-правового регулирования в современном национальном государстве опыт Российской Федерации // Конституция и модернизация законодательства: материалы XV Международной школы-практикума молодых ученых юристов (Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / А. Я. Капустин, И. И. Кучеров, С. А. Синицын, А. И. Ковлер, Ю. Н. Кашеварова и др.; пред. ред. кол. Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020. 1076 с.

17. Куруленко Э. А, Нефёдова Д. Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующейся реальности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1.

18. Овсепян Ж. И. К обсуждению Законопроекта о поправке к Конституции Российской Федерации, инициированного Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 20 января 2020 года (Круглый стол в Южном федеральном университете) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 2. С. 122–130. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-2-18.

References

1. Melville A. Yu. The formation of a transnational political environment and the "waves" of democratization. *Modern international relations and world politics*: A textbook for universities. A.V. Torkunov (ed.); MGIMO(U) MFA of Russia. M.: Prosveshchenie, 2004.
2. Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*. 2018. № 9. (In Russ.)
3. Chernogor N. N., Yemelyanov A. S. Spatial and legal matrix of modern Russia. *Journal of Russian Law*. 2020;(5). (In Russ.)
4. Panishchev A. L. The archetype of statehood in the nature of man and society. *State and law*. 2021;(1):143–148. (In Russ.)
5. Panishchev A. L. The future of the state as a form and mode of human existence: prospects and contradictions. *State and law*. 2021;(12). (In Russ.)
6. Yoctan Vilchez. Has globalization reduced the power of the state? *November*, 30, 2016. (In Russ.)
7. Ovsepyan Zh. I. Basic scientific concepts of sovereignty: classical teachings and the development of modern legal understanding. *Proceedings of the National Academy of Science of Belarus. The Humanities series*. 2016;(4):99–109. (In Russ.)

8. Hovsepyan Zh. I. Sovereignty as a natural public law: on the modification of ideas about the nature and nature of sovereignty, about the stages (generations) and directions of its scientific research. *Journal of Russian Law*. 2017;(2). February. P. 14-30. (In Russ.)
9. Shestopalov A. A. On the need to introduce the institution of the oath for civil servants. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-vvedeniya-instituta-prisyagi-dlya-gosudarstvennyh-grazhdanskikh-sluzhaschih>
10. Morozova L. A. *Theory of state and law: textbook 4th. edition, reprint. and additional.* Moscow: Eksmo; 2010. (In Russ.)
11. Borisenkov A. A. Political power is a political substance. *Sociodynamics*. 2013;(6):193–217. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.806 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=806. (In Russ.)
12. Kalugina N. V., undergraduate student. Scientific supervisor: P. A. Paulov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. On the question of the relationship between the concepts of state and public authority. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2018;5-1. (In Russ.)
13. Tikhomirov Yu. A. *Public law*. Moscow: Publishing House of BECK: 1995. 496 p. (In Russ.)
14. Kucherenko A.V. State and public (political) power: issues of correlation. Humanitarian scientific research. 2016;(10). Available from: <https://human.snauka.ru/2016/10/16718> (Accessed 02 June 2022). (In Russ.)
15. Radugina O. A., Boimatov U. F. Problematization of cultural identity in the era of globalization. *Vestnik VSU. Series: Philosophy*. 2018;(1):53–61. (In Russ.)
16. Ovsepyan Zh. I. On the impact of globalization on the subject of constitutional and legal regulation in a modern national state, the experience of the Russian Federation. In: *Constitution and modernization of legislation: materials of the XV International School of Young Legal Scholars* (Moscow, May 27 – June 5, 2020) / A. Ya. Kapustin, I. I. Kucherov, S. A. Sinitsyn, A. I. Kovler, Yu.N. Kashevarova et al.; pre-ed. by Col. T. Ya. Khabrieva. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing house "Jurisprudence"; 2020. 1076 p. (In Russ.)
17. Kurulenok E. A., Nefedova D. N. National and cultural identity in a globalizing reality. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015;17(1). (In Russ.)
18. Ovsepyan Zh. I. To discuss the Draft Law on amendments to the Constitution of the Russian Federation, initiated by President of the Russian Federation V.V. Putin on January 20, 2020 (Round table at the Southern Federal University). *Bulletin of the Legal Faculty of Southern Federal University*. 2020;7(2):122–130. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-2-18. (In Russ.)

Информация об авторе

Ж. И. Овсепян – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, кафедра конституционализма юридического факультета Южного федерального университета.

Information about the author

Zh. I. Ovsepyan – Dr. Sci. (Jurid.), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Department of Constitutionalism of the Faculty of Law, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принятая к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Особенности возникновения и развития отечественного конституционализма: к 30-летию Конституции Российской Федерации

Святослав Петрович Федоренко¹, Руслан Григорьевич Непранов²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, fsp018@yandex.ru

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, donvine@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические особенности возникновения и развития отечественного конституционализма. Анализируются исторические события и факты, в которых конституционализм проявлялся наиболее отчетливо. Указываются причины, обусловившие тот факт, что в монархический период Конституция России так принята и не была. Объясняются причины произошедших событий. Рассматривается, что опубликованная конституция впервые была принята в республиканский период, несмотря на то, что в монархический период выдающиеся государственные деятели посвятили огромное количество времени и сил разработке конституционных проектов и даже предпринимались попытки сформировать правовое пространство для последующего принятия конституции. Делается вывод о том, что конституционализм имманентен самой государственной власти даже при фактическом отсутствии опубликованной конституции.

Ключевые слова: история российского конституционализма, особенности принятия российской Конституции, проекты российских конституций, самобытные условия формирования российского конституционализма

Для цитирования: Федоренко С. П., Непранов Р. Г. Особенности возникновения и развития отечественного конституционализма: к 30-летию Конституции Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 102–108. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-102-108>. EDN EXXHIC

Problems of Constitutional Law

Original article

Features of the emergence and development of domestic constitutionalism: on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation

Svyatoslav P. Fedorenko¹, Ruslan G. Nepranov²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, fsp018@yandex.ru

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, donvine@mail.ru

Abstract. The article examines the historical features of the emergence and development of domestic constitutionalism. The historical events and facts in which constitutionalism manifested itself most clearly are analyzed. The reasons for the fact that the Russian Constitution was not adopted in the monarchical period are indicated. The reasons for the events are explained. It is considered that the published constitution was first adopted during the republican period, despite the fact that during the monarchical period, prominent statesmen devoted a huge amount of time and effort to developing constitutional projects and even

attempts were made to form a legal space for the subsequent adoption of the constitution. It is concluded that constitutionalism is immanent to the state power itself, even in the actual absence of a published constitution.

Keywords: history of Russian constitutionalism, peculiarities of the adoption of the Russian Constitution, drafts of Russian constitutions, original conditions for the formation of Russian constitutionalism

For citation: Fedorenko S. P., Nepranov R. G. Features of the emergence and development of domestic constitutionalism: on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):102–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-102-108>. EDN EXXHИK

Конституционализм как правовое явление в современных условиях выступает базовой парадигмой. Практически во всех странах мира этот концепт стал господствующим. В учениях о праве и государстве и в политико-правовой практике, разумеется, так было не всегда. Несмотря на то, что сегодня конституционализм является общепризнанной основой формирования всей мировой правовой системы, он прошел долгий исторический путь развития. В каждом государстве этот путь обладает своей уникальностью, своими особенностями. Отечественный конституционализм не является исключением. Сегодня конституционное право выступает ведущей отраслью права. Эта хрестоматийная истина закладывается с азов изучения юриспруденции и красной нитью проходит через всю совокупность знаний о праве.

История российского права прошла свой собственный уникальный путь развития. Оно зарождается вместе с государственностью в 862 году, когда, согласно официальной российской историографии, Рюрик становится князем [1, с. 77]. Здесь берет свое начало более чем тысячелетний период развития Российского государства и права. В нем выделяются две парадигмы: первая – монархическая (862–1917 годы), состоящая из 3 структурных элементов (княжество, царство, империя), и вторая – республиканская, состоящая также из трех элементов (буржуазно-демократическая республика, советская социалистическая республика и современная либерально-демократическая республика).

Отечественный конституционализм как явление, концепция, учение, феномен принял позитивную форму в виде Конституции только лишь в 1918 году, когда Россия носила наименование – РСФСР. Этот юридический факт возникает уже в республиканский период. Однако мы считаем, что субстанционально сам конституционализм как принцип является частьюialectического развития права в любом отдельно взятом государстве. Дело в том, что даже в режиме абсолютной монархии, к которой приходит Россия в правление Петра I (пройдя раннефеодальный период и период сословно-представительной монархии), в чистом виде назвать власть императора «абсолютной», понимая ее как «безграничную», не обоснованно. Абсолютный монарх, как глава государства, не может находиться в социальном вакууме, поэтому на него оказывает влияние целый ряд факторов в режиме социализации. Сюда следует добавить факторы объективного характера, которые в любом случае влияют на закрепление политических решений в положительном праве.

Как указывает исследователь А. Н. Пугачев: «Конституция в ее современном понимании существует немногим более 200 лет, в то время как сам термин активно используется более двух тысячелетий, однако в самых разных значениях» [2, с. 134]. За это время понятие «конституционализм» в своей когнитивной эволюции, отталкиваясь от нормативных актов римских императоров, через учения французских, голландских и английских просветителей, получает свой современный смысл и свою современную сущность. Они формируются в контексте принципа ограничения государственной власти.

Этот принцип, в тех или иных формах, влиял на монарха-законодателя. Известны слова князя-воина Святослава: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра» [3, с. 112]. Уже здесь виден принцип ограничивающего воздействия дружины – военно-политической группы, на главу государства. Например, оно отразилось на его решении не принимать Православие, когда в диспуте со своей матерью княгиней Ольгой князь Святослав пояснял, что дружина отнесется к факту принятия новой религии негативно. Можно привести яркий исторический

пример, когда такое воздействие, в частности, вылилось в конкретный нормативный правовой акт. В 1215 году бароны подняли восстание и вынудили Иоанна Безземельного принять Великую хартию вольностей, которую англичане считают отправной точкой формирования британского конституционализма [4, с. 30]. Однако, как мы понимаем, в нашем случае уровня политической и правовой культуры представителей власти молодого Русского государства было недостаточно для того, чтобы оформлять отношения между князем и дружиной каким-либо нормативным правовым актом. Более того, сыграл свою роль фактор самобытности российской государственности. Она характеризуется патриархальностью. Этот режим понимания общественных отношений не предполагает заключения юридических договоров между членами семьи. Духовно-нравственные ценности того времени во главу ставили честь и верность.

В дальнейшем отношения главы государства с другими субъектами политico-правовых процессов строились достаточно непросто. Можно только вспомнить роль Андрея Боголюбского [5, с. 63]. В таких условиях говорить об отсутствии факторов, ограничивающих монархическую власть, не приходится. Эти факторы, так или иначе, проявляют себя и в дальнейшем. Такие выдающиеся правители, как Иван III Великий и Иван IV Грозный, несмотря на мощнейшие импульсы, генерируемые ими в целях формирования вертикали власти, также не могли их игнорировать.

Принципы ограничения верховой государственной власти мы можем увидеть и в со словно-представительной монархии. Как подчеркивает профессор Н. П. Карпиченко, классическим нормативным правовым актом и законом, определившим ход развития отечественной правовой системы на столетия, является Соборное уложение 1649 года [6, с. 157]. Преамбула данного памятника права содержит более 10 источников, на которое ссылается царь Алексей Михайлович при его принятии. Это означает, что в своеобразном виде действовал принцип конституционализма – ограничения царской власти от произвола. Органы Земского Собора можно представить как некий институт конституционализма. В том числе и потому, что они выполняли представительные и учредительные функции. Между тем историческая диалектика распорядилась таким образом, что сам закон стал ключевым этапом к созданию абсолютной монархии. Это выражалось в методах и формах руководства государством в период правления Петра I и закреплении их в праве. В качестве примера можно привести толк к артикулу 20 Артикула воинского 1715 года: «Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять» [7]. В Духовном регламенте 1721 г. было записано: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его верховной власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает» [7]. В период правления Петра I государственная власть носила ярко выраженный абсолютистский характер. Все государственные решения, принятие законов, назначение на должности производилось только исходя из воли Царя (с 1721 года Императора), но, тем не менее, тот бюрократический аппарат, который он сам и создал, оказывал на него ограничительное воздействие.

После смерти Петра Великого Верховный тайный совет пытается формировать правовую базу конституционализма. То есть возникает тенденция создания правовых ограничений верховой государственной власти. «Учрежденный указом 8 февраля 1726 г. Верховный тайный совет, в соответствии с регламентом, осуществлял надзор над Сенатом и коллегиями. Регламент постановлял никаким указам не выходить, пока они в Тайном совете “совершенно не состоятся”, не будут запротоколированы и императрице для “апробации” прочтены» [8, с. 251].

Первая попытка, когда дворяне предпринимают конкретные меры по ограничению самодержавия и пытаются закрепить их нормативным актом, происходит в 1730 году. По инициативе князя Д.М. Голицына членами Верховного тайного совета было решено пригласить на императорский престол Анну Иоанновну. Это делалось ими в первую очередь для обеспечения собственных интересов, но Кондиции носили выраженный конституционный характер, так как Императрица брала на себя обязательства: «По приятии короны российской,

в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника, ни при себе, ни по себе никого не определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит; того ради мы ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного Верховного тайного совета согласия: 1) Ни с кем войны не вчинять. 2) Миру не заключать. 3) Верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать. 4) В знатные чины, как в статцкие, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета. 5) У шляхетства живота и имения и чести без суда не отымать. 6) Вотчины и деревни не жаловать. 7) В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного Тайного совета не производить. 8) Государственные доходы в расход не употреблять – и всех верных своих поданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской» [9, с. 156].

25 февраля 1730 года Анна Ивановна публично разорвала эти Кондиции, и с 1 марта все дворянство присягнуло Императрице как самодержавной правительнице. Так конституционная монархия просуществовала в российской истории десять дней. В настоящее время разорванные пополам Кондиции хранятся в Российском государственном архиве древних актов.

Второй этап создания российского конституционализма приходится на вторую половину XVIII века, когда зарождается концепция «истинной монархии» и распространяются учения просветителей о естественном праве и договорном происхождении государства.

Как отмечает профессор В.Н. Панов: «В середине – второй половине XVIII века стремление к ограничению абсолютной власти монарха путем правовых норм и утверждением разумных и справедливых оснований государственного устройства нашло отражение в проектах П.И. Шувалова (1754 г.), Н.И. Панина (1762–1763 гг.), М.М. Щербатова и др. В 1754 г. П.И. Шувалов предложил проекты составления нового Уложения. Особое место занимает проект П.И. Шувалова «О разных государственной пользы способах», иногда называемый проектом «О сохранении народа». Основной идеей этого проекта стало ограничение монархии правовыми нормами, утверждение разумных и справедливых оснований государственного устройства и системы законодательства. В середине XVIII века была предпринята попытка создания свода законов в рамках деятельности Учрежденной комиссии 1754–1766 гг.» [10].

Дальнейшие попытки конституционных образований относятся к проекту реформ Н.И. Панина, которые поручила ему императрица Екатерина II Великая. Граф Панин отталкивался от варианта Шведского государственного совета, где государственная власть делилась между монархом и избираемыми членами этого органа. Но императрица, несмотря на то, что разделяла идеи просветителей Европы и себя считала просвещенным монархом, этот проект внедрить не решилась [11, с. 105]. Тем не менее она заложила последующую основу для возможного развития отечественного конституционализма при формировании системы воспитания и образования будущего императора Александра I. Придя к власти, он наметил грандиозные государственные реформы, в ходе которых планировались и принятие конституции, и отмена крепостного права. Поэтому широкие полномочия были предоставлены Михаилу Михайловичу Сперанскому. Однако в силу французских событий, как внутренних – Великая Французская Буржуазная Революция, которая повлекла за собой казнь французского короля Людовика XVI и массовое истребление дворянства, так и внешних – нападение Наполеона Бонапарта на Россию, все французское было поставлено в разряд антироссийского. И в силу ряда других причин Александр I не смог ни отменить крепостное право, ни принять конституцию.

Восстание на Сенатской площади в 1825 году сопровождалась лозунгами «За Константина и конституцию!». И несмотря на то, что не все, выкрикивающие их, понимали, о чем идет речь, в социально-политической среде столицы обсуждение конституционализма было одной из наиболее актуальных тем. Николай I, придя к власти, не стал глубоко вдаваться в юридические подробности, а сконцентрировался на техническом оснащении и экономическом развитии страны.

Напротив, его приемник Александр II, вошедший в историю России как Освободитель, хотел не только отменить крепостное право, но и принять конституцию. То есть прийти к тому, о чем задумывался еще Александр I. Более того, проект конституции был уже разработан министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым. И император был намерен его подписать, но в силу трагических событий, повлекших смерть Императора-Освободителя от рук террористов в 1881 году, это мероприятие так и не состоялось. Хотя на тот момент Россия, как никогда в истории, была близка к получению писаной конституции.

Александр III, придя к власти, начал контрреформы, заменяя нарождавшийся либерализм системой административного управления. Что интересно, этот метод дал свой положительный результат в экономике. Данный факт противоречит современной либеральной концепции о свободе труда, капитала и так далее, но к концу XIX века Россия начала превращаться в мощное индустриальное государство. Она была способна реализовывать самые смелые экономические проекты того времени: по строительству сети железных дорог, электрификации страны, созданию нефтеперерабатывающих заводов и так далее. Две основные характеристики, которые свидетельствуют о мощи России того времени, – это наличие в рейтинге мировых банков из 20 самых крупных 5 российских и большое количество инженеров очень высокой квалификации. Эти и другие обстоятельства позволили совершить экономический бум, в ходе которого Российская империя в начале XIX века вошла в тройку самых динамично развивающихся экономик мира наряду с США и Германией.

Однако эти события имели и существенный побочный эффект в виде революционной реакции на эксплуатацию труда. Несмотря на то, что Николай II принимал все необходимые меры, в том числе и правовые, на революционное движение внутри России насытились события Первой мировой войны. Это в совокупности уничтожило российскую государственность в имперской парадигме.

Николаем II был сделан существенный шаг в сторону создания конституции, он, по сути, заложил основы конституционного строя, издав Высочайший Манифест 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка». Этот акт носит учредительный характер, так как впервые появляется законодательный орган, избираемый народом, – Государственная Дума, и даруются права и свободы человека и гражданина как основополагающий институт любого современного конституционализма.

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 года огромными темпами велась юридическая работа по разработке проекта советской Конституции. И впервые в истории России появился опубликованный Основной Закон, обладающий высшей юридической силой, – Конституция РСФСР.

То, что монархическая власть России не смогла сделать на протяжении 187 лет (если считать от Кондидий до падения дома Романовых), большевики сделали всего за 9 месяцев.

В связи с трагическими событиями, произошедшими в доме Ипатьевых в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, царская семья так никогда и не узнала, что 19 июля 1918 года была принята первая российская Конституция.

С появлением СССР принимаются конституции в 1924, 1936, 1977 годах, а в РСФСР, хоть и государствообразующей республике, но тем не менее входящей в состав Союза, Конституции принимались, соответственно, в 1925, 1937 и 1978 годах.

12 декабря 2023 года мы отмечаем тридцатилетие новой эры отечественного конституционализма. Действующая Конституция закрепила права и свободы человека и гражданина в качестве высшей ценности и открывает широкий простор для возможностей юридического обеспечения данного принципа.

Таким образом, подведя итог проведенному анализу, необходимо отметить, что конституционализм в отечественной правовой системе прошел свой самобытный путь развития. Мы полагаем, что сам принцип конституционализма имманентен государственной власти, которая даже в форме абсолютной монархии не может пониматься в качестве гегелевского Абсолюта. Сам Петр I Великий, неуклонно транслировавший свою волю на все происходящие

процессы в государстве и обществе, не находился в социально-политическом вакууме. Он претерпевал, как и любой глава государства, влияние и воздействие, носившие ограничительный характер. Сам конституционализм как явление, понимаемое в широком смысле, начал зарождаться после появления Кондидий в 1730 году. Несмотря на то, что последующие российские монархи отчетливо осознавали необходимость конституции, исторические условия складывались таким образом, что она смогла возникнуть в виде опубликованного правового акта только лишь в республиканский период.

Современная Конституция Российской Федерации является эталонной по возможностям реализации принципа правового, социального, демократического государства и обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Поэтому следует использовать все имеющиеся юридические средства и механизмы для воплощения этих принципов в жизнь.

Список источников

1. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. СПб.: Тип. Н. Греча, 1816–1829.
2. Пугачев А. Н. Значение термина «конституция» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2011. № 14. С. 134–137.
3. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призыва варягов до выбора веры: монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Форум», 2014.
4. Кондракова Н. Н. Великая хартия вольностей – основополагающий конституционный акт Англии // Право и общество. 2012. № 4 (4). С. 30–31.
5. Гиппиус А. А., Михеев С. М. «Убийцы великого князя Андрея»: надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского. Slovène. 2020. Т. 9. № 2. С. 63–102.
6. Карпиченко Н. П. Соборное Уложение 1649 года // Право и образование. 2019. № 8. С. 152–158.
7. Хрестоматия по истории государства и права СССР (Дооктябрьский период) / Под ред. Ю.П. Титова. – М.: Юрид. лит., 1990. 480 с.
8. Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. V. М.: Мысль, 1989.
9. Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. IV. М.: Мысль, 1989.
10. Панов В. Н. Российский абсолютизм XVIII века и альтернативные проекты политического развития // Приоритетные направления развития науки и образования. 2016. № 1 (8). С. 42–48.
11. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
12. Карпенко О. А., Калашникова Е. Б. Прогрессивные и актуальные в настоящем идеи М. М. Сперанского по проведению реформ системы государственно-правового устройства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 9-2 (48). С. 161–164.

References

1. Karamzin N. M. *The history of the Russian state*: in 12 volumes. St. Petersburg: Type. N. Grecha, 1816–1829. (In Russ.)
2. Pugachev A. N. The meaning of the term «constitution». *Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences*. 2011;(14):134–137. (In Russ.)
3. Petrukhin V. Ya. *Rus in the IX–X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith*. Monograph. (2nd edition, revised and expanded). Forum Publishing House. Moscow, 2014. (In Russ.)
4. Kondrakova N. N. Magna Carta – the fundamental constitutional act of England. *Law and Society*. 2012;4(4):30–31. (In Russ.)
5. Gippius A. A., Mikheev S. M. «Assassins of Grand Duke Andrew»: an inscription about the murder of Andrei Bogolyubsky from Pereslavl-Zalessky. *Slovène*. 2020;9(2):63–102. (In Russ.)
6. Karpichenko N. P. The Cathedral Code of 1649. *Law and education*. 2019;(8):152–158. (In Russ.)
7. *Anthology on the history of state and law of the USSR (Pre-October period)*. Yu.P. Titov (ed.). Moscow: Legal Literature; 1990. 480 p. (In Russ.)

8. Klyuchevsky V. O. *Works in 9 volumes*. Vol. V. Moscow: Mysl; 1989. (In Russ.)
9. Klyuchevsky V. O. *Works in 9 volumes*. Vol. IV. Moscow: Mysl; 1989. (In Russ.)
10. Panov V. N. Russian absolutism of the XVIII century and alternative projects of political development. *Priority areas for the development of science and education*. 2016;1(8):42–48. (In Russ.)
11. Medushevsky A. N. Constitutional projects in Russia of the XVIII – early XX century. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2010. (In Russ.)
12. Karpenko O. A., Kalashnikova E. B. M.M. Speransky's progressive and current ideas on carrying out reforms of the system of state and legal structure. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;9-2(48):161–164. (In Russ.)

Информация об авторах

С. П. Федоренко – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХ и ГС; доцент кафедры теории государства и права РЮИ МВД России.

Р. Г. Непранов – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Information about the authors

S. P. Fedorenko – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA; Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

R. G. Nepranov – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov State University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принятая к публикации 06.12.2023.

The article was submitted 25.11.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 06.12.2023.

Формирование федеративных отношений в Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития

Казбан Саматовна Иналкаева

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия, uschspu@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ этапов совершенствования федеративных отношений в Российской Федерации. Автор констатирует, что совершенствование федеративных отношений способствует решению многих вопросов, касающихся российского общества. Отмечается, что федеральная власть и власть субъектов Федерации пришли к компромиссу в интересующем их вопросе, что нашло отражение в формировании Совета Федерации – верхней палаты парламента страны, проанализированы ее реформы. Предлагается передать Совету Федерации вопрос представления региональному парламенту кандидатов на должность главы региона, так как в Российской Федерации, характеризуемой высокой степенью централизации системы государственного управления и существенным объемом полномочий, принадлежащих федеральному центру в отношениях с регионами, именно решение данного вопроса было бы наиболее актуальным как органа народного представительства в высшем эшелоне власти. Делается вывод, что создание федеральных округов и назначение полномочных представителей Президента укрепили вертикаль власти. Автор отмечает, что самое главное направление федеративной реформы – это восстановление внутреннего государственного суверенитета России и верховенства федеральной власти.

Ключевые слова: вертикаль власти, государственный суверенитет, парламент, полномочные представители, разделение властей, российское общество, Совет Федерации, субъект, федеральная власть, федеральные округа

Для цитирования: Иналкаева К. С. Формирование федеративных отношений в Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 109–113. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-109-113>. EDN JWDRPC

Problems of Constitutional Law

Original article

Formation of federal relations in the Russian Federation: experience, problems, development prospects

Kazban S. Inalkaeva

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, uschspu@mail.ru

Abstract. The article analyzes the stages of improving federal relations in the Russian Federation. The author states that the improvement of federal relations contributes to the solution of many issues concerning Russian society. It is noted that the federal government and the authorities of the subjects came to a compromise on the issue of interest to them, which was reflected in the formation of the Federation Council – the upper house of the country's parliament, its reforms were analyzed. It is proposed to transfer to the Federation Council the issue of submitting candidates to the regional parliament for the post of head of the region, since in the Russian Federation, characterized by a high degree of centralization of the public administration system and a significant amount of powers belonging to the federal center in relations with the regions, it is the solution of this issue that would be most relevant, as a body of people's representation

in the highest echelon of power. It is concluded that the creation of federal districts and the appointment of presidential plenipotentiaries strengthened the vertical of power. The author notes that the most important direction of the federal reform is the restoration of the internal state sovereignty of Russia and the supremacy of federal power.

Keywords: parliament, Federation Council, subject, separation of powers, authorized representatives, vertical of power, federal districts, Russian society, state sovereignty, federal power

For citation: Inalkaeva K. S. Formation of federal relations in the Russian Federation: experience, problems, development prospects. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):109–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-109-113>. EDN JWDRPC

Вследствие преобразований 1992-1993 года в России впервые официально оформилась федеративная модель организации государственного устройства, возникшая вынужденно из-за распада СССР, т.е. вследствие демонтирования советской системы. Федеральная власть и власть субъектов пришли к компромиссу в интересующем их вопросе, что нашло отражение в формировании Совета Федерации, верхней палаты парламента. В его состав на равных правах вошли по два представителя субъекта, один от представительного органа государственной власти, другой от исполнительного органа. Ими являлись главы регионов, это было характерно только для Российской Федерации как федеративного государства. Здесь необходимо отметить, что власть в регионах закрепилась в руках их руководителей. Снизилась эффективность государственного управления, распространилась коррупция, появились конфликты между институтами власти. В регионах сложились авторитарные законы, это привело к низкой заинтересованности народа в реализации своих законных прав. Казалось, что Российская Федерация в скором времени перестанет существовать в качестве единого государства. Конституция не содержала в себе положения о формировании органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а в ней определялось лишь то, что в регионах система органов государственной власти учреждается самостоятельно, но в соответствии с федеральным законодательством. Федеральная власть не только не могла воздействовать на власть субъектов, но и не могла принимать законы, которые такое воздействие оказывали бы. Но однако же, как подчеркивает М.М. Афанасьев, в постреформенный период началась сильная критика Совета Федерации, который назывался декоративным политическим институтом [1].

В 1995–1997 гг. проведены выборы глав исполнительных органов, эти выборы привели к формированию авторитарных региональных режимов. Н.И. Грачев отмечал, что в сложившихся условиях принцип разделения властей, как по вертикали, так и по горизонтали, оказался невозможен. К концу 1990-х гг. Россия имела «рыхлое государственное устройство» [2].

Выстраивание новой вертикали власти, стало первоочередным делом нового Президента РФ В.В. Путина. 13 мая 2000 г. Президент издал указ, в котором создавались семь федеральных округов, включавших от 12 до 15 субъектов. В этих округах были назначены его полномочные представители. Задачи полномочных представителей – это контроль соблюдения и исполнения федеральных законов, осуществляемый окружными инспекциями главного контрольного управления Президента РФ; предоставление докладов Президенту о состоянии национальной безопасности; координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и т.д.

Полномочные представители получили право контролировать деятельность образованных в округах подразделений генеральной прокуратуры, ФСБ, МВД, министерств юстиций, Федеральной налоговой службы и Федеральной пограничной службы. Полномочные представители также выполняют ряд политических задач, таких как, поиск и устранение противоречий региональных законов федеральным законам; восстановление власти «силовых» ведомств и т.д. Следующим указом было закреплено создание советов (совещательные органы) при полномочных представителях в округах. В скором времени Президент своим указом закрепил за полномочными представителями возможность представления кандидатур на должность глав субъектов Российской Федерации через руководителей администраций.

Как отмечает Н.И. Грачев, эти меры помогли снизить прямое действие региональных руководителей на федеральную власть. Вся политическая власть сконцентрировалась в центре [2]. Деятельность полномочных представителей ограничивала полномочия региональных органов.

Для смягчения потери власти руководителями регионов создали Государственный Совет (носит консультативный характер). В него входили главы исполнительной власти регионов. Здесь необходимо отметить, что государственные советы, как совещательные органы имели мировой опыт (Европа, США) [3].

Следующим нововведением стало, отмена прямых выборов руководителей высших органов исполнительной власти. Внесенное изменение в федеральное законодательство закрепляло назначение руководителей высших органов исполнительной власти субъектов согласованно с региональным парламентом, отменяя проведение прямых выборов¹. Несмотря на то, что кандидатура назначается согласованно, в действительности при тройном отказе регионального парламента в принятии кандидатуры, Президент назначает временного исполняющего, и в то же время может распустить региональный законодательный орган, т.е. полномочия перераспределены в пользу федерального центра.

В мае 2012 г. Россия вернулась к прямым выборам высшего должностного лица субъекта РФ. В 2013 г. в федеральное законодательство внесены изменения, предусматривающие два варианта выборов глав региона, первый вариант дает регионам право проводить прямые выборы главы региона; второй вариант – заменить прямые выборы глав регионов голосованием в местном парламенте по нескольким кандидатурам.

Что касается реформирования Совета Федерации, то по новому порядку формирования на место в Совете Федерации в качестве представителей региона мог избираться любой гражданин, достигший 30 лет, которого утвердили органы государственной власти субъекта сроком на 4 года. Согласно следующим изменениям, представитель в Совет Федерации от исполнительного органа государственной власти субъекта РФ назначался высшим должностным лицом субъекта РФ на срок его полномочий.

В соответствии с внесенными изменениями в федеральное законодательство в январе 2011 г., членами Совета Федерации могли быть лишь кандидаты, избранные в региональные представительные органы государственной власти и местного самоуправления.

В 2014 г. в верхнюю палату вводятся еще и представители Российской Федерации (10%) назначаемые Президентом. В соответствие с внесенными изменениями от 1 июля 2020 г. члены Совета Федерации, представители регионов и Российской Федерации стали называться сенаторами Российской Федерации².

В статье 102 Конституции кроме, как утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации, нет полномочий касающихся отношений федерального центра и ее субъектов. Однако Конституция наделяет правом региональный парламент участвовать в законодательном процессе на федеральном уровне как через представителей в Совете Федерации, так и путем использования права законодательной инициативы (статья 104), а также одобрения поправок к Конституции (статьи 134, 136).

Касательно последнего Л.Э. Гумашвили отмечал, «..на деле Россия соответствует только одному признаку федерации, это ратификация конституционных поправок субъектами!» [4].

¹ Федеральный закон от 11.12.2004 № 159-Ф «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 11.12.2004 № 159-Ф // СПС КонсультантПлюс (утратил силу).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) //СПС Консультант Плюс.

Н.А. Филиппова отмечает, что стратегической целью реформы Совета Федерации должно быть расширение перечня его полномочий [5]. Стоит с ней согласиться на счет передачи Совету Федерации вопроса представления региональному парламенту кандидатов на должность главы субъектов РФ. В Российской Федерации, характеризуемой высокой степенью централизации системы государственного управления и существенным объемом полномочий, принадлежащих федеральному центру в отношениях с регионами, именно решение данного вопроса было бы наиболее актуальным, как органа народного представительства в высшем эшелоне власти [6].

Стоит согласится и с Р.М. Дзидзоевым, что определение «представительный» к Федеральному Собранию в целом не подходит, так что виды публичного представительства формально остаются не структурированными. Этим отличается Конституция Российской Федерации от конституций большинства федеративных государств, где говорится о представительстве субъектов Федерации в соответствующих палатах, или же об их участии в делах федеративного государства посредством представительного органа [7].

Необходимо отметить, что федеративная реформа Президента остановила процесс разложения суверенитета. Получилось, что самое главное направление федеративной реформы – это восстановление внутреннего государственного суверенитета России и верховенства федеральной власти и т.д.

Все эти шаги положили начало созданию нового централизованного типа государственного устройства, с сохранением элементов федерализма, но с устойчивой тенденцией к унитарной модели. Реформирование федеративных отношений восстановило вертикаль власти, реставрировала принцип единства системы государственной власти. Создание упомянутого нами института федерального вмешательства, привело к установлению контроля за субъектами Федерации, предотвращению возникновения конфликтов, которые могут привести к неразрешимым конфликтам.

Список источников

1. Афанасьев М. М. Невыносимая слабость государства. М.: РОССПЭН, 2006.
2. Грачев Н. И. ТERRITORIALНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВУЗОВ. Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 483 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-11801-8. – Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <http://www.biblio-online.ru/bcode/456811>
3. Иналкаева К. С. Концептуальные начала становления парламентаризма как политico-правового явления // Economics. Law. State. 2018. № 1. С. 61–67.
4. Гумашвили Л. Э. Конституционно-правовое понятие и содержание взаимоотношений федерального центра и субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11.
5. Филиппова Н. А. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: стратегия реформы и ее правовое обеспечение // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. 2012. № 12. С. 420–435.
6. Панов А. А. Участие субъектов Российской Федерации в принятии решений на федеральном уровне // Lex russica (Русский закон). 2017;(1):78-93. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.078-093>.
7. Дзидзоев Р. М. Вопросы федеративного устройства в обновленной Конституции России // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 29–41.

References

1. Afanasyev M. M. *Unbearable weakness of the state*. Moscow: ROSSPEN; 2006. (In Russ.)
2. Grachev N. I. *Territorial organization of public power: textbook for universities*. Moscow: Yurayt Publishing House; 2020. 483 p. Available from: <http://www.biblio-online.ru/bcode/456811>. (In Russ.)
3. Inalkaeva K. S. Conceptual beginnings of the formation of parliamentarism as a political and legal phenomenon. *Economics. Law. State*. 2018;(1):61–67. (In Russ.)

4. Gumashvili L. E. Constitutional and legal concept and content of relations between the federal center and the subjects of the Russian Federation. *Constitutional and municipal law*. 2010;(11). (In Russ.)
5. Filippova N. A. Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: the strategy of reform and its legal support. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2012;(12):420–435. (In Russ.)
6. Panov A. A. Participation of the subjects of the Russian Federation in decision-making at the federal level. *Lex russica (Russian Law)*. 2017;(1):78-93. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.078-093>. (In Russ.)
7. Dzidzoev R. M. Questions of the federal structure in the updated Constitution of Russia. *Legal studies*. 2020;(7):29–41.

Информация об авторе

К. С. Иналкаева – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой права ЧГПУ.

Information about the author

K. S. Inalkaeva – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor, Head of the Department of Law of Chechen State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.11.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принятая к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 11.11.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 114–122

North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(4):114–122

Проблемы гражданского и трудового права

Научная статья

УДК 349.3

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-114-122>

EDN GUWVUB

Ребёнок – особый субъект права в сфере здравоохранения РФ

Елена Николаевна Богданова

Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия, lena_bogd@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается, что характерной чертой правового статуса ребенка как субъекта правоотношений в сфере здравоохранения, является их уязвимость, так как с одной стороны в сфере здравоохранения они обладают всеми правами и свободами наравне со взрослым населением, но с другой стороны, практически не могут их реализовать в полной мере, в силу полной зависимости от воли родителей, опекунов, попечителей и иных законных представителей. Автор приходит к выводу о том, что ребёнок – это особый субъект права и участник правоотношений в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: государство, жизнь, законодательство, здоровье, здравоохранение, медицинская помощь, право, правосубъектность, ребёнок

Для цитирования: Богданова Е. Н. Ребёнок – особый субъект права в сфере здравоохранения РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 114–122. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-114-122>. EDN GUWVUB

Problems of Civil and Labor law

Original article

A child is a special subject of law in the healthcare sector of the Russian Federation

Elena N. Bogdanova

Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia, lena_bogd@mail.ru

Abstract. This article notes that a characteristic feature of the legal status of a child as a subject of legal relations in the field of health care is their vulnerability, since on the one hand in the field of health care they have all the rights and freedoms on an equal basis with the adult population, but on the other hand, they practically cannot realize in full, due to complete dependence on the will of parents, guardians, trustees and other legal representatives. The author comes to the conclusion that a child is a special subject of law and a participant in legal relations in the field of healthcare.

Keywords: child, healthcare, life, health, law, state, legal personality, medical care, legislation

For citation: Bogdanova E. N. A child is a special subject of law in the healthcare sector of the Russian Federation. North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(4):114–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-114-122>. EDN GUWVUB

Н. Н. Алексеев с юридической точки зрения определял право как систему норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся общеобязательным, нормативно-государственным критерием правомерно дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения [1, с. 216]. А. Р. Иеринг писал в своей книге «Цель в праве», что «ходячее» определение права гласит: право есть совокупность действующих в государстве принудительных норм (государство есть единственный источник права) [2, с. 556]. В свою очередь, Л.И. Петражицкий, рассматривая понятие права, с психологической точки зрения

определяет его как «не государственные нормы, не фактические правовые отношения, не нравственная идея, а явление индивидуальной психики – особые эмоции, обладающие специфическими признаками» [3, с. 345]. Однако С.А. Муромцев определяя право с социологической точки зрения, утверждал, что право следует рассматривать как совокупность не норм, а юридических отношений [4]. Таким образом, анализируя дефиниции «право» можно выделить несколько подходов в его понимании: нормативный, психологический и социологический. В рамках данного исследования за основу взято определение «право», данное Н.Н. Алексеевым.

В современной юридической науке также существует несколько подходов к определению понятия «субъект права». С позиции естественного права (А.В. Захарова, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич и т.д.) субъект права определяется как любое физическое лицо, наделённое правосубъектностью. Е.Н. Трубецкой писал, что «субъектом права является всякий, кто способен иметь права, невзирая на то, пользуется он ими или нет. Правосубъектность распространяется даже на зародыш человека и на умерших лиц, так как закон признает и защищает жизнь и правильное развитие плода, и интересы умерших людей» [5, с. 182]. В этой связи заслуживает внимания точка зрения С.И. Архипова: «не субъект существует для права, а право существует для субъекта и определяется им» [6, с. 55]. В позитивном праве (О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, Л.Б. Зуев, А.А. Стремоухов, А.Г. Братко, О.О. Миронов, В.С. Осковин, И.Е. Фарбер, Б.В. Щетинин, Ц.А. Ямпольская и др.) человек не становится субъектом права сам по себе, он признается таковым объективными нормами. В.В. Кожевников утверждает, что субъект права – это потенциальный участник правоотношений, а субъект правоотношений – это лицо, которое уже является таким участником [7, с. 5]. М.М. Рассолова пишет, что «любой субъект правоотношений – всегда субъект права, но не всякий субъект права – участник того или иного правоотношения» [8, с. 5]. Е.С. Чиркова отмечает, что «субъект права» и «субъект правоотношений» нетождественные понятия: «субъект права» шире, чем «субъект правоотношений» [8]. Обзор научной литературы показал, что господствует традиционный взгляд на определение «субъект права» – участник правоотношений, которые складываются по усмотрению самого субъекта либо в силу закона, наделённого правосубъектностью (правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью).

Как и любой другой гражданин, ребёнок – это и субъект права, и участник правоотношений, обладающий определенным объёмом правосубъектности, который определяется содержанием его правового статуса. При этом необходимо подчеркнуть, что на содержание этого статуса оказывает влияние принадлежность ребёнка к определенной категории: дети-сироты, опекаемые, инвалиды, незаконнорожденные и т.д. В свою очередь Е.Н Селютина указывает на то, что «ребенок является особым субъектом правоотношений, что обусловлено рядом факторов, к числу которых можно отнести возраст ребенка, его личностные характеристики, участие законных представителей ребенка в реализации его прав и интересов» [9, с. 89].

В связи с этим в контексте рассматриваемого вопроса представляется целесообразным акцентировать внимание на то, что характерной чертой правового статуса ребенка как субъекта правоотношений в сфере здравоохранения, является их уязвимость, так как с одной стороны в сфере здравоохранения они обладают всеми правами и свободами наравне со взрослым населением (ст. 41 Конституции РФ¹), но с другой стороны, практически не могут их реализовать в полной мере, в силу полной зависимости от воли родителей, опекунов, попечителей и иных законных представителей. Следовательно, у ребёнка дееспособность либо отсутствует – является условной (выбор врача и медицинской организации), поскольку её проявление на практике зависит от возраста ребенка, либо является весьма усеченной (согласие на медицинское вмешательство). Так, в соответствии с законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» мнение ребенка при оказании ему медицинской помощи спросят только при достижении 15 лет².

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм.) // Российская газета. – 1993. 25 декабря.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 28.11.2011. – № 48. Ст. 6724.

В соответствии с Приказом Минздрава РФ от 28 февраля 2019 г. № 108н «Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования»¹ несовершеннолетний в возрасте 14 лет имеет право оформить полис обязательного медицинского страхования. В соответствии с законом от 30.03.1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» ребёнок вправе уже в 14 лет давать согласие на медицинское освидетельствование на ВИЧ². Аналогичные правила закреплены и в Федеральном законе от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»³.

Анализируя выше обозначенные законодательные источники, можно сделать выводы: 1) в нормативных актах допускаются разнотечения при определении возраста наступления дееспособности при получении той или иной медицинской помощи (нет единой позиции в определении оптимальной возрастной границы), что вызывает юридические сложности в право-применительной практике; 2) при оказании медицинской помощи ребёнку принципиальное значение имеет согласие его родителей, которое должно исходить из интересов несовершеннолетнего. Следовательно, во-первых, возникает необходимость в глубоком и всестороннем изучении проблемы принятия ребёнком самостоятельного решения при получении медицинской помощи, во-вторых, интересы детей являются своеобразной предпосылкой реализации права на медицинскую помощь. В этой связи Ю.Ф. Беспалов отмечает, что «законные представители не всегда следуют интересам ребенка» [10, с. 190]. В виду этого возникает проблема, что следует понимать под интересами ребёнка.

В настоящее время ни один современный законодательный акт прямо это не поясняет, только посредством системного толкования отдельных правовых норм, возможно, определить примерные границы данной категории. Так, например, исходя из содержания ст.ст. 4, 7, 14.1, 15 ФЗ от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁴ интересы детей – это удовлетворение потребностей, в свою очередь в соответствии с Семейным кодексом РФ⁵ интересы детей связаны с реализацией принципа обеспечения приоритетной защиты прав несовершеннолетних. Из п. 15 Постановления Верховного Суда РФ от 20.04.2006 г. № 8 следует, что под интересами детей необходимо понимать создание благоприятных условий для их воспитания и развития⁶. Анализ нормативных актов показал, что отсутствие в законодательстве данного термина позволяет говорить о том, что интересы детей – это приоритетный, но – субъективный критерий, в силу отсутствия его чётких правовых границ. Следовательно, понимание и законодательное закрепление термина «интересы детей» как правовой категории имеет принципиальное значение для определения содержания Концепции, так как знание данного понятия положены в основу одного из базовых принципов (принцип наилучших интересов) концепции правового регулирования охраны здоровья детей.

С целью моделирования дефиниции «интересы детей» как правовой категории считаю необходимым проанализировать данный термин в научной литературе. Ю.Ф. Беспалов определяет интересы ребенка как его «потребность в создании условий, необходимых для содержания

¹ Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования: Приказ Минздрава России № 108н от 28.02.2019 // Российская газета – 22.05.2019. – №108.

² О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции): Федеральный закон № 38-ФЗ от 30.03.1995 (с изм. и доп.) // СЗ РФ – 1995. – №14. Ст. 1212.

³ О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: Федеральный закон № 77-ФЗ от 18.06.2001(с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 25.06.2001. – № 26. Ст. 2581.

⁴ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 03.08.1998. – № 31. Ст. 3802.

⁵ Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №223-ФЗ от 29.12.1995 (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. Ст. 16.

⁶ О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 20.04.2006 (ред. от 17.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 6.

и благополучного развития, подготовки к самостоятельной жизни» [11, с. 356]. С.А. Терехина пишет, «что интересы ребёнка – это условия, которые способствовали бы оптимальному про теканию процесса психического развития ребенка» [12, с. 202]. К.Д. Ушинский утверждает, «что интерес ребенка – это необходимость в развитии у него желания и способности самостоятельно, без педагога обогащать свой познавательный опыт» [13, с. 440]. Опираясь на приведенные и имеющиеся в научной литературе (Л.И. Божович, В.М. Мясищев, Б. И. Додонов, Т. К. Панкратов и т.д.) авторские трактовки можно сделать вывод о том, что понятие «интересы ребенка» включает: субъективный аспект (потребности ребёнка в благоприятных условиях жизни); объективный аспект (оценка благоприятный условия жизни ребёнка). В своём исследовании Ю.В. Иванчина справедливо отмечает, что для правового регулирования общественных отношений, наибольший интерес представляют потребности, основываясь на которых, правовое регулирование может стать максимально эффективным. При этом понятие «потребность» является базовой по отношению к термину «интерес», именно потребность лежит в основе интереса и трансформируется в него [14, с. 52].

Проведенный анализ дает возможность определить *интересы детей*, как правовую категорию следующим образом: *это удовлетворение потребностей ребёнка в физическом, интеллектуальном, психическом, духовном и нравственном развитии, а также в формировании навыков здорового образа жизни.* При этом не следует забывать, что интересы ребёнка в сфере здравоохранения, как и в других сферах жизнедеятельности, подчинены интересам родителей, в таком случае полагаю, что основу разграничения взаимно противоположных интересов должен быть положен *принцип презумпции законности интереса ребёнка – интерес вляется законным и соответствует нормам морали пока не доказано обратное.* Изложенное позволяет определить, что *ребёнок – это особый субъект права и участник правоотношений в сфере здравоохранения.* Под которым следует понимать *физическое лицо с рождения и до достижения 18-летнего возраста, обладающее определенным объёмом прав в сфере здравоохранения, предпосылкой реализация которых является удовлетворение его потребностей в физическом, интеллектуальном, психическом, духовном и нравственном развитии, а также в формировании навыков здорового образа жизни.*

В научной литературе применительно к понятию «объект правоотношений» существует две основные концепции: объект – благо, объект – действие. При этом объект правоотношений – это то, на что направлена деятельность субъектов отношений, а то по поводу чего складываются правоотношения – это его предмет [15, с. 79]. В сфере здравоохранения под объектом правоотношений чаще всего научное сообщество понимает (Д.И. Рогачев, В.Н. Толкунова, З.В. Каменева, Л.В. Жильская и др.) [16, с. 42] процесс оказания медицинской помощи (предоставление медицинской услуги), а под предметом – организм человека (нематериальные блага – жизнь, здоровье).

В рамках данного исследования целесообразно рассматривать в качестве объекта правоотношений в сфере здравоохранения – жизнь и здоровье ребёнка, а в качестве предмета – детский организм. В современной научной литературе задача юридического определения категории «жизнь» довольна, сложна, так как «жизнь» – это сугубо естественнонаучное понятие, отражающее физиологическое существование человека. Признаки жизни – это физиологические признаки, и констатировать их должны медики-эксперты [17, с. 47]. В научной литературе содержится внушительное количество толкований термина «жизнь», содержание которых зависит от области применения. Так, например, религия, биология, медицина, философия, социология и другие науки отражают своё видение человеческой жизни как феномена природы [18, с. 24]. Рассматривая «жизнь» как правовую категорию, справедливо суждение И.Х. Бабаджанова и М.В. Сальникова о том, что жизнь – объект правовой защиты, гарнируемой государством, а рождение и смерть человека – юридические факты, то есть события, с которыми законодатель связывает возникновение и прекращение права на жизнь. По мнению исследователей (И.Х. Бабаджанов, М.В. Сальников, Г.Б. Романовский), понятия «жизнь» и «право на жизнь» – понятия не тождественные, так как биологическое рождение человека не нуждается в наличии

государственных институтов [19, с. 158]. С.А. Лебедева указывает, что «право на жизнь как объект правовой регламентации – понятие собирательное» [20, с. 73].

Ребёнку, как любому другому человеку, право на жизнь гарантировано ст. 20 Конституции РФ¹. Реализация данного права связана с такими юридическими проблемами в РФ как: искусственное прерывание беременности; имплантации эмбриона; замораживания эмбрионов, яйцеклеток, сперматозоидов. Также право ребёнка на жизнь реализуется в аспектах, касающихся проведения трансплантационных мероприятий по пересадке органов и тканей несовершеннолетнего, применения процедуры эвтаназии. Основной спор по данным проблемам лежит не в плоскости необходимости защиты самого права ребёнка на жизнь, а в определении момента, с которого необходимо защищать данное право. По мнению К.Н. Свитнёва «конституционное право на жизнь и здоровье должно гарантироваться на всех этапах человеческой жизни от зачатия до смерти» [21, с. 50]. Так как, ранее в рамках настоящего диссертационного исследования было определено, что дети – физические лица с рождения и до достижения 18-летнего возраста. Следовательно, невзирая на широкий простор для полемики по вопросу правосубъектности ребёнка в период внутриутробного развития, данная проблема находится за пределами настоящего исследования. В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» здоровье – состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма².

В рамках данного исследования, при изучении понятие «здоровье», было определено, что данный термин необходимо рассматривать с учётом возраста индивида, качества и количества его, внешних и внутренних параметров организма, при этом, здоровьем человек обладал с момента своего появления как биологического вида. Здоровье как жизнь относится к базовым ценностям общества, закреплённых в ст.ст. 20, 41 55 Конституции РФ³. А. Шопенгауэр писал «здравье – это еще не вся жизнь, но без здравья она совершенно ни к чему» [22]. Р.М. Баевский утверждает, что здоровье является контрольным специфическим состоянием человеческого организма, обеспечивающим достижение своего функционального оптимума [23, с. 82]. В соответствии с Уставом ВОЗ (1946 г.) «понимание здоровья в качестве одного из прав человека налагает на государства юридическое обязательство обеспечить доступ к своевременной, приемлемой и доступной медицинской помощи»⁴. В этой связи справедлива позиция Е.А. Истоминой о том, что «здравье выступает одной из базовых, наиболее значимых ценностей для любого человека, следовательно, право на охрану здоровья, право на медицинскую помощь и право человека на жизнь рассматриваются как взаимосвязанные, так как законодательное закрепление права на жизнь в отсутствие других прав человека неприемлемо с точки зрения полноценного осуществления этого права» [24, с. 50]. Следовательно, жизнь человека взаимосвязана со здоровьем, а значит и само право на жизнь с правом на здоровье. Проведённое исследование позволяет определить, жизнь и здоровье ребёнка как базовые ценности правоотношений в сфере здравоохранения, возникающих по поводу реализации права ребёнка на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Организм ребенка отличается от организма взрослого выраженными особенностями строения и функций органов. Детский организм, в отличие от взрослого организма, находится в состоянии непрерывного роста и развития, на который влияет много факторов (социально-экономические, экологические, политические, правовые, психолого-педагогические), в частности,

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм.) // Российская газета. – 1993. 25 декабря.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 28.11.2011. – № 48. Ст. 6724.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм.) // Российская газета. – 1993. 25 декабря.

⁴ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения от 22 июля 1946 г. // Министерство здравоохранения - Издательство «Медицина». ВОЗ, Женева, 1968.

индивидуальные особенности организма [25, с. 115]. При этом в каждой возрастной группе они разные. Так, например И.В. Горская в своём исследовании, утверждает, что подростковый возраст выделяют: физиологические (связаны с выраженной нестабильностью эндокринной и вегетативной регуляции всех соматических функций, а также настроения); психологические (отношения подростка с окружающими – проявления самостоятельности); социальные (связаны с переходом от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости); клинические; морфологические особенности, что понимается под последними особенностями, исследователь не уточняет [26, с. 484]. Вывод, сделанный И.В. Горской о том, что подросток уже не ребёнок, но ещё и не взрослый и это факт, который надо учитывать, в том числе при получении медицинской помощи, считаю верным и обоснованным. А.А. Баранов и В.Ю. Альбицкий писали, что уже в середине XIX века в России врачи пришли к пониманию глубоких отличий «детской» медицины от «взрослой» [27, с. 8]. По мнению К.Н. Половниковой: «человека – это нечто значительно большее, чем достижение определённых размеров» [28, с. 8], поэтому, применяемые подходы (медицинские, психологические, педагогические, социальные и правовые) к нему должны соответствовать тому периоду, в котором он находится. В этой связи В.И. Абрамов справедливо указывает на то, что «ребенок – это существо специфическое и в политическом, и в материальном, и в процессуальном плане, поэтому нужен специальный механизм правового закрепления и регулирования его прав» [29, с. 102]. Обобщая сказанное, можно заключить, что знания физиологических, психологических и иных особенностей детского организма на каждом периоде его развития имеют большое значение не только для медицины, психологии, педагогики и других областей наук, но и для юриспруденции. Так как они способствует более содержательной разработке правовых доктрин, идей, тезисов, принципов, концепций, систем и т.д. на основе которых разрабатывается законодательство, направленное на охрану, защиту прав и интересов различных категорий детей в различных сферах жизни, в том числе и в здравоохранении.

На разных этапах развития российского государства охрана здоровья детей, была связана не только с биологическим состоянием малолетнего в силу возраста и оказанием ему медицинской помощи, но и с его определённым социальным статусом (сироты, незаконнорожденные, беспризорники, подкидыши и др.), который зависли от многих факторов (социально-экономических, политических, психолого-педагогических и т.д.). В правовой науке социальный статус имеет значительное количество толкований, но в самом общем виде под ним понимается положение индивида в обществе (социальной системе), определяемое по некоторым признакам (этническим, экономическим, возрастным и т.д.) [30, с. 190]. В юриспруденции социальный статус индивида рассматривается в контексте правового и конституционного статуса субъекта, под которым понимается – правовое положение человека в государстве. Как отмечает Л.Д. Воеводин, «социальный статус», как правовая категория, складывается под воздействием всей совокупности общественно-экономических, политических и даже психологических факторов, сформировавшихся в обществе [31, с. 190]. В рамках данного исследования социальный статус детей необходимо определять исходя из факторов (условий), объективно нарушающих жизнедеятельность ребёнка, а именно 1) инвалидность (дети-инвалиды, дети с ОВЗ; 2) наличие социально-значимого заболевания (дети с онкологией, ВИЧ-инфицированные дети), сиротство (дети сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей).

Изучение права ребёнка на охрану здоровья позволяет сформулировать следующее: *право ребёнка на охрану здоровья – это естественное и фундаментальное право, гарантированное государством и охраняемое законом на каждом этапе развития детского организма, с учётом его индивидуальных особенностей и потребностей в физическом, интеллектуальном, психическом, духовном и нравственном развитии, а также в формировании навыков здорового образа жизни.* Следовательно, данное обстоятельство обуславливает необходимость разработки и принятия отдельного комплексного нормативного акта в сфере здравоохранения, посвященного детям как особым субъектам права и участника правоотношений, которые возникают по вопросам охраны их здоровья.

Список источников

1. Алексеев, Н.Н. Основы философии права: учебное пособие // Юридический институт. СПб., 1998. 216 с.
2. Воротилин, Е.А. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / Е.А. Воротилин и др. / Отв. ред. О.Э. Лейст. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2006. 556 с.
3. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности // С.-Петербург. гос. ун-т. Юрид. и специал. фак., Журн. «Правоведение». Том 1, 2. С.-Петербург, 2005. 345 с.
4. Голиков А.К. Основы законности и защита прав и свобод личности в социально-философских и политико-правовых концепциях русских либералов конца XIX – начала XX века (С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 16. С. 179–189.
5. Иванов С.И. Энциклопедия права: Соч. изд. по запискам студентов // Проф. Ун-та св. Владимира кн. Е.Н. Трубецкого. Киев, 1906. 182 с.
6. Биктагиров Р.Т. Субъект избирательного права Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореферат дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.02 / Биктагиров Раиф Терентьевич. Москва, 2010. 55 с.
7. Кожевников В.В. О некоторых проблемах классификации правоотношений и их субъектов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 2(34).
8. Чиркова Е.С. "Субъект права": подходы к пониманию // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1-1. С. 87–91.
9. Селютина Е.Н. Правовой статус ребенка как юридическая категория: понятие, структура, специальная правосубъектность // Правовое государство. 2014. №2/1(12).
10. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ: учебное пособие // М-во образования РФ. Владим. гос. пед. ун-т. Владимир, 2000. 190 с.
11. Беспалов Ю.Ф. Рассмотрение и разрешение судами гражданских дел с участием ребенка: учебно-практическое пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция»; по научной специальности 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» // ЮНИТИ Закон и право. М., 2010. 356 с.
12. Терехина С.А. Психологические аспекты понятия «интересы ребенка» // Психологическая наука и образование. 2013. № 3.
13. Пискунов А.И. Избранные педагогические сочинения В 2 т. / Под ред. А. И. Пискунова и др. // Педагогика. Акад. пед. наук СССР. М., 1974. 440 с.
14. Иванчина Ю.В. Функции трудового права как отражение социально значимых потребностей: автореферат дис. ... д-ра юр. наук 12.00.05 / Иванчина Юлия Валерьевна. Екатеринбург, 2019. 52 с.
15. Миронов В.О., Зин Н.В. Проблема сущности объекта правоотношения // Аграрное и земельное право. 2019. № 4(172).
16. Подвязникова М.В. Медицинская помощь как объект правоотношений по социальному обеспечению // Вестник Омской юридической академии. 2012. № 2(19).
17. Бабаджанов И.Х. Юридическое значение и естественнонаучное содержание категории "жизнь" // Юридический мир. 2010. № 3.
18. Шкурная Е.В. Жизнь как объект права: автореферат дис. ... канд. юр. наук. 12.00.01 / Шкурная Екатерина Валерьевна. М., 2009. 24 с.
19. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. «Жизнь» и «Право на жизнь» как категории философско-правовой науки // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 7.
20. Данильченко А.В., Шумов П.В. Связь между правом на охрану здоровья и другими правами человека // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 6 (74).
21. Свитнёв К.Н. Статус эмбриона: правовые и морально-этические аспекты // Правовые вопросы в здравоохранении. 2011. № 7.
22. Гаврилова Ю.А., Гаврилов Д.А. Концепты "жизнь" и "здравье" и их нормативно-правовое закрепление в законодательстве Российской Федерации // Философия права. 2017. № 2 (81). С. 82–86.

23. Новичкова Н.М., Лебедева О.Ю. Развитие здоровья школьника: определение понятия в контексте педагогического исследования // Вестник «Здоровье и образование в XXI веке». 2017. Том 19 (7).
24. Истомина, Е.А. Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения: автореферат дис. ... д-ра юр. наук 12.00.05 / Истомина Елена Александровна. Екатеринбург, 2021. 50 с.
25. Богданова Е.А. Медико-социальные аспекты здоровья детей / Е.А. Богданова // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2008. № 1 (16).
26. Горская И.В. Проблема реализации прав подростков на самостоятельное решение получения медицинской помощи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1-1.
27. Баранов А.А., Лапин Ю.Е. Государственная политика в области охраны здоровья детей: вопросы теории и практика // Вопросы современной педиатрии. 2007. Том 6. № 6.
28. Половникова К.Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. Московский государственный психологический педагогический университет. 2016. Том 5. №2.
29. Семелькина П.Д. Конституционно-правовой статус ребёнка в РФ // Форум молодых учёных. 2022. №10(74).
30. Иванова О.А. Социальные статусы в России XV-XIX вв.: Философско-культурологический анализ: дис. ... канд. фил. наук: 24.00.01 / Иванова Ольга Анатольевна. Санкт-Петербург, 2005. 190 с.
31. Федотова С.В. Восприятие социального статуса личности в современном российском обществе: автореферат дис. ... канд. псих. наук: 19.00.05 / Федотова Светлана Владимировна. М., 2016. 34 с.

References

1. Alekseev N.N. *Fundamentals of the philosophy of law*: textbook. Law Institute. St. Petersburg; 1998. 216 p. (In Russ.)
2. Vorotilin E.A. History of political and legal doctrines: textbook. for universities / E.A. Vorotilin and others. Resp. ed. O.E. Leist. Moscow state University named after M. V. Lomonosov. Moscow; 2006. 556 p. (In Russ.)
3. Petrazhitsky L. I. Theory of law and state in connection with the theory of morality. *Jurisprudence*. 2005;(1, 2).St. Petersburg, – 345 p. (In Russ.)
4. Golikov A.K. Fundamentals of legality and protection of individual rights and freedoms in the socio-philosophical and political-legal concepts of Russian liberals of the late 19th - early 20th centuries (S.A. Muromtsev, N.M. Korkunov). *Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University* – 2006;(16). (In Russ.)
5. Ivanov S.I. *Encyclopedia of Law*: Op. ed. according to students' notes. Kyiv; 1906. 182 p. (In Russ.)
6. Biktagirov R.T. *Subject of electoral law of the Russian Federation: constitutional and legal research: abstract of thesis* ... Doctor of Law Sciences: 12.00.02 / Biktagirov Raif Terentievich. Moscow, 2010. 55 p. (In Russ.)
7. Kozhevnikov, V.V. On some problems of classification of legal relations and their subjects. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2020;2(34). (In Russ.)
8. Chirkova E.S. Subject of law: approaches to understanding. *Bulletin of Vyatka State University*. 2012;(1-1). (In Russ.)
9. Selyutina E.N. legal status of a child as a legal category: concept, structure, special legal personality. *Rule of Law*. 2014;2/1(12). (In Russ.)
10. Bespalov Yu.F. *Family legal status of a child: problems of family legislation of the Russian Federation: textbook*. Ministry of Education of the Russian Federation. Vladim. state ped. univ. Vladimir; 2000. 190 p. (In Russ.)
11. Bespalov Yu.F. *Consideration and resolution by courts of civil cases involving a child: educational and practical guide for students of higher educational institutions studying in specialty 030501 "Jurisprudence"*; in scientific specialty 12.00.15 "Civil procedure; arbitration process". M.; 2010. 356 p. (In Russ.)
12. Terekhina S.A. Psychological aspects of the concept of "child's interests". *Psychological Science and Education*. 2013;(3). (In Russ.)
13. Piskunov A.I. Selected pedagogical works In 2 volumes / ed. A. I. Piskunova and others. Moscow; 1974. 440 p. (In Russ.)
14. Ivanchina Yu.V. *Functions of labor law as a reflection of socially significant needs: abstract of thesis*. ... Doctor of Law Sciences 12.00.05. Ekaterinburg; 2019. 52 p. (In Russ.)

15. Mironov V.O., Zin N.V. The problem of the essence of the object of legal relationship. *Agrarian and land law.* 2019;4(172). (In Russ.)
16. Podvyaznikova M.V. Medical assistance as an object of legal relations for social security. *Bulletin of the Omsk Law Academy.* 2012;2(19). (In Russ.)
17. Babadzhanyan I.H. The legal significance and natural science content of the category "life". *Legal world.* 2010;(3). (In Russ.)
18. Shkurnaya E.V. Life as an object of law: abstract of thesis. ...cand. legal Sciences 12.00.01. Moscow; 2009. 24 p. (In Russ.)
19. Babajanyan I. Kh., Salnikov M.V. "Life" and "Right to Life" as categories of philosophical and legal science. *Legal science: history and modernity.* 2016;(7). (In Russ.)
20. Danilchenko A.V., Shumov P.V. The connection between the right to health care and other human rights. *Modern scientific research and innovation.* 2017;6 (74). (In Russ.)
21. Svitnev K.N. Status of the embryo: legal, moral and ethical aspects. *Legal issues in healthcare.* 2011;(7). (In Russ.)
22. Gavrilova Yu.A., Gavrilov D.A. Concepts of "life" and "health" and their normative legal consolidation in the legislation of the Russian Federation. *Philosophy of Law.* 2017;2(81):82–86. (In Russ.)
23. Novichkova N.M., Lebedeva O.Yu. Development of schoolchildren's health: definition of the concept in the context of pedagogical research. *Bulletin "Health and Education in the XXI Century".* 2017;19(7). (In Russ.)
24. Istomina E.A. *The influence of the concept of social risk on the legal regulation of social security: abstract of thesis.* ... Doctor of Law Sciences 12.00.05. Ekaterinburg; 2021. 50 p. (In Russ.)
25. Bogdanova E.A. Medical and social aspects of children's health. *Bulletin of the Institute for Complex Research of Arid Territories.* 2008;1(16). (In Russ.)
26. Gorskiy I.V. The problem of realizing the rights of adolescents to independently decide to receive medical care. *Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky.* 2014;1-1. (In Russ.)
27. Baranov A.A., Lapin, Yu.E. State policy in the field of children's health: theory and practice. *Issues of modern pediatrics.* 2007;6(6). (In Russ.)
28. Polovnikova K.N. Childhood in a changing world. Modern foreign psychology. 2016;5(2). (In Russ.)
29. Semelkina P.D. Constitutional and legal status of a child in the Russian Federation. *Forum of young scientists.* 2022;10(74). (In Russ.)
30. Ivanova O.A. *Social statuses in Russia XV–XIX centuries: Philosophical and cultural analysis: dis. ...cand. Phil. Sciences.* St. Petersburg; 2005. 190 p. (In Russ.)
31. Fedotova S.V. *Perception of the social status of an individual in modern Russian society: abstract of thesis. ...cand. psych. sciences.* Moscow; 2016. 34 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Н. Богданова – старший преподаватель кафедры истории, экономики и права Уральского государственного медицинского университета.

Information about the author

E.N. Bogdanova – Senior Lecturer at the Department of History, Economics and Law, Ural Medical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принятая к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Об отдельных правовых аспектах регулирования деятельности по техническому обслуживанию внутридомового газового оборудования

Сергей Александрович Пузиков¹, Александр Иванович Гончаров²

^{1, 2}Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹sergey.puzikov.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2856-9285>

²goncharov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Аннотация. Законодателем на фоне продолжающихся инцидентов, связанных с использованием газа в быту, повлекших летальные исходы и существенный материальный ущерб были проведены масштабные изменения законодательства, регулирующего вопросы технического обслуживания внутридомового газового оборудования (далее – ТО ВДГО), направленные в том числе, на обеспечение безопасности использования внутридомового газового оборудования, на устранение с указанного рынка многочисленных организаций, допущенных ранее. Данная ситуация требует срочных законодательных изменений, с учётом развития газификации Российской Федерации и быстрого увеличения количества потребителей природного газа.

Ключевые слова: газ, газовое оборудование, газораспределительная организация, жилищно-коммунальная сфера, потребитель газа, специализированная организация, техническое обслуживание

Для цитирования: Пузиков С. А., Гончаров А. И. Об отдельных правовых аспектах регулирования деятельности по техническому обслуживанию внутридомового газового оборудования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 123–128. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-123-128>. EDN GZUMAS

Problems of Civil and Labor law

Original article

On certain legal aspects of regulating the maintenance of indoor gas equipment

Sergey A. Puzikov¹, Alexander I. Goncharov²

Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹sergey.puzikov.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2856-9285>

²goncharov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Abstract. The legislator, against the background of ongoing incidents related to the use of gas in everyday life, which resulted in deaths and significant material damage, carried out large-scale changes in legislation regulating the maintenance of indoor gas equipment, aimed, among other things, at ensuring the safety of the use of indoor gas equipment, at eliminating from the specified market numerous organizations admitted earlier. This situation requires urgent legislative changes, taking into account the development of gasification in the Russian Federation and the rapid increase in new natural gas consumers.

Keywords: gas equipment, specialized organization, gas distribution organization, maintenance, gas, housing and communal services, gas consumer

For citation: Puzikov S. A., Goncharov A. I. On certain legal aspects of regulating the maintenance of indoor gas equipment. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):123–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-123-128>. EDN GZUMAS

В 2021 г. в рамках реализации инициативы Президента РФ Путина В.В.¹ были внесены изменения в действующее законодательство, предусматривающие обеспечение максимально высокой степени газификации страны, включая строительство газовых сетей до земельных участков физических лиц без использования денежных средств этих граждан, что стало началом реформ и в сфере технического обслуживания газового оборудования с учётом увеличения потребителей газа. В частности, Правительство РФ по поручению Президента РФ приняло «дорожную карту» газификации российских регионов, согласно которой, первый этап должен завершиться до начала 2023 г., второй этап предполагалось реализовать с 2023 по 2030 гг.² На фоне продолжающейся в стране масштабной газификации на повестке дня вновь встаёт вопрос о необходимости обеспечения безопасности при использовании населением газа в бытовых целях. Количество чрезвычайных происшествий, связанных с использованием газа, повлекших причинение значительного имущественного ущерба, вред здоровью и летальные исходы продолжают оставаться на критически высоком уровне. Анализ правоотношений, складывающихся на рассматриваемом рынке предоставляемых услуг, свидетельствует об очевидных недостатках правового регулирования.

Постановлением Правительства РФ от 14.05.2013 № 410 «О мерах по обеспечению безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутридомового газового оборудования» были утверждены «Правила пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутридомового газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению»³ (далее – Правила), целью которых, в том числе, явилась очередная попытка определения понятия специализированной организации и задач её деятельности.

Отметим, что в первоначальной версии Правил такой вид деятельности, как техническое обслуживание внутридомового газового оборудования, был отнесен к сфере ответственности газораспределительных организаций (далее – ГРО), то есть для лиц, осуществляющих регулируемый вид деятельности по транспортировке газа, на основании утверждённого в установленном порядке государственным органом тарифа. Это было обусловлено тем, что ГРО имели обученный квалифицированный персонал, включая аварийно-диспетчерские подразделения. Кроме этого, деятельность субъектов естественных монополий традиционно контролировалась различными государственными надзорными ведомствами и таким образом, предполагалось, что организация безопасного газоснабжения бытовых потребителей будет обеспечена на необходимом уровне. Однако Верховный Суд РФ согласился с антимонопольной службой и своим решением от 10.12.2013 г. № АКПИ13-826 признал недействующими сразу 16 вышеуказанных пунктов Правил, касающихся упоминания ГРО, указав, что Правительство не вправе принимать решений, ограничивающих конкуренцию, поскольку для этого требуется нормативный акт на уровне закона⁴.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 "Послание Президента Федеральному Собранию" СПС Консультант плюс. (дата обращения 01.11.2023).

² Газификация регионов России. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://mrg.gazprom.ru/about/gasification/> (дата обращения 02.11.2022).

³ Постановление Правительства РФ от 14.05.2013 № 410 (ред. от 29.05.2023) "О мерах по обеспечению безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутридомового газового оборудования" (вместе с "Правилами пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутридомового газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению") СПС Консультант плюс. (дата обращения 01.11.2023).

⁴ Решение Верховного Суда РФ от 10.12.2013 № АКПИ13-826 "О признании недействующими пунктов 2, 6, 7, 10, 24-30, 32, 34-36, 80 Правил пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутридомового газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению, утв. Постановлением Правительства РФ от 14.05.2013 № 410, в части, наделяющей исключительным правом осуществлять деятельность по техническому обслуживанию, ремонту и замене внутридомового и (или) внутридомового газового оборудования только газораспределительную организацию, осуществляющую транспортировку газа по договору с поставщиком газа". Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс». (Дата обращения 01.11.2023).

В результате этого одна из основных идей, заложенных в Правила (осуществление деятельности по ТО ВДГО разрешается лишь ограниченному кругу лиц – газораспределительным организациям), была фактически утрачена. Как итог, на рынке ТО ВДГО было допущено неограниченное количество лиц (по данным регионального Жилищного надзора только на территории Волгоградской области количество таких лиц превысило 120)¹, что, в свою очередь, повлекло ухудшение ситуации с безопасным использованием ВДГО в целом.

Массовые нарушения в рассматриваемой сфере деятельности продолжились, а введённая в КоАП РФ ст. 9.23² предусматривающая ответственность за нарушение правил обеспечения безопасного использования внутридомового газового оборудования по сути должным образом не работает. В значительной степени такая ситуация помимо указанной выше и неоправданной, по нашему мнению, либерализации рынка ТО ВДГО, стала возможной из-за трудно исполнимой уведомительной процедуры, прописанной в Правилах относительно действий организации – исполнителя в отношении недобросовестных потребителей, которая не только недопустимо длительна (что в газоснабжении недопустимо), но и практически не реализуема (необходимость неоднократных уведомлений, подтверждений, согласований и т.д. с абонентами, в том числе недобросовестными). Указанная ситуация создала условия для недобросовестного поведения как лиц, эксплуатирующих ВДГО, так и лиц его обслуживающих. Стороны договорных отношений стали злоупотреблять своими правами, нарушая интересы других, хотя, как известно свобода прав является не безграничной, закон должен устанавливать её пределы [1].

Достигнув критической отметки (например, только в Волгоградской области по статистике Следственного комитета РФ в 2022 г. количество летальных случаев, связанных с использованием газа в быту, превысило 40, в том числе погибло 20 несовершеннолетних лиц), ситуация начала меняться на нормативном уровне в 2023 г.

В частности, ФЗ от 18.03.2023 № 71-ФЗ были внесены изменения в статьи 2 и 3 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» и Жилищный кодекс Российской Федерации»³. Постановлением Правительства РФ от 29.05.2023 № 859 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу подпункта «ж» пункта 4 изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутридомового газового оборудования, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 9 сентября 2017 г. № 1091»⁴.

Приказом Минстроя России от 29.05.2023 № 387/пр утверждены Методические указания по расчёту размера платы за техническое обслуживание внутридомового газового оборудования в многоквартирном доме, а также за техническое обслуживание внутридомового газового оборудования в жилом доме»⁵. Приказом Минстроя России от 29.05.2023

¹ Реестр уведомлений о начале осуществления предпринимательской деятельности по техническому обслуживанию, ремонту и техническому диагностированию внутридомового и внутридомового газового оборудования Инспекции государственного жилищного надзора Волгоградской области Электронный ресурс. Режим доступа: <https://gzhi.volgograd.ru/other/citizens/spravochnaya-informatsiya-i-metodicheskie-rekomendatsii/gas/> (дата обращения 19.11.2023)

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс». (Дата обращения 05.10.2023).

³ФЗ от 18.03.2023 № 71-ФЗ "О внесении изменений в статьи 2 и 3 Федерального закона "О газоснабжении в Российской Федерации" и Жилищный кодекс Российской Федерации"; Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс». (Дата обращения 01.11.2023).

⁴ Постановление Правительства РФ от 29.05.2023 № 859 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу подпункта "ж" пункта 4 изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутридомового газового оборудования, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 9 сентября 2017 г. № 1091"; Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс». (Дата обращения 01.11.2023).

⁵ Приказ Минстроя России от 29.05.2023 № 387/пр "Об утверждении Методических указаний по расчёту размера платы за техническое обслуживание внутридомового газового оборудования в многоквартирном доме, а также за техническое обслуживание внутридомового газового оборудования в жилом доме". Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс». (Дата обращения 05.10.2023).

№ 388/пр утверждены типовые формы договора о техническом обслуживании и ремонте внутридомового газового оборудования в многоквартирном доме, договора о техническом обслуживании внутридомового газового оборудования в многоквартирном доме, договора о техническом обслуживании внутридомового газового оборудования в жилом доме¹.

Указанные документы вступили в силу с 01 сентября 2023 г., при этом договоры на ТО ВДГО, заключенные до дня вступления в силу закона № 71-ФЗ действуют до их прекращения или расторжения, но не позднее 01.01.2024 года. Внесённые изменения устраняют отдельные недостатки правового регулирования отношений, возникающих на рынке ТО ВДГО.

Во-первых, согласно новой редакции Правил с 01.09.2023 г. специализированной организацией, правомочной осуществлять деятельность по ТО ВДГО только ГРО, осуществляющая транспортировку газа до места соединения сети газораспределения с газопроводом, входящим в состав ВДГО. Таким образом, законодатель фактически вернулся к редакции Правил 2013 года (на территории Волгоградской области, действующими организациями, имеющими утвержденный тариф на транспортировку газа, являются ООО «Газпром газораспределение Волгоград», ООО «АхтубаГазПроект», ООО «Прадо» и ООО «ИКЦ «Спецтеплосервис», МУП «Газстройсервис» (Урюпинск))². Однако на практике доля рынка ООО «Газпром газораспределение Волгоград» составляет более 90 %. Данные изменения являются существенными в рассматриваемой сфере правового регулирования прежде всего потому, что рынок технического обслуживания внутридомового оборудования освобождается от огромного числа организаций и индивидуальных предпринимателей, ранее занимавшихся предоставлением своих услуг, потребителям услуг не нужно будет выбирать организацию, рискуя обратиться в структуру с низкими компетенциями и ответственностью.

Наличие одного крупного исполнителя услуги, являющегося субъектом естественно монополии в сфере транспортировки газа и не относящегося к категории малого бизнеса, позволит государственным надзорным органам обеспечить надлежащий уровень контроля и реагирования в случае нарушения качества выполняемых работ. Кроме этого, в случае некачественно оказанной услуги потребитель гарантированно сможет получить возмещение вреда, поскольку банкротство и ликвидация субъектов естественных монополий на практике встречается ничтожно малое количество раз.

Таким образом, одновременно решаются следующие задачи: повышение качества предоставляемых услуг в чувствительной для населения коммунально-бытовой сфере из числа систем жизнеобеспечения и степени ответственности за выполняемые работы, обеспечивается применение единообразных, экономически обоснованных и прозрачных цен и удобство получения услуги, в том числе из-за отсутствия проблемы выбора исполнителя.

Во-вторых, как отмечено Министром России были утверждены три типовые формы договора на ТО ВДГО (для жилых домов, для многоквартирных домов – общедомовое и внутридомовое газовое оборудование отдельно). Принятие указанной новеллы направлено на исключение случаев споров между участниками рынка (газораспределительные организации, население, управляющие компании, а также надзорные органы) по поводу условий договоров, в том числе исключается возможность включения доминирующими на рынке ТО ВДГО организаций в договоры на ТО ВДГО условия, ущемляющих интересы потребителей.

В-третьих, необходимо также отметить утверждение Министром России, в рамках происходящих изменений, указанных выше методических указаний по расчёту размера платы за ТО ВДГО. Наличие методики позволит обеспечить экономически обоснованные уровни цен

¹ Приказ Минстроя России от 29.05.2023 № 388/пр "Об утверждении типовых форм договора о техническом обслуживании и ремонте внутридомового газового оборудования в многоквартирном доме, договора о техническом обслуживании внутридомового газового оборудования в многоквартирном доме, договора о техническом обслуживании внутридомового газового оборудования в жилом доме". Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс». (Дата обращения 05.10.2023).

² Реестр субъектов естественных монополий Волгоградской области ФАС России. Электронный ресурс. Режим доступа <http://fas.gov.ru/pages/activity/tariffregulation/reestr-subektov-estestvennyix-monopolij.html> (дата обращения 17.11.2023).

на предоставляемые населению услуги. Кроме этого, любой получатель услуги будет вправе, при наличии каких-либо сомнений, обратиться в антимонопольный орган с требованием проверить правомерность применяемой при расчетах стоимости услуги по ТО ВДГО.

Также следует отметить, что созданный в сентябре 2021 г. ЕОГ (единый оператор газификации) для подключения газа в домовладениях является организация группы ПАО «Газпром» ООО «Газпром газификация». С целью упрощения взаимодействия заявителей и ЕОГ произошла оцифровка процедуры путём создания онлайн сервиса единого портала ЕОГ, который показал свою востребованность и актуальность в виду стремительного развитие цифровых технологий [2]. Личный кабинет заявителя на портале единого оператора газификации обеспечил лёгкий доступ к получению расширенного набора услуг, удобную моментальную оплату и возможность совершения сделок в любое удобное время, в том числе и в рамках взаимодействия по ТО ВДГО [3].

Принятые изменения законодательства затрагивают 100% потребителей газа в Российской Федерации, организаций, оказывающих услуги на рынке технического обслуживания газового оборудования, а также надзорные государственные органы и муниципальные образования, ответственные за организацию газоснабжения территорий. Однако, по нашему мнению, законодательство на рассматриваемом рынке требует своего дальнейшего развития.

В текущий период складывается специфическая ситуация, при которой поставку газа населению по договорам поставки газа и услуги по договорам на техническое обслуживание ВДГО будут оказывать организации группы ПАО «Газпром» (на рынке технического обслуживания ВДГО предусмотрена возможность привлечения подрядных организаций). В Волгоградской области это ООО «Газпром межрегионгаз Волгоград» (доля рынка 100%) и ООО «Газпром газораспределение Волгоград» (доля рынка более 90%). Стоимость услуг относится к сфере государственного регулирования и контроля. Заключение договоров на ТО носит обязательный характер для граждан и ГРО. Следующим этапом реформирования законодательства должны стать дополнительные изменения, прежде всего, направленные на включение стоимости технического обслуживания в розничную цену газа. Указанный порядок регулирования рассматриваемых правоотношений успешно реализовывался в Российской Федерации в период до 2003 года. В случае принятия указанных изменений будут учтены интересы всех заинтересованных лиц.

1. Граждане – вместо двух договоров (соответственно исключается необходимость собирания и предоставления двух практически одинаковых пакетов документов и обращения в различные организации) будут заключать один договор поставки газа. Исключается возможность обращения к недобросовестным участникам рынка из числа исполнителей услуг. Исключается возможность отсутствия или незаключения договоров технического обслуживания ВДГО в принципе, в максимально полной мере обеспечивается безопасность газоснабжения, все жильцы, например, многоквартирного дома получат в обязательном порядке ежегодную проверку оборудования, в случае угрозы возникновения чрезвычайной ситуации, связанной с использованием газа в быту, газоснабжение будет своевременно прекращено. Оплата производится однократно в одну организацию, снижаются комиссии банков.

2. Организации группы ПАО «Газпром» – оптимизация расходов и устранение дублирующих функций по заключению смежных договоров, возможность 100% охвата потребителей газа проверками газового оборудования, возможность выбора и привлечения подрядных организаций в случае нехватки собственных сил и средств, сохранение стоимости реализуемых услуг, реализация принципа оказания услуг в рамках единого окна, повышение безопасности газоснабжения.

3. Органы Жилищного надзора – в результате декриминализации соответствующей статьи КоАП РФ – снижение нагрузки на сотрудников, в результате отсутствия необходимости рассмотрения административных материалов в отношении населения (тысячи в масштабе одного региона) возможность направления их на иные направления деятельности, повышение качества и уровня оказываемых услуг.

4. Независимые организации и индивидуальные предприниматели на рынке услуг по ТО ВДГО – сохраняют возможность предложить свои услуги в рамках подрядных отношений с поставщиком газа с исключением возможности возникновения дебиторской задолженности населения, недобросовестные участники рынка устраняются из оборота естественным образом.

В целом безопасность газоснабжения будет обеспечиваться на максимально возможном уровне – гарантированные 100% заключения договоров ТО ВДГО, неразрывность поставки газа с обязательным техническим обслуживанием ВДГО, потребители получат гарантированное возмещение вреда в случае нарушений со стороны поставщиков газа, рынок освобождается от недобросовестных участников, оптимизируется ценовая политика, упрощается государственный надзор, происходит оптимизация расходов и сокращение времени, затрачиваемого на получение услуг. Как отмечено выше, опыт подобного регулирования в РФ имеется и был реализован ранее. Отказ от его использования на определённом этапе экономического развития не учитывал вопросы безопасности и был связан исключительно с вопросами финансового характера.

Список источников

1. Морозов С.Ю. Гражданское право (краткий курс). Учебное пособие. / [Боровинская Н.А и др.]; под ред. Н.М. Коршунова. / Морозов С.Ю. вопросы 67, 91-95, 104-107, 112, 113, 115, 120. – Ульяновск: РИО Ульяновского государственного университета, 2011.

2. Гончаров А. И., Садков В. А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 82-90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>;

3. Казаченок О. П. Особенности защиты прав потребителей – участников внешнеторгового оборота в условиях цифровизации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 41-46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.5>.

References

1. Morozov S. Yu. *Civil law (short course). Study guide.* / [Borovinskaya N.A. et al.]; edited by N.M. Korshunov. / Morozov S.Yu. questions 67, 91-95, 104-107, 112, 113, 115, 120. Ulyanovsk: University of Ulyanovsk State University; 2011. (In Russ.)

2. Goncharov A. I., Sadkov V. A. The legal nature of digital financial assets under the legislation of the Russian Federation. *Legal Concept.* 2023;22(2):82-90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11> (In Russ.)

3. Kazachenok O. P. Features of consumer protection – participants of foreign trade turnover in the conditions of digitalization. *Legal Concept.* 2021; 20(4):41-46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.5>. (In Russ.)

Информация об авторах

С. А. Пузиков – аспирант кафедры гражданского и международного частного права (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института права Волгоградского государственного университета.

А. И. Гончаров – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института права Волгоградского государственного университета.

Information about the author

S. A. Puzikov – Postgraduate Student of the Department of Civil and International Private Law (Basic Department of the UNC RAS) of Institute of Law of Volgograd State University.

A. I. Goncharov – Dr. Sci. (Jurid.), Professor of the Department of Civil and International Private Law (Basic Department of the UNC RAS) of Institute of Law of Volgograd State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принятая к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

EDN KACYCK

Влияние технологий искусственного интеллекта на права человека в сфере труда

Анна Борисовна Арзуманян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, rumi12@yandex.ru

Аннотация. В условиях стремительно развивающихся цифровых технологий на международных площадках и форумах все чаще обсуждается проблема отставания правового регулирования от существующих реалий общественных отношений. Особенно отчетливо эта проблема видна в «чувствительных» областях регулирования, связанных с реализацией и защитой основных прав человека. Настоящая статья посвящена анализу изменений, происходящих в трудовых отношениях в связи с развитием технологий искусственного интеллекта и робототехники, а также их влияния на права человека в сфере труда. Делаются предположения относительно тех обновлений, которые произойдут в праве в ближайшем будущем с учетом имеющихся тенденций в международных нормах и национальных законодательствах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международное право, права человека, робототехника, трудовые отношения

Для цитирования: Арзуманян А. Б. Влияние технологий искусственного интеллекта на права человека в сфере труда // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 127–132. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-127-132>. EDN KACYCK

Problems of Civil and Labor law

Original article

The impact of artificial intelligence technologies on human rights in labor relations

Anna B. Arzumanyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, rumi12@yandex.ru

Abstract. In the context of rapidly developing digital technologies, the problem of lagging legal regulation from the existing realities of public relations is increasingly being discussed on international platforms and forums. This problem is especially clearly visible in the "sensitive" areas of regulation related to the implementation and protection of fundamental human rights. This article is devoted to the analysis of changes taking place in labor relations in connection with the development of artificial intelligence and robotics, as well as their impact on human rights in the field of labor. Assumptions are made about the updates that will occur in the near future, taking into account the current trends in international norms and national legislation.

Keywords: artificial intelligence, robotics, labor relations, international law, human rights

For citation: Arzumanyan A. B. The impact of artificial intelligence technologies on human rights in labor relations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):129–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-129-134>. EDN KACYCK

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) влияют на многие процессы, происходящие в обществе. Далеко не все изменения носят позитивный характер, в связи с чем многие авторы высказывают опасения относительно самого существования прав человека в том виде, в котором они признаются сегодня в текстах важнейших международных актов и конституций государств¹. Поэтому неудивительно, что обсуждение вопросов регулирования ИИ выходит на наднациональный и международный уровень.

© Арзуманян А. Б., 2023

¹ Подробнее см.: [1, с. 151-159].

В фокусе внимания исследователей, представителей бизнеса и общества все чаще оказываются изменения рынка труда, вызванные внедрением систем ИИ и робототехники по всему миру. Особое опасение исследователей вызывает вторжение ИИ в сферу умственного труда [2, с.9-10], ранее принадлежавшую исключительно человеку. Генеральный директор компании IBM В. Рометти со сцены крупнейшей международной выставки потребительской электроники CES еще в 2019 г. подтвердила начало эры «широкого искусственного интеллекта», который находится между «узким» и универсальным, обладающим способностями человеческого мозга¹. По ее словам, сферу наемного труда ждут радикальные изменения. Эти изменения связаны с полным обновлением профессий, поэтому нужно готовить людей к труду «бок о бок» с технологиями ИИ.

Внедрение технологий ИИ отличается от технологических прорывов прошлого века скоростью происходящих изменений. Это означает, что работникам приходится постоянно адаптироваться к новым технологическим условиям и осваивать новые навыки, а иногда и профессии в пределах одного поколения, в то время как предшествующие индустриальные революции затрагивали хотя бы два поколения работников². По данным Международной Федерации робототехники³ в 2023 г. в мире используется более 3,5 млн единиц робототехники, а ее эффективность напрямую зависит от развивающихся технологий ИИ. Предприниматели активно используют технологии ИИ не только в производстве и сфере услуг, но также в управлении и подборе кадров.

Так как представители бизнеса в первую очередь заинтересованы в прибыли и эффективности производства, они готовы заменить работников робототехникой, как только это становится выгодно, т.е. когда затраты на робототехнику становятся значительно ниже затрат на работников-людей. С другой стороны, работодатели отмечают нехватку рабочих специальностей. Среди представителей молодых поколений эти специальности все менее популярны, а значит, с выходом на пенсию нынешних рабочих их некому будет заменить. Это делает внедрение робототехники еще более актуальным.

Технологии ИИ активно внедряют в сфере услуг: здравоохранения, розничной торговли, на транспорте, в финансовой и банковской сферах и других. Например, область профессиональной аналитики в бизнесе, где раньше задействовали специалистов-аналитиков, теперь использует для работы с массивами данных специальные системы класса Business Intelligence. В журналистике ИИ активно используют для генерации новостного контента; в продажах B2B – для оптимизации процессов продаж и прогнозирования результата и так далее. Происходящие изменения говорят о том, что многие специалисты уже сегодня работают в новых технологических условиях, а потребность в новых специалистах, готовых взаимодействовать с системами ИИ на более сложном уровне, постоянно растет.

По мнению И. А. Филиповой [3, с. 23-28], повсеместное распространение систем ИИ в ближайшем будущем связано со следующим: системы ИИ и киберфизические системы будут дешеветь, а их эффективность будет увеличиваться; будет расти количество интеллектуальных систем управления, способных оптимизировать производственные процессы; большая часть коммуникаций перейдет в виртуальную среду в связи с чем увеличится доля платформенной экономики. В результате этого: рабочие процессы максимально цифровизируются; многие существующие профессии исчезнут, им на смену придут новые, ориентированные на системы ИИ и киберфизические системы; увеличится взаимодействие «человек – система ИИ»; системы ИИ смогут «подменять» работодателя и принимать решения, касающиеся работников, на основе анализа собранных данных.

Наряду с положительными моментами, влияющими на положение работника, такими как возможность замены человека роботом в рутинных заданиях, возможность переключиться на задачи, требующие творческого подхода, специалисты в области права и экономики

¹ Глава IBM: ИИ изменит 100% профессий // URL: <https://hightech.plus/2019/01/09/glava-ibm-ii-izmenit-100-professii> (дата обращения: 29.11.2023).

² Подробнее см.: [7].

³ Top 5 Robot Trends 2023 // URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/top-5-robot-trends-2023> (дата обращения: 29.11.2023).

называют отрицательные последствия широкого внедрения систем ИИ. Так, американский экономист Дарон Асемоглу в числе основных рисков выделяет: чрезмерную автоматизацию труда; рост социального неравенства; снижение заработной платы; неспособность повысить производительность труда [8]. Основную проблему автор видит в том, что сегодня отношения по внедрению и использованию ИИ практически не регулируются. Первенство в разработке новейших технологий ИИ принадлежит небольшому числу IT-гигантов, для которых такая ситуация выгодна. Чем дольше нет жесткого регулирования ИИ, тем дольше сохраняется свобода действий корпораций. По мнению ученого, это будет иметь отрицательные последствия для работников как экономически слабой стороны трудовых отношений. В то же время, как отмечается в юридической литературе, сходство работы ИИ с работой человеческого мозга становится объективной причиной дискриминации в сфере труда [4, с. 30-32].

Дискуссия о необходимости правового регулирования ИИ уже имеет свою историю на международном уровне. В числе региональных организаций ведущая роль в этом вопросе принадлежит Европейскому Союзу, принявшему в мае 2023 г. Акт об ИИ¹ – первый документ, посвященный комплексному регулированию ИИ. В рамках ЕС и Совета Европы принято множество программных документов, касающихся влияния ИИ на права человека. Суммируя положения актов ЕС и Совета Европы, можно назвать следующие риски в сфере труда, связанные с применением систем ИИ: дискриминация при приеме на работу; нарушения при обработке персональных данных работников; размытие границ личного пространства работника; рост безработицы. В частности, риск исчезновения личного пространства под влиянием цифровой среды означает, что работник будет постоянно находиться под «наблюдением» машин. С помощью систем ИИ работодатель будет получать данные о психофизиологическом состоянии работника. Поскольку рабочие процессы будут выстраиваться по алгоритмам, созданным ИИ, велик риск дискриминации в управлении персоналом.

В последние несколько лет обсуждение необходимости правовых рамок ИИ ведется и на полях ООН. В ноябре 2021 г. под эгидой ЮНЕСКО принята Рекомендация об этических аспектах ИИ². Применительно к трудовой сфере в документе говорится, что государствам необходимо обеспечить: оценку и учет воздействия систем ИИ на рынок труда; образование и переподготовку работников как нынешнего, так и будущего поколения; социальную защиту работников; финансирование междисциплинарных исследований влияния ИИ на трудовые отношения.

На уровне ООН обсуждается необходимость принятия международного договора в этой области. Так, Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш, в сентябре 2021 года в докладе «Наша общая повестка дня» предложил создать Глобальный цифровой договор, одним из ключевых аспектов которого должно стать регулирование ИИ³. Тогда же Верховный комиссар по правам человека ООН Мишель Бачелет заявила о необходимости ввести мораторий на распространение технологий ИИ, нарушающих права человека⁴. В частности, это касалось технологий слежки в общественных местах и программ, анализирующих поведение людей. В своем докладе об ИИ и правах человека она настоятельно рекомендовала хотя бы на время отказаться от использования технологий ИИ, несущих высокие риски нарушения прав человека, среди которых особо отметила риски, связанные с дискриминацией.

2 ноября 2023 г., выступая на первом международном саммите по безопасному использованию ИИ, Генеральный секретарь ООН заявил⁵, что принципы безопасности ИИ должны

¹ The Artificial Intelligence Act // URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (дата обращения: 29.11.2023).

² Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf000381137> (дата обращения: 29.11.2023).

³ Глобальный цифровой договор // URL: <https://www.un.org/techenvoy/global-digital-compact>; ООН решила поучаствовать в регулировании ИИ // URL: https://octagon.media/mir/oon_reshila_pouchastvovat_v_regulirovaniii_ii.html (дата обращения: 29.11.2023).

⁴ Мишель Бачелет призвала ввести мораторий на использование систем искусственного интеллекта // URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409912> (дата обращения: 29.11.2023).

⁵ Антониу Гуттериш: принципы управления ИИ должны основываться на Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека // URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1446457> (дата обращения: 29.11.2023)

основываться на Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека. Среди долгосрочных последствий широкого использования ИИ он, в том числе, назвал нарушения на рынках труда.

Таким образом, международное сообщество в той или иной мере признает необходимость установления правовых рамок ИИ. Однако вполне возможно, что принятие международного договора произойдет еще нескоро. Основной причиной следует назвать сложность в выработке единых решений: ведь технологии ИИ используются во многих областях, тем труднее достигнуть согласованной позиции относительно тех международных обязательств, которые государства примут на себя. Другая причина видится в изменении существующего миропорядка и определенном кризисе международных отношений [5, с. 70]. В таких условиях конструктивный диалог между всеми заинтересованными сторонами вряд ли возможен в настоящий момент.

Некоторые изменения, связанные с распространением систем ИИ, происходят в национальных правопорядках. Так, во многих странах принято законодательство, регулирующее электронный документооборот между работниками, работодателями и контрольными органами государства. Отдельные государства (Франция, Нидерланды) на уровне закона закрепляют широко известную концепцию *lifelong learning*, устанавливая обязанность работодателей адаптировать работников к происходящим изменениям. Особое внимание во многих странах, в том числе в России, уделяется защите персональных данных работников¹. Важнейшей правовой характеристикой работы ИИ-систем становится их прозрачность, что помогает избежать дискrimинации при автоматизированном принятии решений [9, с. 442-450].

Очевидное негативное последствие внедрения ИИ – сокращение рабочих мест, занимаемых людьми. Специалисты дают очень разные прогнозы по безработице в связи с применением систем ИИ: от 2 млн до 2 млрд чел. к 2030 г. Тем не менее, риски массовой безработицы признают большинство исследователей. В качестве возможных решений предлагают:

универсальный (безусловный) базовый доход (*Universal Basic Income*): в тестовом режиме этот механизм уже реализуется в некоторых странах на уровне муниципалитетов;

введение налога на ИИ и «умных» роботов. С одной стороны, с учетом меняющейся занятости и оплаты труда будет снижаться налоговая база, поэтому государство должно будет скорректировать свою бюджетно-налоговую политику. С другой стороны, такой налог можно будет использовать для более плавного перехода к новым условиям на рынке труда.

При оценке рисков безработицы важно учитывать и уровни вовлеченности систем ИИ в сферу труда. Можно выделить четыре уровня, таких как *замена*, когда всю работу выполняет ИИ; *автоматизация*, в этом случае большую часть работы выполняет ИИ, человек ставит задачу и корректирует результат; *облегчение*, при котором ИИ выполняет только рутинную часть работы; *расширение возможностей*, когда ИИ используют только для ускорения выполнения задач.

Работодатели будут выбирать уровни вовлеченности только исходя из соображений экономической выгоды, вот почему для соблюдения баланса интересов необходима выработка четких правовых решений в этой области. От законодателя потребуется разработка правовой, экономической и социальной стратегии для решения проблем, связанных с технологической безработицей.

Например, Международная ассоциация юристов предлагает: создать перечень работ, которые будут выполнять только люди; определить правила взаимодействия людей и систем ИИ; установить квоты на рабочие места, занимаемые людьми².

На основе аналитических данных исследователи называют институты трудового права, которые изменятся в связи с распространением систем ИИ:

нормирование труда: необходимо учитывать перегрузки, с которыми столкнутся работники, взаимодействующие с системами ИИ;

организация и охрана труда: потребуется разработка стандартов безопасности труда при совместной работе людей и роботов. Риски могут быть связаны со стрессом от контакта

¹ Подробнее см.: [6, с. 92-105].

² Доклад IBA «Искусственный интеллект, роботизация и их влияние на рабочее пространство» // URL: https://www.academia.edu/44522942/IBA_Global_Employment_Institute_Artificial_Intelligence_and_Robotics_and_Their_Impact_on_the_Workplace (дата обращения: 29.11.2023).

человека с киберфизическими системами, от высокого темпа работы, от непредсказуемого поведения системы и другими;

гарантии и компенсации: действующую систему гарантий и компенсаций необходимо будет пересмотреть с учетом перестройки трудовых процессов, обусловленного внедрением систем ИИ;

переподготовка и повышение квалификации: повышенные обязательства работодателей в этих вопросах необходимы не только для защиты интересов работников, но и для удовлетворения потребностей работодателей в высококвалифицированных кадрах, готовых к работе с постоянно обновляющимися системами ИИ;

защита персональных данных: работодатели широко используют средства мониторинга деятельности работников, в том числе системы сбора и интеллектуального анализа данных (Big Data, Data Mining). Эти системы способны деобезличивать данные о работниках, то есть, нарушать существующие ограничения по сбору и обработке персональных данных работников. Проблема осложняется и тем, что цифровизация размыла границы между частной жизнью работника и его трудовой деятельностью. В итоге возросли риски «вторжения» работодателя в частную сферу работника;

дифференциация регулирования труда работников: трудовому праву свойственна дифференциация в зависимости от различных социальных и физических характеристик работника (труд несовершеннолетних, труд лиц с семейными обязанностями, труд инвалидов и т.п.). Высока вероятность, что к этому добавится труд работников с нейроимплантами (чипы, нейропротезы и другие устройства, которые восстанавливают утраченные способности или увеличивают возможности человека);

защита от дискриминации при приеме на работу; автоматизированные решения – одна из основных функций ИИ – уже сегодня задействована в сфере труда. Именно здесь может происходить дискриминация в зависимости от расы, возраста, семейного положения работников и даже места их проживания. Следовательно, необходимо добиваться максимальной прозрачности в принятии решений системой ИИ. Кроме того, человеку необходимо предоставить выбор: окончательное решение о приеме или отклонении кандидатуры работника должен принимать человек, а не машина;

формы трудовых отношений: потребуется регулирование новых форм занятости: удаленная работа, работа через интернет-платформы (где работник фактически может контактировать с системами ИИ, получать от них отклики и задания).

Подводя итог, отметим следующее. Развитие систем ИИ и их широкое использование в производстве и сфере услуг принципиально меняет трудовые отношения по всему миру, что безусловно отражается на правах человека в сфере труда. Наиболее высокие риски, на наш взгляд, связаны с дискриминацией при приеме на работу и в управлении персоналом (автоматизированные решения, принимаемые ИИ), а также с ростом безработицы.

На международном уровне существует четкое понимание необходимости установления правовых рамок ИИ, однако государства не готовы к принятию на себя обязательств в рамках международного договора ввиду отсутствия согласованной позиции по ряду вопросов, в частности, о пределах таких обязательств. В то же время принятие такого акта представляется на наш взгляд необходимым с целью установления правовых основ ИИ для защиты фундаментальных прав человека. При этом в сфере защиты трудовых прав следует закрепить обязанности государств:

- по соблюдению принципа недискриминации при применении систем ИИ в трудовых отношениях: за человеком нужно закрепить окончательное принятие решений, затрагивающих трудовые права людей, а также ответственность за эти решения;

- по обеспечению переподготовки и повышения квалификации работников в связи с вовлечением систем ИИ в сферу труда, реализации программ адаптации людей к работе с системами ИИ;

- по введению квот на рабочие места, занимаемые людьми, а также по разумному ограничению возможности работодателей сокращать рабочие места, занимаемые людьми, в связи с роботизацией трудовых процессов.

Список источников

1. Кашкин С. Ю. Искусственный интеллект и робототехника: возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в ЕС и мире // *Lex russica*. 2019. № 7 (152). С. 151–159.
2. Лескина Э. И. Влияние развития нейронных сетей на трудовые отношения // *Российская юстиция*. 2020. № 8. С. 9–12.
3. Филиппова И. А. Искусственный интеллект: горизонт влияния на трудовые правоотношения // *Юрист*. 2023. N 3. С. 23–28. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-3-23-28
4. Талапина Э. В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // *Журнал российского права*. 2020. N 10. С. 25 - 39. DOI: 10.12737/jrl.2020.118
5. Абашидзе А. Х. Изменение современного международного права в условиях цивилизационного противостояния // *Вестник Юридического факультета Южного федерального университета*. 2022. Т. 9. № 4. С. 69–74. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-9.
6. Филиппова И. А. Трудовое право при переходе к цифровому обществу: происходящие изменения и контуры будущего // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 3. С. 92—105. DOI: 10.12737/jrl.2021.036
7. Parker C. B. Artificial intelligence will both disrupt and benefit the workplace, Stanford scholar says. *Stanford News*, 2018 [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://news.stanford.edu/2018/05/17/artificial-intelligence-workplace/>
8. Daron Acemoglu, Pascual Restrepo: The wrong kind of AI? Artificial intelligence and the future of labor demand. NATIONAL BUREAU OF ECONOMIC RESEARCH. March 2019. [Electronic resource] – Access mode: URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3359482
9. Sartor G. Human Rights and Information Technologies // *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology* / ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. Oxford, 2017. P. 442-450. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.79.

References

1. Kashkin S. Yu. Artificial intelligence and robotics: the possibility of invasion of human rights and the legal regulation of these processes in the EU and the world. *Lex russica*. 2019;7(152):151–159. (In Russ.)
2. Leskina E. I. The impact of the development of neural networks on labor relations. *Russian justice*. 2020;(8):9–12. (In Russ.)
3. Filippova I. A. Artificial intelligence: the horizon of influence on labor relations. *Lawyer*. 2023;(3):23–28. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-3-23-28. (In Russ.)
4. Talapina E. V. Algorithms and artificial intelligence through the prism of human rights. *Journal of Russian Law*. 2020;(10):25–39. DOI: 10.12737/jrl.2020.118. (In Russ.)
5. Abashidze A. Kh. THe Changing of Contemporary International Law in THe Context of Civilizational Confrontation. *Bulletin of the Law Faculty of SFEDU*. 2022;9(4):69–74 (in Russ.). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-9. (In Russ.)
6. Filippova I. A. Labor law in the transition to a digital society: ongoing changes and contours of the future. *Journal of Russian Law*. 2021;25(3):92–105. DOI: 10.12737/jrl.2021.036. (In Russ.)
7. Parker C.B. *Artificial intelligence will both disrupt and benefit the workplace*, Stanford scholar says. *Stanford News*, 2018. Available from: <https://news.stanford.edu/2018/05/17/artificial-intelligence-workplace/>
8. Daron Acemoglu, Pascual Restrepo: *The wrong kind of AI? Artificial intelligence and the future of labor demand*. NATIONAL BUREAU OF ECONOMIC RESEARCH. March 2019. Available from: URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3359482
9. Sartor G. Human Rights and Information Technologies. In: *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology*. R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung (eds.). Oxford; 2017. P. 442-450. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.79.

Информация об авторе

А. Б. Арзуманян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Южного федерального университета.

Information about the author

A. B. Arzumanyan – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor of the Department of International Law at the Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.
Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принятая к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 135–138
North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(4):135–138

Проблемы уголовного и процессуального права

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-135-138>

EDN KLURHK

Без установления истины нет справедливого судопроизводства

Юрий Алексеевич Ляхов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, Ljakhoff.yu@yandex.ru

Аннотация. В статье обоснована необходимость законодательного закрепления цели уголовного судопроизводства – установление истины по уголовному делу. Без направленности на установление истины по делу нет уголовно-процессуальной деятельности; она не может быть справедливой.

Ключевые слова: цель уголовного процесса, сущность уголовного судопроизводства, справедливость уголовно-процессуальной деятельности, взаимосвязь истины и справедливости в уголовном процессе

Для цитирования: Ляхов Ю. А. Без установления истины нет справедливого судопроизводства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 135–138. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-135-138>. EDN KLURHK

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Without establishing the truth, there is no fair trial

Yurij A. Lyakhov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, Ljakhoff.yu@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the need to legislatively consolidate the purpose of criminal proceedings – establishing the truth in a criminal case. Without a focus on establishing the truth in a case, there is no criminal procedural activity; it cannot be fair.

Keywords: the purpose of the criminal process, the essence of criminal proceedings, the fairness of criminal proceedings, the relationship between truth and justice in criminal proceedings

For citation: Lyakhov Yu. A. Without establishing the truth, there is no fair trial. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):135–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-135-138>. EDN KLURHK

Истина и справедливость – базовые и тесно связанные между собой понятия в уголовном судопроизводстве. Без оперирования в конечных судебных решениях установленными достоверными обстоятельствами, принимать решения, ограничивающие права личности, нельзя. В настоящее время это прямо (хотя и ограниченно) закреплено в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Раскрывая содержание принципа презумпции невиновности, в ч. 4 ст. 14 УПК РФ законодатель прямо запрещает выносить обвинительный приговор на предположениях. Более того, в п. 4 ст. 302 УПК РФ предусмотрено, что «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении

преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств». Здесь законодатель имеет ввиду обязательное установление истины для вынесения обвинительного приговора. Это – регламентация очень важной части уголовного судопроизводства, но все же она относится лишь к его части и не затрагивает многие другие случаи (прекращение уголовного дела, применение принудительных мер медицинского характера и др.). Да и само понятие «истина» в анализируемом законодательном положении описывается, раскрывается, но не используется как термин.

В действующем УПК РФ законодатель нигде не использует (кроме названного случая) понятия истина; упоминания об этом важном положении нет. Случайно ли это?

Уголовное судопроизводство России, как и уголовный процесс европейских континентальных стран (Франция, Германия и др.) строился (и сейчас является таковым) на основе обязанности установления истины по делу. Этим, прежде всего, континентальный уголовный процесс отличается от англо-саксонского уголовного судопроизводства, в котором состязательность сторон вытеснила обязанность установления истины по делу.

Уголовный процесс дореволюционной России строился по образу европейской континентальной системы права. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года была законодательно закреплена цель установления истины по делу. Согласно ст.ст. 265 и 613 Устава уголовного судопроизводства и судебный следователь, и суд обязаны были направлять свою деятельность на «раскрытие истины». А ст. 613 УУС обязывала председателя суда направлять «ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины».

В советском уголовно-процессуальном законодательстве «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных» ставилось в качестве задачи уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР). Кроме того законодатель требовал от суда, прокурора, следователя и лиц, производящих дознание принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР). Иными словами, цель установления истины по уголовному делу в советский период не подвергалась сомнению.

О значении для справедливого уголовного процесса установления истины по делу многократно писал выдающийся ученый юрист М. С. Строгович [1, с. 131–135]. Он характеризовал истину в уголовном процессе как объективную (материальную) и предлагал возвести положения о ней в качестве принципа, закрепив их в уголовно-процессуальном кодексе.

При всей важности установления истины по уголовному делу, не менее важным является вопрос о том, кто из участников процесса обязан устанавливать истину. Как видим, до нынешнего УПК РФ 2001 года, эту обязанность законодатель возлагал в равной мере на суд, прокурора, следователя и органы дознания. При таком построении уголовного процесса, при котором на суд возлагается обязанность устанавливать (доказывать) все обстоятельства дела, в том числе и виновность лица в совершении преступления, превращает уголовный процесс в обвинительный, инквизиционный.

Поэтому важным демократическим изменением нашего уголовно-процессуального законодательства было исключение суда из числа участников процесса, обязанных устанавливать все обстоятельства дела, устанавливать истину. Сделано это было за счет построения уголовного судопроизводства на основе принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ).

Но, реформируя в указанном направлении уголовно-процессуальное законодательство РФ, законодатель убрал из текста закона не только суд, обязанный устанавливать истину по делу, но и всех других участников процесса. То есть по закону сейчас никто не обязан устанавливать истину по делу. Получается как в той поговорке: «вместе с водой выплынули и ребенок».

Отказ от института истины в уголовном процессе России – это по сути дрейф в сторону англо-саксонского уголовного судопроизводства. Это отказ от важного положения о том что только на истинных знаниях может быть основано справедливое судебное решение.

По сути на англо-саксонской теории уголовного судопроизводства построены и многочисленные суждения российских ученых о пассивной роли суда (судьи) в российском состязательном уголовном процессе. Освобождение суда от обязанности устанавливать все обстоятельства дела (и виновность подсудимого в том числе) согласно принципу состязательности сторон, отнюдь не превращает суд в пассивного безучастного субъекта судебного разбирательства. Суд должен инициативно и активно проверять представленные сторонами доказательства, если они у суда вызывают сомнения. Только в этом случае в судебном разбирательстве будут установлены действительные обстоятельства дела и постановлен законный обоснованный и справедливый приговор.

По нашему мнению, для четкого определения полномочий должностных лиц, участвующих в состязательном уголовном процессе, в УПК РФ необходимо внести следующие изменения.

Дополнить ст. 15 УПК РФ – состязательность сторон – пунктом 3-а следующего содержания: «Суд обязан активно участвовать в исследовании представленных сторонами доказательств, при необходимости тщательно их проверять для того, чтобы при возможности установить объективную истину по делу и вынести законный, обоснованный и справедливый приговор».

Учитывая важность установления истины по уголовному делу, дополнить ст. 6 УПК РФ, определяющую назначение уголовного судопроизводства, частью 2 следующего содержания: «Выполнение назначения уголовного судопроизводства может быть достигнуто только тогда, когда все участники уголовного судопроизводства – государственные органы и должностные лица – будут стремиться установить объективную истину по уголовному делу, используя для этого все предоставленные им законом полномочия».

По нашему мнению, национальной особенностью российского уголовного судопроизводства является активная роль суда, в рамках состязательности сторон, в установлении истины по рассматриваемому в суде уголовному делу.

Истина и справедливость в уголовном процессе действительно тесно связанные понятия, потому что в их основе лежит объединяющее свойство, относящееся к сущности рассматриваемых явлений. Но они, естественно, являются и сложными, многозначными явлениями. Из этого отнюдь не следует, что, например, справедливость уголовного процесса нельзя четко определить, поскольку у каждого исследователя свое представление о должном, справедливом. Нам представляется, что справедливость, принцип справедливости уголовного судопроизводства вполне определенное, четкое, имеющее собственное содержание понятие.

Содержанием справедливости уголовного процесса является соответствие процессуального решения или процессуального действия сущности уголовного процесса, то есть направленности его на установление действительно виновных в совершении преступления, а при установлении виновного – справедливое определение последствий этого [2].

Справедливость уголовного процесса как и законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ) охватывает все производство по делу. Справедливость – сущностная черта, сущностная характеристика уголовного судопроизводства, всех его действий и решений, за пределами которой нет самого уголовного судопроизводства.

Поскольку истинность и справедливость характеризуют основные, коренные свойства уголовного судопроизводства, то естественно должны быть отнесены к принципам уголовного процесса и законодательно закреплены в главе 2 УПК РФ как принципы [3].

В заключение хочется отметить, что правильное понимание и соблюдение принципов уголовного судопроизводства обеспечивает эффективность судопроизводства, повышает авторитет суда и правоохранительных органов [4–5].

Список источников

1. Стrogович М. С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. М., 1968.
2. Ляхов Ю. А. Приоритеты уголовно-процессуального законотворчества // Государство и право. 2010. № 9. С. 43–48.

3. Ляхов Ю. А. Принцип справедливости судебного разбирательства в уголовном процессе // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. № 2. С. 102–105.
4. Ляхов Ю. А. Надо ли устанавливать истину по уголовному делу // Закон. 2015. № 1. С. 107–110.
5. Ляхов Ю. А. Агностицизм не может быть в основе справедливого судопроизводства // Государство и право. 2018. № 11. С. 126–129.

References

1. Strogovich M. S. *The course of the Soviet criminal process*. Volume 1. Moscow; 1968. (In Russ.)
2. Lyakhov Yu. A. Priorities of criminal procedure lawmaking. *State and law*. 2010;(9):43–48. (In Russ.)
3. Lyakhov Yu. A. The principle of fairness of judicial proceedings in criminal proceedings. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2022;(2):102–105. (In Russ.)
4. Lyakhov Yu. A. Is it necessary to establish the truth in a criminal case. *Law*. 2015;(1):107–110. (In Russ.)
5. Lyakhov Yu. A. Agnosticism cannot be the basis of a fair trial. *State and law*. 2018;(11):126–129. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. А. Ляхов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СКАГС, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета.

Information about the author

Yu. A. Lyakhov – Dr. Sci. (Jurid.), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Professor of North Caucasus Academy of Public Administration, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Faculty of Law of the Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.11.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 11.11.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 21.11.2023.

Участие несовершеннолетних в террористических сообществах и организациях: анализ международных стандартов и отечественного законодательства

Наталья Юрьевна Лазарева

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lazareva-ny@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3427-5278>

Аннотация. Вербовка детей в террористические организации – мировой тренд, неизменная черта современного терроризма, требующая своевременного и жесткого реагирования со стороны национальных государств, а также международного сотрудничества в сфере защиты детей, оказания им помощи с тем, чтобы свести к минимуму те риски, которым подвергаются эти дети. В статье на основе исследования международно-правовых норм раскрывается статус детей, завербованных вооруженными, в том числе террористическими организациями, а также проведен анализ отражения таких норм и обязательств в российском законодательстве и правоприменительной практике. Делается вывод о том, что растущее число детей в возрасте до 18 лет, вовлеченных в деятельность, связанную с терроризмом, требует соответствующего реагирования со стороны государств, основанного на международном праве, соблюдении прав человека и верховенстве закона.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, минимальный возраст уголовной ответственности, несовершеннолетний, преступления террористического характера, терроризм, участие в террористических организациях

Для цитирования: Лазарева Н. Ю. Участие несовершеннолетних в террористических сообществах и организациях: анализ международных стандартов и отечественного законодательства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 139–146. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-139-146>. EDN LMQGXC

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Participation of minors in terrorist communities and organizations: analysis of international standards and domestic legislation

Natalia Yu. Lazareva

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lazareva-ny@ranepa.ru

Abstract. Recruitment of children into terrorist organizations is a global trend, an unchanging feature of modern terrorism, requiring a timely and tough response from national states, as well as international cooperation in the field of protecting children, providing assistance to them in order to minimize the risks to which these children are exposed. Based on a study of international legal norms, the article reveals the status of children recruited by armed, including terrorist organizations, and also analyzes the reflection of such norms and obligations in Russian legislation and law enforcement practice. It concludes that the growing number of children under 18 years of age involved in terrorism-related activities requires an appropriate response from states based on international law, respect for human rights and the rule of law.

Keywords: terrorism, minor, crimes of a terrorist nature, involvement of minors in committing a crime, minimum age of criminal responsibility, participation in terrorist organizations

For citation: Lazareva N. Yu. Participation of minors in terrorist communities and organizations: analysis of international standards and domestic legislation. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2023;(4):139–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-139-146>. EDN LMQGXC

Несмотря на то, что вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера – неизбежный продукт современного глобализирующегося информационного общества, явление это, увы, не новое. Почти 20 лет назад в докладе Грасы Машел «Воздействие вооруженных конфликтов на детей» было обращено внимание международного сообщества на масштабы и последствия вербовки и использования детей вооруженными силами и вооруженными группами, в том числе террористическими. Принятая на основе этого доклада Резолюция ООН 51/77 положила начало формированию нового диалога между государствами-членами в части признания необходимости уделения особого внимания положению детей в зонах вооруженных конфликтов.

Общепризнано, что несовершеннолетние в силу своих психологических характеристик (недостаточность жизненного опыта, психологическая незрелость, доверчивость, повышенная внушаемость, боязнь осуждения со стороны сверстников, склонность к подражанию и пр.) и остроты восприятия окружающей обстановки являются наиболее уязвимой перед лицом терроризма социально-демографической группой. По словам исполнительного директора Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) Кэтрин Рассел, «дети живут в мире, который становится все более враждебным по отношению к их правам. Сегодня 400 млн детей – примерно каждый пятый ребенок – живут в зонах конфликтов или спасаются из них бегством. Многие из этих детей получают ранения, погибают или подвергаются сексуальному насилию. Они теряют членов семьи и своих друзей, а некоторые вербуются и используются вооруженными силами или группировками. Многие из таких детей были вынуждены многократно перемещаться, подвергаясь риску быть разлученными со своими семьями, утратить важные годы обучения и потерять связь со своими местными сообществами. Организацией Объединенных Наций подтверждено более 315 000 случаев грубого нарушения прав детей в зонах конфликта в период с 2005 по 2022 год. И это только те случаи, которые были проверены, а значит, истинное количество нарушений наверняка гораздо выше»¹.

Действительно, реальные масштабы использования детей в террористических целях страшно представить, зачастую информация становится доступной только после смерти детей, когда их прославляют как мучеников и раскрывается их страна происхождения. Но некоторые данные международным организациям всё же удается собрать: так согласно Докладу Генерального Секретаря ООН только одной террористической организацией «Боко Харам», начиная с 2009 г. было завербовано более 8000 детей, которые участвовали в нападениях и боевых действиях. За период вооруженного конфликта в Сирии с 16 ноября 2013 г. по 30 июня 2018 г. было выявлено 3377 случаев (3150 мальчиков и 227 девочек), завербованных террористами, при этом 82% из них участвовали в выполнении боевых задач (охрана контрольно-пропускных пунктов, участие в патрулировании и в операциях на передовых линиях, использовались как террористы-смертники, а также при осуществлении казней), при этом каждый третий из завербованных детей был в возрасте до 15 лет².

¹ Рассел К. Дети живут в мире, который становится все более враждебным по отношению к их права – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://www.unicef.org/eca/ru/Пресс-релизы/«дети-живут-в-мире-который-становится-все-более-враждебным-по-отношению-к-их-правам»> (дата обращения: 20.11.2023).

² Доклад Генерального Секретаря ООН от 30 октября 2018 г. «Дети и вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике» – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/350/54/PDF/N1835054> (дата обращения: 14.11.2023).

В 2022 г. Организация Объединенных Наций подтвердила имевшие место в предыдущие годы случаи вербовки «Талибаном» 494 мальчиков в возрасте 11-17 лет и их использование в качестве комбатантов и для выполнения вспомогательных функций. В целом, в период с 2016 г. по 2020 г. ООН подтвердила вербовку в среднем 8 756 детей в год¹.

Еще одна тревожная тенденция, свидетельствующая о том, что вербовка детей в террористические организации становится широко распространенным явлением – это наличие и увеличение количества лагерей по подготовке будущих террористов, где проводится не только военная подготовка детей, но их идеологическая обработка. Подростков превращают в смертоносное оружие, лишая детства и обрекая на мрачное будущее.

Приведенные данные отчетливо свидетельствуют об уязвимости несовершеннолетних перед террористической угрозой, поэтому вполне оправдано признание в Российской Федерации в качестве угрозы безопасности детей их вовлечение в преступную деятельность (Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 г.»²). В п.8 указанной Стратегии отмечена необходимость формирования у детей стойкого неприятия идеологии терроризма и экстремизма, а также противодействия вовлечению детей в деструктивные сообщества и преступные группировки.

В Российской Федерации нет (по крайней мере, в открытом доступе) информации о том, сколько всего несовершеннолетних было вовлечено в террористическую деятельность, поэтому мы можем анализировать только статистические данные о вовлечении в совершение любых преступных деяний, запрещенных уголовным законодательством под угрозой наказания. Несмотря на достаточно позитивные данные отечественной официальной статистики, свидетельствующей о снижении в 2022 г. количества зарегистрированных случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность на 15,7% по сравнению с 2021 г., тем не менее, актуальность противодействия этому противоправному явлению очевидна. По заявлению Генерального прокурора РФ И. Краснова, в 2022 г. в России было совершено 127 террористических актов, в 13 из них принимали участие несовершеннолетние³.

В настоящей статье представлен анализ существующих международных стандартов, а также норм отечественного законодательства в области отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступлений террористической направленности.

Дети, завербованные террористическими группировками, с точки зрения норм международного права есть жертвы терроризма, а значит, и обращение с ними, возможное уголовное преследование, реабилитация и реинтеграция должны основываться на понимании этого статуса.

Дети могут пострадать от терроризма по-разному – стать прямыми жертвами терактов, свидетелями насилия или, собственно, самими преступниками-террористами, которые с помощью оружия непосредственно участвуют в совершении террористических актов, в том числе и в качестве смертников. Как было отмечено, с каждым годом растет количество детей, завербованных террористическими группировками внутри или за пределами своей страны: некоторых похищают или насильно вовлекают в преступную деятельность, некоторых соблазняют обещаниями денег или других материальных преимуществ, другие присоединяются добровольно, а некоторые практически не имеют другого выбора, кроме как сопровождать своих родителей или других членов семьи в зоны военных конфликтов, где их участие во многом предрешена.

¹ Информационный бюллетень ЮНИСЕФ «Дети, живущие в условиях вооруженного конфликта», 2022 год – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://www.un.org/ru/observances/child-victim-day> (дата обращения: 14.11.2023).

² Указ Президента РФ от 17.05.2023 N 358 "О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года" // Официальный интернет-портал правовой информации – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <http://pravo.gov.ru>, 17.10.2023

³ В 2022 году в России зарегистрировано 13 терактов с участием несовершеннолетних // Интерфакс. 26.04.2023 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://www.interfax.ru/russia/897807> (дата обращения: 15.11.2023 г.).

Для понимания статуса таких детей обратимся к международным документам, прежде всего, к Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959 г.¹ и Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.², которые были приняты и одобрены Генеральной Ассамблеей ООН. Так, в соответствии с указанной Декларацией ребенок нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту (преамбула), законом и другими средствами ему должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены благоприятные условия, позволяющие развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства (принцип 2), а равно он должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации (принцип 9). Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. также обязывает государства обеспечивать ребенку такую защиту и заботу, которые нужны для его благополучия (ст. 3), принимать все законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью его защиты от всех форм физического или психологического насилия, оскорблений или злоупотребления (ст. 19), защищать ребенка от всех форм эксплуатации, наносящих ущерб любому аспекту его благосостояния (ст. 36). Помимо сказанного, Конвенция о правах ребенка, реагируя на современные вызовы и угрозы, была дополнена рядом Факультативных протоколов. Один из них, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, закрепил запрет вербовки и использования в военных действиях лиц, не достигших 18-летнего возраста (ч.1 ст. 4). Подобное «жесткое выдерживание критерия достижения 18 лет» требует, чтобы государства-участники принимали все возможные меры в целях предупреждения такой вербовки и использования детей, включая принятие правовых мер, необходимых для криминализации такой практики (ч. 2 ст. 4)³.

Россияratифицировала данный документ с заявлением относительно предоставления права лицам, достигшим 16-летнего возраста поступать в военные образовательные учреждения профессионального образования. Как видим, эта оговорка относится исключительно к законным вооруженным формированиям. В отношении незаконных, в том числе террористических, Россия придерживается однозначной позиции о недопустимости подобных действий и предпринимает все возможные меры, чтобы противостоять этому, в том числе посредством мер уголовно-правового воздействия.

Относительно остальных положений, цели российской государственной политики в отношении детей полностью согласуются с вышеуказанными документами Организации Объединенных Наций и направлены на обеспечение в приоритетном порядке защиты достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, что предполагает принятие законодательных мер с целью обезопасить каждого ребенка от неблагоприятного воздействия на его психику, которое может существенно повлиять на его развитие.

Проведенный анализ международных правовых документов показал, что дети, завербованные террористами, рассматриваются как жертвы терроризма, жертвы нарушения международного права. Такой подход мы можем видеть, например, в Резолюции Совета Безопасности «Дети и вооруженные конфликты», принятой на 8305-м заседании 9 июля 2018 г.⁴ Эта же позиция отражена и в уже рассмотренном Докладе Генерального секретаря ООН от 30 октября 2018 г.: «Всех детей, предположительно связанных с противоборствующими

¹ Декларация прав ребенка. Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов.- М.: Юридическая литература, 1990. С. 385 – 388.

² Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 //Сборник международных договоров СССР", выпуск XLVI, 1993.

³ "Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах" (Принят в г. Нью-Йорке 25.05.2000 Резолюцией 54/263 на 97-ом пленарном заседании 54-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2009. N 5. С. 10 - 15.

⁴ Резолюция 2427 (2018), принятая Советом Безопасности на его 8305-м заседании 9 июля 2018 года // Официальный сайт Совета Безопасности ООН – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/216/83/PDF/N1821683.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.11.2023).

вооруженными силами или вооруженными группировками, следует рассматривать, прежде всего, как жертв вербовки и использования»¹. В Справочнике, подготовленное Контртеррористическим центром ООН, предусмотрен специальный параграф 1.3.1 «Обращение с детьми, прежде всего, как с жертвами»².

При этом важно, что в международных документах обосновывается надуманность разницы между добровольной и принудительной вербовкой детей в террористические организации. Получается, что признавая, с одной стороны, детей в качестве самостоятельных субъектов права, с другой – отрицается факт абсолютно добровольного, намеренного вступления ребенка в эти деструктивные группировки. Полагаем, что эта позиция справедлива, поскольку дети как наиболее уязвимые, легко манипулируемые члены общества, в конечном счете, принимают эти решения под воздействием давления, уговоров, принуждения со стороны взрослых вовлекателей.

Отметим, что данный подход воспринят и отечественной правоприменительной практикой. В качестве примера – Постановление Конституционного суда РФ № 26-П от 25 мая 2023 г. по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой. В этом Постановлении, в частности, отмечено, что «детство – это период физической, умственной и психологической незрелости и одновременно важнейший этап развития человека, когда закладываются основы личности и в ходе подготовки к полноценной жизни в обществе формируются социальная и творческая активность, моральные качества, мировоззрение и взгляды, определяющие жизненные принципы и перспективы»³. В этой связи не может быть обойден вниманием – с учетом нравственной и психологической незрелости несовершеннолетнего – фактор влияния на него третьих лиц как причины или условия совершения преступления, требующий оценки личности и деяния как самого несовершеннолетнего, так и повлиявших на него лиц.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, обусловливается в ряду прочего тем, что до совершеннолетия формирование личности считается незавершенным. Детская и подростковая психика отличается подвижностью, незрелостью и неустойчивостью к внешнему влиянию (внушаемостью), ввиду чего такое негативное воздействие со стороны взрослого, как вовлечение в совершение преступления, не только подталкивает ребенка к противоправному поведению, но и нарушает процессы его нормальной социализации и нравственно-психического развития (созревания) личности. Устанавливая ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, законодатель дал оценку опасности такого рода деяния, учитывая в том числе посягательство на нормальное физическое, психическое и нравственное развитие и воспитание несовершеннолетнего и особенности восприятия ребенком социального значения своих поступков, степень внушаемости и податливости внешнему воздействию, пусть не достигающему типичных характеристик физического или психического насилия, но способному причинить вред складывающейся личности.

По смыслу ст. 150 УК РФ с учетом ее места в данном Кодексе несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления любым способом, в том числе не связанным

¹ Доклад Генерального Секретаря ООН от 30 октября 2018 г. «Дети и вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике» – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/350/54/PDF/N1835054> (дата обращения: 14.11.2023).

² Дети, затронутые действиями иностранных боевиков: подход, основанный на обеспечении прав ребенка. Справочник, подготовленный Контртеррористическим центром ООН. – [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/19-22775-r-dpa-ftf_han (дата обращения: 23.11.2023).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 N 26-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой" // Собрание законодательства РФ. 05.06.2023, № 23 (Часть II), ст. 4272.

с применением к нему физического или психического принуждения, во всяком случае становится жертвой (потерпевшим в уголовно-правовом смысле) самостоятельного преступного посягательства со стороны взрослого, оказываясь под его пагубным влиянием, способным сформировать (упрочить) ложное представление о допустимости противозаконного поведения, пренебрежительного или негативного отношения к правам и свободам других лиц, к ценностям общества и государства.

Тем самым, по смыслу положений ст. 150 УК РФ и ст. 42 УПК РФ, лицо подлежит признанию потерпевшим по уголовному делу о его вовлечении в совершение преступления в период несовершеннолетия, с которым связываются дополнительные гарантии защиты прав таких участников уголовно-правовых отношений, учитывающие их социальные, возрастные и психофизиологические особенности, независимо от способа такого вовлечения и от последующего достижения совершенолетия. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл ч. 4 ст. 150 УК РФ и ч. 1 ст. 42 УПК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике¹.

Как видим, Конституционный суд РФ формирует однозначный подход правопримениеля к признанию несовершеннолетнего, вовлеченного в преступную деятельность, потерпевшим (жертвой), независимо от способа такого вовлечения. Таким образом, на наш взгляд, закладываются основы для расширения этого общеобязательного подхода на иные уголовно-правовые нормы, затрагивающие права несовершеннолетних.

Привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности за связь с террористическими организациями: проблемы установления минимального возраста уголовной ответственности за содействие террористической деятельности.

Итак, с позиции международного гуманитарного права, дети, завербованные террористами, есть жертвы, а значит, и обращение с ними, возможное уголовное преследование должны основываться на понимании этого статуса. Особую обеспокоенность международного сообщества вызывает факт привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних за связи с вооруженными группами, в том числе с группами, которые были отнесены Организацией Объединенных Наций к категории террористических. По данным ООН в 2022 г. было зарегистрировано 2496 подобных случаев.

В докладах международных организаций обращено внимание на достаточно широкое толкование термина «терроризм» в национальном законодательстве отдельных стран, в связи с чем, допускается привлечение к ответственности даже за действия, которые, по сути, не являются преступными, например, приготовление пищи, уборка помещений, приобретение продуктов. Это приводит к тому, что дети «привлекаются к уголовной ответственности за связь с террористическими группами, даже за незначительное участие, вместо того, чтобы относиться к ним как к жертвам расчетливой идеологической обработки со стороны вербовщиков»². Факты свидетельствуют о том, что идеология не основной, не самый важный фактор, побуждающий детей присоединяться к террористическим группам. Скорее психологический дистресс, социальная изоляция, травмирующий опыт, потеря близких, остракизм и дискриминация, манипуляция или принуждение являются теми ключевыми факторами, которые побуждают детей присоединяться к террористическим группировкам.

В международных докладах обращается внимание на то, что идеология, если она присутствует, для подростков может быть оправданием постфактум; лишь со временем по-средством идеологической обработки дети становятся более преданными террористической

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 N 26-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой" // Собрание законодательства РФ. 05.06.2023, N 23 (Часть II), ст. 4272.

² Дети, затронутые действиями иностранных боевиков: подход, основанный на обеспечении прав ребенка. Справочник, подготовленный Контртеррористическим центром ООН. – [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/19-22775-r-dpa-ftf_han (дата обращения: 23.11.2023).

организации. Именно поэтому национальные антитеррористические программы должны быть сосредоточены на восстановление благополучия ребенка и обеспечение его интеграции и принятия в общество.

Несмотря на высказанные рекомендации, к детям, связанным с вооруженными группировками, относятся через призму безопасности, а не через призму прав ребенка или его защиты. Здесь уместно напомнить о тех общих принципах, определяющих международные стандарты отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. К ним, прежде всего, относится принцип «меньшей виновности», связанный с особенностями физического и психического развития детей, что рекомендует национальным государствам создавать отдельную систему, предполагающую дифференцированный подход.

Не менее важным является установление минимального возраста, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности. Несмотря на то, что ни в одном международном документе не указан однозначно этот минимальный возраст, тем не менее, рекомендовано увеличить минимальный возраст до 14 лет (как минимум), при этом высказывается «признательность» тем государствам, которые установили более высокий возраст наступления уголовной ответственности – 15 или 16 лет. В тоже время, в международных документах, например, в Замечании общего порядка № 24 (2019) о правах ребенка обозначена обеспокоенность практикой, «допускающей использование более низкого минимального возраста уголовной ответственности в случаях, когда, например, ребенок обвиняется в совершении серьезного преступления. Такая практика обычно возникает в ответ на давление общественности и не основана на рациональном понимании развития детей»¹. Напомним, что в России действует именно такой подход: согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ общий возраст привлечения к уголовной ответственности – это 16 лет, а за ряд преступлений, исчерпывающий перечень которых приведен в ч. 2 ст. 20 УК РФ, в том числе за совершение отдельный преступлений террористического характера, возраст уголовной ответственности снижен до 14 лет.

На необходимость особого обращения с детьми, вовлеченными в вооруженные конфликты, в том числе и посредством участия в террористических актах, обращено внимание в Обзоре Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, где прямо прописано, что со всеми детьми, связанными с террористическими группами, следует «обращаться таким образом, чтобы это отвечало их правам, достоинству и потребностям сообразно применимым нормам международного права, и, в частности, обязательствам в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, с учетом их потенциального статуса жертв терроризма, а также других нарушений норм международного права»². Упомянутая в этом контексте Конвенция, в частности, в ст. 37, гарантирует неприменение смертной казни, пожизненного лишения свободы, а также иных бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, в том числе предписывает государствам-участникам предпринимать все необходимые меры для того, чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой.

Анализ российского антитеррористического законодательства, связанного с противодействием вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность, с очевидностью свидетельствует о его полном соответствии международным стандартам. Как было отмечено, Россия гарантирует невовлеченность несовершеннолетних в вооруженные конфликты, в том числе соблюдает правило о прохождении военной службы исключительно лицами, достигшими 18-летнего возраста. Что же касается вовлечения несовершеннолетних в деятельность вооруженных, в том числе, террористических группировок, то российское

¹ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 24 (2019) о правах детей в системе правосудия в отношении детей (CRC/C/GC/24), пункт 25. – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://docstore.ohchr.org/> (дата обращения: 23.11.2023).

² Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, резолюция 72/284 Генеральной Ассамблеи – [Электронный ресурс] – Режим доступа –URL: <https://docstore.ohchr.org/> (дата обращения: 23.11.2023).

уголовное законодательство весьма жестко реагирует на подобные проявления. Так, Уголовный кодекс в ч. 4 ст. 150 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Кроме того, в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ предусмотрена ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица, причем не только несовершеннолетнего, в совершение одного из указанных в диспозиции статьи преступления террористического характера.

В то же время, необходимо обозначить те отступления, которые Россия допускает при криминализации вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность. Прежде всего, отметим уже упомянутую нами возможность снижения возраста уголовной ответственности за ряд преступлений, в том числе террористического характера (ч. 2 ст. 20 УК РФ), что с точки зрения Комитета ООН по правам ребенка является «ущербной практикой», от которой следует избавиться.

Вторым, весьма противоречивым и спорным моментом, является рекомендация Контртеррористического центра ООН о непривлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних за участие в вооруженной группе или принадлежность к ней, поскольку вербовка и использование детей вооруженной группой является нарушением их прав. Это означает, что детям не должны предъявляться обвинения в связях с террористической группой; необходимо направить усилия на выявление и уголовное преследование тех взрослых лиц, которые вербовали детей и манипулировали ими¹. При этом российское уголовное законодательство именно за факт участия в террористическом сообществе или организации предусматривает и вовсе снижение возраста уголовной ответственности до 14 лет.

Полагаем, что с учетом международных рекомендаций, которые в большинстве были восприняты Российской Федерацией и отражены в национальном законодательстве, следует сделать еще один шаг, направленный на гуманизацию уголовного законодательства и свидетельствующую о полном признании отечественным законодателем того факта, что несовершеннолетние – это не полноправные участники террористических организаций, а всего лишь орудие в руках опытных вербовщиков, по сути, жертвы терроризма, а значит и устанавливать уголовную ответственность лишь за принадлежность к такой деструктивной группе (ст. 205.4 УК РФ и ст. 205.5 УК РФ) для данной категории лиц излишне. В то же время, признавая, что в текущей ситуации сделать это будет достаточно проблематично, предлагаем сделать первый шаг – поднять возраст уголовной ответственности по названным статьям до 16 лет, а в дальнейшем, при позитивном развитии криминальной ситуации вернуться к этому вопросу и учесть международные рекомендации.

Информация об авторе

Н. Ю. Лазарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

N. Yu. Lazareva – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 06.12.2023.

The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 06.12.2023.

¹ Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, резолюция 72/284 Генеральной Ассамблеи – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://docstore.ohchr.org/> (дата обращения: 23.11.2023).

К вопросу о неравенстве proceduralных прав и proceduralных возможностей участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения

Николай Викторович Веретенников

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, veretennikovnv@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4762-3275>

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с неравными proceduralными правами и proceduralными возможностями участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. В статье проанализированы наиболее проблемные вопросы сложившейся правоприменительной практики в указанной сфере, приведены наиболее характерные примеры отсутствия proceduralного равноправия участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, недостаточности прав и proceduralных возможностей таких участников, как потерпевший и гражданский истец в сравнении с такими участниками, как дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор и других. Приведен краткий сравнительный анализ proceduralных возможностей истца в гражданском процессе и гражданского истца в уголовном процессе. Выработаны и сформулированы предложения о необходимости внесения необходимых изменений в уголовно-proceduralное законодательство в целях расширения proceduralных возможностей для реализации прав потерпевшего и гражданского истца на полноценный доступ к правосудию.

Ключевые слова: гражданский истец, потерпевший, сторона обвинения, уголовный процесс, участники уголовного судопроизводства

Для цитирования: Веретенников Н. В. К вопросу о неравенстве proceduralных прав и proceduralных возможностей участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 147–153. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-147-153>. EDN LAYPXM

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

On the issue of inequality of procedural rights and procedural capabilities of participants in criminal proceedings on the part of the prosecution

Nikolay V. Veretennikov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, veretennikovnv@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4762-3275>

Abstract. The article is devoted to topical issues related to unequal procedural rights and procedural capabilities of participants in criminal proceedings on the part of the prosecution. The article analyzes the most problematic issues of the current law enforcement practice in this area, provides the most characteristic examples of the lack of procedural equality of participants in criminal proceedings on the part of the prosecution, the lack of rights and procedural capabilities of such participants as the victim and the civil plaintiff in comparison with such participants as the investigator, investigator, head of the investigative body, prosecutor and others. A brief comparative analysis of the procedural capabilities of the plaintiff in civil proceedings and the civil plaintiff in criminal proceedings is given. Proposals have been developed and formulated on the need to make the necessary changes to the criminal procedure legislation in order to expand procedural opportunities for the realization of the rights of the victim and the civil plaintiff to full access to justice.

Keywords: criminal proceedings, participants in criminal proceedings, prosecution party, victim, civil plaintiff

For citation: Veretennikov N. V. On the issue of inequality of procedural rights and procedural capabilities of participants in criminal proceedings on the part of the prosecution. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):147–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-147-153>. EDN LAYPXM

Уголовно-процессуальный закон определил круг участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения исходя из целого ряда обстоятельств и факторов. При этом, очевидно, законодатель исходил не только лишь из фактора нарушения прав и законных интересов конкретного участника уголовного судопроизводства, но также исходя из процессуальных задач и функций участников уголовного судопроизводства, осуществляющих уголовное преследование.

Данными обстоятельствами обусловлен ряд проблемных вопросов в связи с отсутствием необходимого качественного и равноправного взаимодействия между работниками правоохранительных органов, чьим назначением в соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и такими участниками, как потерпевший и гражданский истец¹. Это связано еще и с тем, что деятельность участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения можно рассматривать как в общем, так и в частном аспекте деятельности.

Говоря об общем аспекте данной деятельности, мы подразумеваем сформировавшуюся в ходе многолетней и многообразной правоприменительной практики деятельность таких участников уголовного судопроизводства как прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа дознания и других должностных лиц, задачей которых является осуществление уголовного преследования от имени государства.

К частному аспекту указанной деятельности относятся процессуальные действия таких участников уголовного судопроизводства как потерпевший и гражданский истец, которые являются индивидуальными в каждом конкретном случае в связи с совершением конкретного преступления.

Также следует отметить, что не на всех стадиях уголовного судопроизводства правоприменительная практика складывается одинаково для всех участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

К примеру, на стадии возбуждения уголовного дела, если не принимать во внимание дела частного обвинения, таких участников уголовного судопроизводства как потерпевший, гражданский истец и их представители, вовсе не существует. При этом их отсутствие нередко связано с тем обстоятельством, что при рассмотрении сообщений о преступлениях уполномоченные должностные лица на протяжении многих месяцев принимают незаконные решения об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии очевидных признаков преступления.

Согласно данным статистического отчета по форме НСиД Генеральной прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года органами прокуратуры отменено 1 419 601 незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, что на 10,5% меньше, чем в аналогичный период прошлого года (1 586 962). По результатам отмены возбуждено 157 917 уголовных дел, что на 1,8% больше аналогичного периода прошлого года (155 152). За указанный период поставлено на учет по инициативе прокурора 136 048 преступлений, ранее известных, но по разным причинам не учтенных, что на 1,9% меньше, чем в аналогичный период прошлого года (138 619)².

Если рассматривать вопрос о таком участнике уголовного судопроизводства как гражданский истец, парадоксальной является ситуация, когда должностные лица органов внутренних

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // СПС Консультант Плюс.

² <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980>

дел, в чью компетенцию входит рассмотрение сообщений о преступлениях, по результатам проверки выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по причине наличия так называемых гражданско-правовых отношений. Так, 12.10.2023 УУП ОУУП и ПДН ОМВД России по Целинскому району по результатам рассмотрения сообщения о хищении путем обмана денежных средств юридического лица вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором указал, что в материале проверки в действиях ООО «С...» отсутствует состав преступления, предусмотренный ч.1 ст.159 УК РФ, так как в материале проверки усматриваются гражданско-правовые отношения. Такие случаи в практике являются многочисленными. В то же время следует отметить, что сотрудники правоохранительных органов не специализируются на вопросах гражданско-правовых отношений и не должны принимать такие решения, руководствуясь лишь своим ошибочным убеждением. К тому же в соответствии с требованиями ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в уголовном деле может быть предъявлен гражданский иск, что говорит о том, что в любом деле наряду с уголовной ответственностью могут усматриваться и гражданско-правовые отношения.

Таким образом, одни участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (следователь, дознаватель), путем принятия незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, по сути, препятствуют появлению других участников (потерпевший, гражданский истец).

Но даже в случае возбуждения уголовного дела нет гарантии того, что такие участники уголовного судопроизводства появятся. Причем, если момент появления такого участника уголовного судопроизводства как потерпевший уголовно-процессуальный закон регламентирует достаточно четко и предельно ясно, указав о том, что решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела, то срок, в который должно быть принято решение о признании гражданским истцом в законе не урегулирован. Также без должного правового регулирования остался вопрос о недопустимости отказа в принятии гражданского иска и признании гражданским истцом.

Неясность и недостаточное правовое регулирование данного вопроса на практике порождают многочисленные проблемы, влекущие нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, пострадавших от преступления.

Так, к примеру, в ходе расследования Пролетарским СО СУ СК РФ по Ростовской области уголовного дела о должностном преступлении, после окончания предварительного следствия и ознакомления с материалами уголовного дела потерпевшему стало известно о том, что в результате проведенной судебной экспертизы был установлен размер причиненного преступлением ущерба. Также стали известны данные о личности преступника, действиями которого причинен имущественный ущерб. В связи с изложенными обстоятельствами потерпевшим предъявлен гражданский иск в уголовном деле в соответствии с положениями ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также заявлено ходатайство о признании потерпевшего гражданским истцом, а обвиняемого гражданским ответчиком. Также потерпевший ходатайствовал о применении обеспечительных мер в целях обеспечения приговора в части гражданского иска.

В рассматриваемом случае следователь не пожелал возобновлять предварительное следствие и выполнять процессуальные действия по признанию гражданского истца и гражданского ответчика. Более того, надзирающий прокурор, несмотря на поданную жалобу о признании бездействия следователя незаконным, также не усмотрел в действиях следователя нарушений закона и направил дело в суд для рассмотрения по существу. Несмотря на то обстоятельство, что действиями следователя явно нарушены права и законные интересы, а также уголовно-процессуальный закон, отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве положений, предусматривающих ответственность за такие нарушения, в данном конкретном случае такой участник уголовного судопроизводства как следователь прямо препятствовал появлению такого участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения как гражданский истец [1, с. 350].

Отсутствие качественного равноправного взаимодействия и согласованной позиции между двумя вышеупомянутыми группами участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения на практике приводит к многочисленным казусам, решение которых не урегулировано должным образом ни в уголовно-процессуальном законе, ни в иных нормативно-правовых актах.

Но даже при условии принятия следователем предъявленного гражданского иска, признании гражданским истцом, отсутствуют гарантии того, что все права и законные интересы данного участника будут соблюдены.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность предъявления гражданского иска с момента возбуждения уголовного дела. Также законом предусмотрено, что в случае причинения непосредственно преступлением имущественного вреда физическое либо юридическое лицо вправе предъявить требование о возмещении такого вреда. Также гражданский истец вправе требовать компенсации морального вреда.

Проблемным в этом случае является вопрос о том, что не во всех случаях при признании гражданского истца, принимается решение о признании гражданским ответчиком. В ходе расследования уголовного дела виновное лицо может остаться не установленным.

Но даже в случае, когда очевидными являются сведения о лице, совершившем преступление отсутствуют гарантии того, что гражданский истец в уголовном деле сможет в полной мере реализовать свои права на исполнение приговора в части гражданского иска.

Для сравнения Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в ст. 140 предусмотрел целый комплекс мер по обеспечению заявленного иска, таких как наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц; запрещение ответчику совершать определенные действия; запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства; возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»; приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста (исключение из описи); приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке и иные меры¹.

При этом следует отметить, что участником гражданского процесса, который отстаивает свои права при принятии мер по обеспечению иска является непосредственно истец, то есть субъект, чьи права и законные интересы непосредственно нарушены.

В уголовном процессе дело с обеспечительными мерами обстоит совершенно иначе.

Так, статья 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает возможность наложения ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого и лиц, по закону отвечающих за действия подозреваемого и обвиняемого. Арест на имущество вышеперечисленных лиц может быть наложен в целях обеспечения приговора в части гражданского иска и других взысканий, предусмотренных законом.

Однако, в отличие от гражданского процесса инициатива в принятии обеспечительных мер принадлежит не истцу, то есть субъекту, чьи права и законные интересы непосредственно нарушены, и который как никто другой заинтересован отстаивать свои права и законные интересы, предоставляя необходимые доказательства и активно выражая свою позицию при рассмотрении дела в суде, в том числе при рассмотрении вопроса о применении обеспечительных мер.

В уголовном судопроизводстве инициатива в принятии обеспечительных мер принадлежит следователю с согласия руководителя следственного органа и дознавателю с согласия прокурора.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // СПС Консультант Плюс.

В этой связи необходимо отметить, что как следователь вместе с руководителем следственного органа, так и дознаватель вместе с прокурором, не являются участниками, чьи права и законные интересы нарушены в результате преступления. На практике деятельность указанных участников сведена, по сути, лишь к осуществлению уголовного преследования, то есть к публичному интересу. Уголовные дела, при расследовании которых в суд заявлены ходатайства о применении обеспечительных мер являются редкостью.

Также еще одной вопиющей несправедливостью является тот факт, что ни потерпевший ни гражданский истец не принимают участие при рассмотрении судом ходатайств следователя либо дознавателя о наложении ареста на имущество подозреваемого или обвиняемого. Уголовно-процессуальный закон полностью исключает такую возможность. Также отсутствует обязанность дознавателя, следователя и суда направлять гражданскому истцу копию принятого решения о применении обеспечительных мер.

Но перечисленными выше обстоятельствами и факторами проблемные вопросы право-применительной деятельности в указанной сфере не заканчиваются.

Дело в том, что сложившаяся судебная практика исходит из возможности наложения ареста в целях исполнения приговора в части гражданского иска лишь в отношении имущества подозреваемого либо обвиняемого. Однако, несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон обязывает следователя выносить постановление о привлечении в качестве обвиняемого в отношении лиц, совершивших преступление, конкретные сроки вынесения такого постановления, в отличие от признания потерпевшего, законом не регламентированы [2, с. 676].

Данное обстоятельство дает следователю возможность не торопиться с принятием решения о привлечении в качестве обвиняемого. Нередки случаи, когда следователь выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого непосредственно перед окончанием предварительного следствия, что полностью исключает возможность применения обеспечительных мер и может повлечь приговор в части гражданского иска неисполнимым, как в вышеописанном случае с расследованием уголовного дела следственным отделом СУ СК РФ по Пролетарскому району г. Ростова-на-Дону.

Неравенство процессуальных прав и полномочий участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения вследствие их несогласованной позиции может привести к серьезным разногласиям в ходе судебного разбирательства.

Нередко имеют место случаи, когда при направлении в суд уголовного дела имеются неустранимые препятствия для его рассмотрения. К примеру, материалы поступившего в суд уголовного дела, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. При этом интересы участников стороны обвинения могут принципиально не совпадать. В этом случае потерпевший будет настаивать на возвращении уголовного дела прокурору в целях приведения документов о привлечении в качестве обвиняемого в соответствии с квалификацией, соответствующей действиям лица, совершившего преступление.

Прокурор же, напротив, совершенно не заинтересован в принятии судом решения о возвращении уголовного дела, поскольку возвращение уголовного дела прокурору является отрицательным статистическим показателем и свидетельствует о браке в работе.

В итоге приходится констатировать, что, несмотря на то обстоятельство, что такие участники уголовного судопроизводства, как потерпевший, гражданский истец, их представители отнесены законом к участникам со стороны обвинения, их роль в уголовном преследовании является минимальной, усеченной, или, даже можно сказать, формальной. Несмотря на закрепленные в законе права, какие-либо процессуальные гарантии реализации указанных прав отсутствуют. Такое положение дел не повышает гарантии полноценной реализации в судебном производстве по уголовному делу принципа равноправия и состязательности сторон [3].

Основным проблемным аспектом неравенства процессуального положения участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, является, на наш взгляд чрезмерная самостоятельность следователя, дознавателя, прокурора и других должностных лиц, которые, в каждом конкретном случае и без потерпевшего с гражданским истцом прекрасно знают, каким образом им осуществлять уголовное преследование.

При этом совершенно не учитывается то обстоятельство, что следователь, дознаватель, прокурор и другие должностные лица не являются участниками уголовного процесса, права и законные интересы которых нарушены, поскольку для указанных участников основной задачей на практике является преимущественно уголовное преследование.

Приведенные обстоятельства затрагивают еще один немаловажный аспект правоохранительной деятельности. В данной ситуации может сложиться впечатление, что следователь, дознаватель, прокурор и иные должностные лица обладают преимущественными процессуальными возможностями, поскольку, таким образом, они будут оказывать помощь потерпевшему и гражданскому истцу, чтобы сэкономить время и нервы последних, выполняя основную работу стороны обвинения, выступая в роли профессионального юриста. Однако в таком случае, данные участники будут обладать несвойственными им правами и обязанностями. Статья 48 Конституции РФ гарантирует право каждого на получение квалифицированной юридической помощи¹. Вместе с тем, следует иметь ввиду, что, в этом случае, речь идет вовсе не о деятельности участников стороны обвинения, осуществляющих уголовное преследование. Российское законодательство считает квалифицированной в первую очередь юридическую помощь, оказываемую адвокатами как представителями профессионального сообщества юристов [4].

При этом очевидной недоработкой законодателя является то обстоятельство, что оказание квалифицированной помощи потерпевшему и гражданскому истцу в обязательном порядке вопреки указанной норме Конституции РФ закон не предусматривает.

Выходом в сложившейся ситуации могли бы послужить соответствующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Предусмотреть в ст. 216 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обязательное ознакомление потерпевшего с материалами уголовного дела, обязательным выяснением круга вопросов, касающихся полноты проведенного расследования, правильности квалификации действий обвиняемого и других.

В части предъявленного гражданского иска в уголовном деле необходимо законодательно предусмотреть недопустимость отказа в принятии предъявленного иска.

В ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации необходимо предусмотреть возможность наложения ареста на имущество не только подозреваемых и обвиняемых, но и лица, в отношении которого предъявлен гражданский иск – гражданского ответчика.

Кроме того, с учетом того, что предъявленный в уголовном деле гражданский иск даже в ходе предварительного расследования адресуется суду, который в перспективе будет рассматривать уголовное дело, необходимо пересмотреть действующий в настоящее время порядок применения обеспечительных мер. В этой связи предлагается предусмотреть участие в судебном рассмотрении при рассмотрении вопросов о применении обеспечительных мер гражданского истца и гражданского ответчика, а необходимо предусмотреть право указанных лиц на получение копии решения, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства о применении обеспечительных мер.

Список источников

1. Веретенников Н. В. К вопросу о возможности отказа в признании гражданским истцом в уголовном процессе // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2022: сборник докладов ежегодной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. И.П. Зиновьев ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. 414 с.
2. Степанов К. В. Привлечение в качестве обвиняемого. Основания и порядок изменения и дополнения обвинения на предварительном следствии. Особенности осуществления защиты при предъявлении обвинения и допросе обвиняемого // Настольная книга будущего адвоката: учебное пособие для лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката / отв. ред. А. Г. Дулимов, И. П. Зиновьев. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2014. 720 с.

¹ Конституция Российской Федерации // СПС Консультант Плюс.

3. Степанов К. В., Малина М. А. Проблемы использования в уголовном процессе заключения специалиста, а также результатов судебных экспертиз негосударственных судебно-экспертных учреждений // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 4. С. 144–148. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-19.

4. Сайфулина Е. В., Ляхов Ю. А. Оказание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 2. С. 41–44. DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-2-7.

References

1. Veretennikov N. V. On the issue of the possibility of refusal to recognize a civil plaintiff in criminal proceedings. In: *Development of legal science in new conditions: unity of theory and practice – 2022: collection of reports of the annual All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. I.P. Zinoviev (ed). Southern Federal University. Rostov-on-Don ; Taganrog : Southern Federal University Press; 2022. 414 p. (In Russ.)

2. Stepanov K. V. Involvement as an accused. The grounds and procedure for changing and supplementing the charges at the preliminary investigation. Features of the implementation of the defense at the arraignment and interrogation of the accused. In: *The handbook of the future lawyer: a textbook for persons applying for the acquisition of the status of a lawyer*. A. G. Dulimov, I. P. Zinoviev (eds.). Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2014. 720 p. (In Russ.)

3. Stepanov K. V., Malina M. A. Problems of using expert opinions in criminal proceedings, as well as the results of forensic examinations of non-state forensic institutions. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2022;9(4):144–148. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-19. (In Russ.)

4. Sayfulina E. V., Lyakhov Yu. A. Rendering qualified legal assistance in criminal proceedings. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2021;8(2):41–44. DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-2-7. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. В. Веретенников – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета.

Information about the author

N. V. Veretennikov – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Faculty of Law of the Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 22.12.2023; принятая к публикации 23.12.2023.

The article was submitted 08.11.2023; approved after reviewing 22.12.2023; accepted for publication 23.12.2023.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 154–162

North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(4):154–162

Дискуссионные проблемы

Научная статья*

УДК 342

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-154-162>

EDN RHSAWX

Прекращение СССР: политico-правовой аспект

Иван Андреевич Иванников

Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Сочи, Россия, freiheit2061@gmail.com

Аннотация. В статье изложены юридические причины прекращения СССР как единого государства, которыми явились многочисленные нарушения Конституции СССР, Законов СССР, изменения в законодательстве. В качестве причин, приведших к прекращению СССР, были объективные и субъективные факторы: цивилизационные и ценностные – отказ от государственно-правовых ценностей социализма, бездействие Президента СССР в вопросе защиты Конституции и законов СССР, государственного суверенитета и территориальной целостности СССР. Дан политico-правовой анализ итогам референдума СССР от 17 марта 1991 г., создания и деятельности Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), Беловежскому Соглашению. Уделено внимание фактам бездействия Президента СССР М.С. Горбачева. Делается вывод, что авторы Беловежского Соглашения выступили против воли народа, выраженной на референдуме, а само Беловежское Соглашение противоречило законам СССР. На основе приведенных норм Конституции СССР 1977 г., мемуарных источников и публикаций современных исследователей, делается правовая оценка прекращения существования СССР как единого государства. История прекращения СССР позволяет переосмыслить и вопрос о месте государственной идеологии в системе государственно-правовых ценностей.

Ключевые слова: Беловежское соглашение, Верховный Совет СССР, Конституция СССР 1977 года, перестройка, Президент СССР, прекращение СССР, референдум 17 марта 1991 года, СССР

Для цитирования: Иванников И. А. Прекращение СССР: политico-правовой аспект // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 154–162. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-154-162>. EDN RHSAWX

Controversial issues

Original article

The termination of the USSR: political and legal aspect

Ivan A. Ivannikov

Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia, freiheit2061@gmail.com

Abstract. The article outlines the legal reasons for the termination of the USSR as a single state, which were numerous violations of the Constitution of the USSR, Laws of the USSR, and changes in legislation. The reasons that led to the end of the USSR were objective and subjective factors: civilizational and value-based –the rejection of the state-legal values of socialism, the inaction of the President of the USSR in the matter of protecting the Constitution and laws of the USSR, state sovereignty and territorial integrity of

© Иванников И. А., 2023

* Статья издается в авторской редакции.

the USSR. A political and legal analysis is given of the results of the USSR referendum of March 17, 1991, the creation and activities of the State Committee for a State of Emergency (GKChP), and the Belovezhskaya Agreement. Attention is paid to the facts of inaction of the President of the USSR M.S. Gorbachev. It is concluded that the authors of the Belovezhskaya Agreement opposed the will of the people expressed in the referendum, and the Belovezhskaya Agreement itself contradicted the laws of the USSR. Based on the given norms of the 1977 USSR Constitution, memoir sources and publications of modern researchers, a legal assessment is made of the cessation of the existence of the USSR as a single state. The history of the end of the USSR allows us to rethink the question of the place of state ideology in the system of state legal values.

Keywords: USSR, Constitution of the USSR 1977, Supreme Soviet of the USSR, President of the USSR, referendum on March 17-1991, Belovezhskaya Agreement, termination of the USSR

For citation: Ivannikov I. A. The termination of the USSR: political and legal aspect. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):154–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-154-162>. EDN RHSAWX

Введение

Развитие российской юридической науки происходит в наши дни с переоценкой советского прошлого, модернистских и постмодернистских правовых реформ, изменений Конституции Российской Федерации на основе изменений экономической, политической и правовой системы общества, международных отношений и имеют непосредственное отношение к прекращению СССР.

Объективное и основательное исследование причин и последствий прекращения СССР только начинается. Еще есть свидетели этого процесса, которые не позволяют исказить историю и противостоять навязыванию идей инициаторов и вдохновителей развала самого крупного по территории государства планеты XX века. Чем дальше от нас 1991 год, тем больше осознается масштаб геополитической трагедии прекращения СССР для многих народов мира. К. Н. Думаа отмечал, что в период прихода Горбачева к власти в СССР «...в 1985 году золотой запас СССР составлял 2500 тонн, а во время его ухода, в 1991 г., – 240 тонн, внешний долг соответственно был 31,3 млрд долларов, а при нем достиг 70,3 млрд...» [1, с. 35]. С.Н. Бабурин утверждает, что «гибель Советского Союза как союзного государства не была закономерной, её можно и нужно было предотвратить» [2, с. 8]. Л.Г. Ивашов отметил, что СССР был разрушен искусственно: «Искусственный кризис, искусственная гибель СССР, а вовсе не предопределённость, как заявляют либеральные идеологи демонтажа системы социализма» [2, с. 23].

Для оценки событий периода «перестройки» и прекращения СССР необходимо проанализировать правотворческую и правоприменительную политику, а также деятельность субъектов государственной власти на предмет соответствия Конституции и законам СССР.

Целью статьи является описание, объяснение и юридическая оценка многофакторного процесса прекращения существования СССР как единого государства.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Советский Союз после принятия Конституции СССР 1977 года

Прекращение СССР было многофакторным явлением, которое невозможно объяснить, не разобрав основные нормы Конституции СССР 1977 года, которая оказалась последним Основным Законом союзного государства, принятой на референдуме после длительного всенародного обсуждения. Ее главной чертой было то, что она закрепила положение о том, что в СССР построено общество развитого социализма. Конституция закрепляла 15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов, административно-территориальное образования (края и области). Конституция СССР 1977 года соответствовала уровню развития общества, «укрепила систему и основы работы Советов народных депутатов всех звеньев», а Верховный Совет СССР мог решать любые вопросы, отнесенные к полномочиям СССР [3, с. 225].

В Преамбуле Конституции СССР 1977 г. отмечалось, что «высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие

общественное коммунистическое самоуправление». Данная цель достигалась не только путем воспитания нового человека, но и повышением материального и культурного уровня жизни трудающихся, при бесплатной медицинской помощи и бесплатном образовании. На государственную власть возлагалась обязанность повышать уровень жизни граждан, «... реализовать программы, мероприятия которых направлены на улучшение жизненных условий» [4, с. 13]. Статья 4 Конституции закрепляла, что все государственные органы СССР «... действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан». Наиболее важные вопросы государственной жизни, согласно статье 5, должны всенародно обсуждаться и решаться на референдуме. Конституция предоставляла союзным республикам право свободного выхода из состава СССР. Согласно статье 114 Конституции СССР, проекты законов СССР, чтобы быть принятами, предварительно принимались каждой из двух палат Верховного Совета СССР, а постановления и иные акты Верховного Совета СССР должны были «приниматься большинством от общего числа депутатов Верховного Совета СССР. Проекты законов и другие наиболее важные вопросы государственной жизни решением Верховного Совета СССР либо Президиума Верховного Совета СССР, принятым по их инициативе или по предложению союзной республики, могут быть вынесены на всенародное обсуждение».

По статье 173 Конституция СССР обладала «... высшей юридической силой. Все законы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией СССР». Как отмечает Б.С. Эбзеев, в СССР «наличие Конституции не означало конституционализации государства; Конституция обязывала личность, но не государство, ибо не предусматривала границ, которые власть не вправе была бы преступить под угрозой делегитимации издаваемых ею актов или юридической ответственности» [5, с. 23]. В то же время, как справедливо отметил А. П. Енгоян, «... неверно полагать, будто Советский Союз к 1985 г. подошел к какой-то последней черте и обязательно должен был рухнуть. В действительности советская система могла еще существовать в том же качестве десятилетия, во всяком случае, чрезвычайно долго» [6, с.100]. Рост численности населения, наличие мощной армии и органов безопасности свидетельствуют об отсутствии объективных и субъективных условий к прекращению СССР.

Многофакторный процесс стирания исторических достижений и разрушения территориальной целостности СССР

В первые месяцы «перестройки» население страны готовили к ожиданию позитивных перемен во всех сферах общественных отношений путем критического восприятия прошлого и настоящего, забывая отмечать исторические достижения и ценности социализма, обещая в скором будущем каждой семье отдельную квартиру или дом. При этой популистской политике не замечались существенные просчеты в кадровой, внешней и внутренней политике. Большой кадровой ошибкой было назначение на должность министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе. Помощник М.С. Горбачева О. И. Ожерельев в своих мемуарах отметил, что по итогам переговоров на Мальте в конце 1989 г. было решено, что СССР дает согласие на объединение Германии, не вмешиваться в процессы в странах Варшавского Договора, «... и на уход прибалтийских республик» [7, с. 73]. Западные спецслужбы пришли к выводу, что под руководством М.С. Горбачева «...Советский Союз – больше не угроза западному миру» [7, с. 80].

Профессор К.Н. Думаа отмечает, что Э.А. Шеварднадзе в 1990 г. передал США 70% российской акватории Берингова моря, одобрял передачу Крыма Хрущевым Украине, поддерживал движение на Украине за сокращение срока пребывания в Крыму российского флота «для освобождения места для американской военной базы» [1, с. 23]. К.Н. Думаа отметил, что М.С. Горбачевым, провозгласившим неконкретную программу перестройки, с помощью антигосударственных сил в лице Яковлева и Шеварднадзе «была разрушена идеологическая основа государства» [1, с. 26], следствием которой были существенные внешнеполитические поражения СССР, в том числе, подписание 12 сентября 1990 г. министрами иностранных дел

США, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Франции, СССР, ФРГ и ГДР «Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии». По результатам этого Договора ГДР была присоединена к ФРГ. Согласно статье 4 этого Договора, СССР должен был в ускоренном порядке вывести свои войска из Восточной Германии к декабрю 1994 г. По статье 5 Договора войска США, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Франции по-прежнему оставались в Берлине¹. В Российской Федерации большая часть выведенных из Германии офицеров Западной группы войск была уволена в запас. В уголовном праве были изменения, которые были связаны с редакцией статьи 70 «Антисоветская агитация и пропаганда».

Кардинальным нарушением Конституции СССР было принятие 12 июня 1990 г. Декларации о независимости РСФСР, которая провозгласила верховенство законов РСФСР над Конституцией СССР и союзным законодательством. Это была дерзкая, вероломная и антиконституционная акция по развалу исторической России повлекшая «парад суверенитетов». Бывший генерал КГБ Ф. Д. Бобков писал: «Странно звучала сама формулировка доклада – ведь СССР был союзным государством и о суверенных правах России было ясно сказано в Конституции» [8, с. 363]. Ф.Д. Бобков с коллегами проект Декларации о суверенитете РСФСР показали М.С. Горбачеву, который сказал: «Ничего страшного не вижу. Мы уже многое обсуждали... Это Союзу не угрожает... Причин реагировать на это союзным властям я не вижу» [8, с. 365].

Принятые другими союзными республиками, следуя примеру РСФСР, декларации о независимости превращали СССР в конфедерацию. В 1991 г. в Конституцию РСФСР были внесены изменения, которые повысили статус автономных республик путем исключения в их название слова «автономная».

В процессе проведения политики по росту национального самосознания, исключение из УК РСФСР статьи об ответственности за антисоветскую пропаганду и агитацию, провозглашение государственного суверенитета Литовской ССР в 1988 г. и РСФСР в 1990 г., а затем и других республик, политическая элита СССР не предпринимала попыток защитить суверенитет СССР.

Референдум 17 марта 1991 года, его итоги и юридическое значение

До сих пор еще до конца не исследован вопрос о референдуме 17 марта 1991 г. Согласно ст. 72 Конституции СССР каждая союзная республика имела право на выход из состава СССР. Процедура выхода союзной республики из состава СССР была регламентирована Законом СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»². Статья 2 данного закона определяла порядок о выходе союзной республики из СССР в следующей последовательности:

1. Принятие Верховным Советом союзной республики по собственной инициативе или по требованию, подписанному одной десятой частью граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики и имеющих право голоса, решения о проведении референдума.

2. Проведение референдума (народного голосования) со свободным волеизъявлением населения союзной республики в порядке, определяемом Законом СССР, Законом союзной, автономной республики о референдуме, если их положения не противоречат Законам СССР.

Верховный Совет СССР 16 января 1991 года принял постановление «Об организации и мерах по обеспечению проведения референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик». Датой проведения референдума было выбрано 17 марта

¹ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии // <https://docs.cntd.ru/document/901736368> (дата обращения 14 декабря 2022 года).

² Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 15. Ст. 252, 253.

1991 года. Бюллетень для тайного голосования содержал вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?».

Результаты голосования было решено учитывать по СССР в целом с учетом данных по каждой союзной республике отдельно. В референдуме приняло участие 147 млн чел. За сохранение СССР проголосовало 112 млн чел., или 76% голосовавших. Легитимно прекратить СССР не удалось. Юридически ликвидировать СССР с помощью референдума не удалось. Итоги референдума 17 марта о сохранении СССР являются основанием для квалификации незаконности прекращения СССР.

Создание и последствия существования неконституционного государственного органа ГКЧП

28 марта 1991 года М.С. Горбачев создал неконституционный орган - Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) [9], о существовании которого мир узнал 19 августа 1991 года. А.И. Лукьянов писал, что ГКЧП под руководством вице-президента СССР Г.И. Янаева «был создан самим Горбачевым еще 28 марта 1991 года» [10, с. 51].

В своих мемуарах М.С. Горбачев писал, что после ареста членов ГКЧП он из Фороса звонил президенту США Дж. Бушу. О содержании этого разговора М.С. Горбачев ничего не сообщает [11, с. 262]. Исследование вопроса о прекращении СССР необходимо обратить внимание на факт ареста, не состоявшего в ГКЧП, Председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова, что привело к дезорганизации этого высшего органа власти СССР. После ареста членов ГКЧП и в СССР активизировались националистические организации. В Прибалтике националистические политические организации заявили о необходимости выйти из состава СССР Литвы, Латвии и Эстонии. 5 сентября 1991 г. президент США Дж. Буш признал независимости Латвии, Литвы и Эстонии, а 6 сентября 1991 г. Государственный Совет СССР признал независимость Латвии, Литвы и Эстонии. М. С. Горбачев подписал постановления ГС-1, ГС-2, ГС-3 о независимости этих республик. Его действия противоречили Конституции СССР и Закону СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Государственный Совет под руководством М.С. Горбачева превысил свои полномочия, так как принял решение по вопросу, который относился к компетенции Верховного Совета СССР, что было актом нарушения суверенитета и территориальной целостности СССР. Последний председатель Кабинета Министров СССР В.С. Павлов писал, что еще до подписания нового Союзного договора, М.С. Горбачев, нарушая Конституцию СССР, «не спросив ни народ, ни съезд, ни даже Верховный Совет СССР», единолично решил, что от СССР должны отсоединиться шесть союзных республик [12, с. 73].

В республиках Прибалтики не проводились референдумы о выходе из состава СССР, не был установлен переходный период для рассмотрения всех спорных вопросов. Эти факты легли в основу возбужденного в отношении М.С. Горбачева уголовного дела об измене Родине сотрудником Генеральной прокуратуры СССР В.И. Илюхиным, но Генеральный прокурор СССР не поддержал обвинение [13, с.78]. ГКЧП фактически бездействовал. А. И. Лукьянов отмечал, что его все время не покидала мысль о том, что «путч» был заранее кем-то «спланирован внутри страны и за рубежом, чтобы потом все преступления свалить на КПСС, на рядовых коммунистов, мешавших и мешающих новым хозяевам страны капитализировать СССР» [10, с. 56].

Незаконность Беловежского Соглашения и бездействия Президента СССР

Завершающий период в прекращении СССР начался с подписания Беловежского Соглашения и преступным бездействием Президента СССР М.С. Горбачева. В Беловежской Пуще 8 декабря 1991 г., несмотря на результаты референдума 17 марта 1991 года, с нарушением Договора от 30 декабря 1922 г. об образовании СССР, было подписано соглашение о прекращении СССР. Выступая против воли народа, выраженной на референдуме, 7 декабря участники Беловежского Соглашения поставили свои подписи под текстом, который составил Г.Э. Бурбулис:

«СССР как geopolитическая реальность и субъект международного права прекращает свое существование» [14, с. 200]. Подписанное 8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще, соглашение противоречило законам СССР, воле народа СССР, выраженное на референдуме 17 марта 1991 г.

Согласно пункту 2 статьи 127.3 Конституции СССР 1977 г. Президент СССР должен был принять «... меры по охране суверенитета Союза ССР и союзных республик, безопасности и территориальной целостности страны, по реализации принципов национально-государственного устройства СССР»¹. Однако Президент СССР преступно бездействовал. Профессор В.Г. Тихиня отмечает, что «вечером 8 декабря 1991 г. Горбачев располагал достоверными данными о совершенном в Беловежской Пуще государственном перевороте и у него были достаточные основания для заключения под стражу «подписантов» Беловежского договора со всеми, как говорят юристы, вытекающими отсюда правовыми последствиями». Также В.Г. Тихиня указывает на то, что после Беловежского соглашения, против которого М.С. Горбачев не выступил, «Ельцин, как один из главных заговорщиков, сделал в знак благодарности Горбачеву, «царский жест», – ему была назначена пенсия в размере президентского оклада с последующей индексацией. Ему также была предоставлена президентская квартира, дача и автомашина с охраной. Кроме того, Горбачеву в центре Москвы, для создания горбачевского фонда, было выделено огромное здание (бывшая Академия общественных наук при ЦК КПСС)» [15].

Принятое вопреки воле народа СССР на референдуме 17 марта 1991 года Беловежское Соглашение утвердил не Верховный Совет СССР, а Верховные Советы трех союзных республик: РСФСР, БССР и УССР. 10 декабря 1991 г., во время заседания Верховного Совета Белорусской ССР депутат В.Г. Тихиня подверг критике деятельность Председателя Верховного Совета БССР С.С. Шушкевича заявив, что подписав соглашение об СНГ С.С. Шушкевич превысил свои полномочия, так как «ни Верховный Совет Белорусской ССР, ни «...белорусский народ не уполномочивал Председателя Верховного Совета (не Президента) на акцию, которая имеет для нашего народа судьбоносное значение. Налицо превышение своих полномочий со всеми вытекающими отсюда последствиями»². В.Г. Тихиня заявил, что Соглашение об СНГ «...не остановит процессы разрушения государственности. А этот процесс идет полным ходом на всех уровнях... Подписанное соглашение, по существу, похоронило последнюю надежду многих наших соотечественников на возможность заключения нового союзного договора. Пусть на конфедеративной основе, но все же союзного договора»³. Однако такие выступления не были поддержаны большинством депутатов в БССР, в России и Украине.

Соглашение о создании СНГ Верховный Совет Республики Беларусь ратифицировал при одном голосе «против» и двух воздержавшихся. В.Г. Тихиня сделал вывод, что Соглашение об СНГ Украины, Белоруссии и РСФСР в Беловежской Пуще было заключено лицами, которые не имели на это полномочий. Самое главное, что они были заключены в нарушении «...Конституции СССР и Конституциям Белоруссии, России и Украины» [15]. В силу этого, по мнению профессора В.Г. Тихини, Беловежское Соглашение было юридически ничтожным. Парламенты БССР, УССР и РСФСР не отменили Договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. и Конституцию СССР 1977 г.

Нарушение Конституции СССР при подписании Беловежского никто не оспаривает. Необходимо учитывать и то, что Договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. подписали ЗСФСР (из которой впоследствии выделилось три республики), РСФСР (из которой впоследствии выделилось пять союзных республик), УССР и БССР, а Беловежское Соглашение только

¹ Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-І «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185465/> (дата обращения 15 декабря 2022 года).

² Протокол № 38 от 10 декабря 1991 г. об обсуждении Соглашения о создании СНГ // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 968. Оп. 8. Ед. хр. 013.

³ Там же.

три союзные республики [16]. В 2021 г. профессор В.Г. Тихиня подтвердил свою оценку Беловежского соглашения [17]. Схожие оценки Беловежскому соглашению дал 30 сентября 2022 г. Президент России В.В. Путин в своей речи по случаю присоединения Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей к Российской Федерации. Он отметил, что в 1991 г. в Беловежской Пуще, «не спрашивая волю рядовых граждан, представители партийных тогдашних элит приняли решение о развале СССР, и люди в одночасье оказались оторванными от своей Родины», что привело к национальной катастрофе. Как и после Октябрьской революции 1917 г., в 1991 г. «кулуарно нарезали границы союзных республик». Руководители СССР «... вопреки прямому волеизъявлению большинства людей на референдуме 1991 г. развалили нашу великую страну, поставили народы просто перед фактом». Хотя В.В. Путин отмечает, что миллионы граждан СССР, «...которые по своей культуре, вере, традициям, языку считают себя частью России, чьи предки на протяжении веков жили в едином государстве» оказались в разных государствах, но отметил, что настоящее время «Советского Союза нет, прошлого не вернуть. Да и России сегодня это уже и не нужно, мы к этому не стремимся»¹.

Подписание 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате одиннадцатью из 15 республик СССР Декларация Независимых Государств не прекратило существование СССР. Подписание 25 декабря 1991 г. Президентом СССР М.С. Горбачевым Указа о прекращении своих полномочий также не являлось фактическим и юридическим прекращением существования СССР.

Должность Президента СССР была упразднена 25 декабря 1991 г. после прекращения своих полномочий М.С. Горбачевым. Совместным распоряжением президентов СССР и РСФСР от 23 декабря 1991 г. аппарат Президента СССР прекратил свою деятельность со 2 января 1992 г. М.С. Горбачев как Президент СССР не выполнил своих конституционных обязанностей по защите государственного суверенитета СССР.

Действия М.С. Горбачева вопреки воле народа СССР, выраженной на референдуме 17 марта 1991 года, являются доказательством того, что он не был демократом. Своей политикой в должности Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачев не модернизировал, а уничтожил идеологическую, политическую, правовую и экономическую систему социализма. Он не противился запрету КПСС, а, наоборот, призвал ее организации самораспуститься.

В присутствии представителей 11 союзных республик СССР Совет Республик Верховного Совета СССР 26 декабря 1991 г. принял декларацию о прекращении существования СССР как государства, субъекта международного права и о самороспуске Верховного Совета СССР. В отсутствии Председателя Верховного Совета СССР, одна из палат этого органа власти приняла решение о самороспуске Верховного Совета СССР, что является нарушением статьи 114 Конституции СССР и юридически ничтожным актом. Компетентен был рассматривать эти вопросы только Верховный Совет СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ментальность советских граждан основывалась на доверии к субъекту верховной и государственной власти, уверенности в том, что эта власть руководствуется идеей социальной справедливости, действует в интересах защиты государственного суверенитета. Этим можно объяснить отсутствие массовых народных протестов против политики М.С. Горбачева. В период прекращения СССР и осуждения членов ГКЧП никто в российском правительстве и Верховном Совете Российской Федерации не предложил, чтобы союзные республики отделялись в тех территориальных площадях, с которыми они вступали в состав СССР. Деятельность М.С. Горбачева в должности Генерального секретаря ЦК КПСС сопровождалась отказом от государственной идеологии марксизма-ленинизма, защиты политической и правовой системы СССР. Отказ Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева от государственной идеологии и контрпропаганды означал и отказ от конституционных ценностей, которые были закреплены в Конституции СССР и защищены правом, системой судебных и иных правоохранительных

¹ Путин В. В. Обращение президента Российской Федерации// Российская газета. 2022. 1 октября.

органов. Отказ от государственной идеологии не вызвал протесты потому, что эта идеология не отражала идеалы народа, не вытекала из природы российского общества. Став Президентом СССР, М.С. Горбачев в решении международных вопросов соглашался с инициативами США и стран НАТО, направленных против безопасности СССР. Субъекты государственной власти перестроичного периода нарушили Конституцию СССР, использовали законы как инструменты для развала советского общества и государства.

Деятельность Президента СССР М.С. Горбачева была антиконституционной. Президент СССР не предпринял действий по аресту субъектов, которые инициировали процедуры принятия деклараций о государственном суверенитете в союзных республиках, которые нарушили Конституцию СССР. Беловежское Соглашение является юридически ничтожным в силу того, что его ратифицировали парламенты только трёх союзных республик из пятнадцати союзных республик СССР. Не учитывалось мнение даже тех республик, которые в 1922 г. состояли в составе РСФСР в статусе автономий, Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР. Прекращение существования СССР было несправедливым, так как многие республики входили в состав СССР с меньшей территорией, а вышли из состава СССР, присоединив территории, находившиеся до 22 декабря 1922 г. в составе РСФСР. Актуальность изучения процесса прекращения СССР должно быть уроком для политиков и ученых, чтобы не повторить в будущем незаконных прекращений государств и избежать негативных последствий этого явления для населения этих стран.

Список источников

1. Думаа К.Н. Трагические последствия распада СССР. Сухум: АГУ, 2021. 380 с.
2. Бабурин С.Н., Багдасарян В.Э., Ивашов Л.Г., Катасонов В.Ю., Маслов Д.В., Реснянский С.И., Степанян А.О., Сулакшин С.С. Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических республик // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 6-41.
3. Горявин А.Н., Сумпаков С.В. Система государственных учреждений СССР по Конституции 1977 года.// Двадцатые Петровские чтения (история, политология, социология, философия, экономика, культура, образование и право). Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2018 года – Санкт-Петербург, 2019. С. 220-226.
4. Арутюнян Д.Г. Конституционное право на социальное обеспечение на примере Конституции СССР 1977 года // Вестник Российской-Армянского (славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 10-15.
5. Эбзеев Б.С. Конституционный правопорядок и основные обязанности: историческое развитие, юридическая природа и особенности нормирования. Часть 1. // Государство и право. 2018. № 4. С. 40-45.
6. Енгоян А. П. Идеологические основы социально-политических трансформаций в постсоветской Армении: дис. ... д-ра полит. наук. Ереван, 2011.
7. Ожерельев О. И. Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий и личностей. М., 2016. 352 с.
8. Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995. 381 с.
9. Иванников И.А. Государственный комитет по чрезвычайному положению периода завершения перестройки в СССР // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 69-72.
10. Лукьянов А. И. Август 91-го. А был ли заговор? М., 1990.
11. Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017.
12. Павлов В.С. Путь Горбачева // Олейник Б., Павлов В., Рыжков Н. Иуда. Анатомия предательства Горбачева. М., 2010.
13. Иванников И.А. Ликвидация советского государственного и общественного строя (Перестройка в СССР 1985-1991 гг). Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. 136 с.
14. Шушкевич С.С. Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР. М., 2012. – 470 с.
15. Тихина В.Г. Советский Союз можно было сохранить. К 25-й годовщине распада СССР //Коммунист Беларуси. Мы и время. 2016. 9 дек.

Controversial issues

Ivannikov I. A. *The termination of the USSR: political and legal aspect*

16. Иванников И.А. Ликвидация СССР: аксиологические и юридические аспекты // LegalBulletin. 2022. Т. 7. № 1. С. 17-23.

17. Тихиня В.Г. О распаде Советского Союза // Юстиция Беларуси. 2021. № 3. С. 79-80.

References

1. Dumaa K.N. *Tragic consequences of the collapse of the USSR*. Sukhum: ASU; 2021. 380 p. (In Russ.)
2. Baburin S.N., Bagdasaryan V.E., Ivashov L.G., Katasonov V.Yu., Maslov D.V., Resnyansky S.I., Stepanyan A.O., Sulakshin S.S. The history of the USSR: factor bases of a civilizational catastrophe. To the 30th anniversary of the tragic events of the collapse of the Union of Soviet Socialist Republics. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. 2021;(4):6–41. (In Russ.)
3. Goryavin A.N., Sumpakov S.V. The system of state institutions of the USSR under the 1977 Constitution. In: *The twentieth Peter's Readings (history, political science, sociology, philosophy, economics, culture, education and law)*. St. Petersburg, November 21-22, 2018. – St. Petersburg; 2019:220–226. (In Russ.)
4. Harutyunyan D.G. The constitutional right to social security on the example of the USSR Constitution of 1977. *Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University: Humanities and Social Sciences*. 2021;(1):10–15. (In Russ.)
5. Ebzeev B.S. Constitutional law and order and basic responsibilities: historical development, legal nature and features of rationing. Part 1. *State and law*. 2018;(4):40–45. (In Russ.)
6. Engoyan A.P. *Ideological foundations of socio-political transformations in post-Soviet Armenia: dis...Dr. Polit. sciences*. Yerevan; 2011. (In Russ.)
7. Necklaces O.I. *Ideals and crimes. The modern history of Russia: dialectics of events and personalities*. Moscow; 2016. 352 p. (In Russ.)
8. Bobkov F.D. *KGB and power*. Moscow: Veteran MP; 1995. 381 p. (In Russ.)
9. Ivannikov I.A. State Committee on the State of Emergency of the period of completion of perestroika in the USSR. *Constitutional and municipal law*. 2017;(7):69–72. (In Russ.)
10. Lukyanov A.I. August 91. And was there a conspiracy? Moscow; 1990. (In Russ.)
11. Gorbachev M.S. *I remain an optimist*. Moscow; 2017. (In Russ.)
12. Pavlov V.S. Gorbachev's Coup. In: *Oleinik B., Pavlov V., Ryzhkov N. Judah. The anatomy of Gorbachev's legacy*. Moscow; 2010. (In Russ.)
13. Ivannikov I.A. *Liquidation of the Soviet state and social system (Perestroika in the USSR 1985-1991)*. Rostov-on-Don: Southern Federal University; 2016. 136 p. (In Russ.)
14. Shushkevich S.S. *My life, the collapse and resurrection of the USSR*. Moscow; 2012. 470 p. (In Russ.)
15. Tikhinya V.G. The Soviet Union could have been saved. On the 25th anniversary of the collapse of the USSR. *The Communist of Belarus. Us and time*. 2016; 9 Dec. (In Russ.)
16. Ivannikov I.A. Liquidation of the USSR: axiological and legal aspects. *LegalBulletin*. 2022;7(1):17-23. (In Russ.)
17. Tikhin V.G. On the collapse of the Soviet Union. *Justice of Belarus*. 2021;(3):79–80. (In Russ.)

Информация об авторе

И. А. Иванников – доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the author

I. A. Ivannikov – Dr. Sci. (Jurid.), Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 22.12.2023; принятая к публикации 23.12.2023.

The article was submitted 08.11.2023; approved after reviewing 22.12.2023; accepted for publication 23.12.2023.

Научная статья*

УДК 340.132:[626+666]+342.9

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-163-169>

EDN IHODG

О правоприменительной практике по делам о дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе проведения Специальной военной операции

Дмитрий Николаевич Чушенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, Retwizan@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с широким толкованием закона при привлечении к административной ответственности по делам о дискредитации Вооруженных Сил России в рамках использования в целях защиты интересов нашей страны, ее граждан, а также поддержания международного мира и безопасности.

Ключевые слова: административная ответственность, Вооруженные Силы Российской Федерации, дискредитация, Европейский Суд по правам человека, обвинительный уклон, расширительное толкование закона, Специальная военная операция

Для цитирования: Чушенко Д. Н. О правоприменительной практике по делам о дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе проведения Специальной военной операции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 163–169. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-163-169>. EDN IHODG

Controversial issues

Original article

On law enforcement practice in cases of discrediting the Armed Forces of the Russian Federation during a Special military operation

Dmitry N. Chushenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Retwizan@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problems associated with a broad interpretation of the law when bringing to administrative responsibility in cases of discrediting the Armed Forces of Russia in the framework of using it to protect the interests of the country, its citizens, as well as maintaining international peace and security.

Keywords: defamation, administrative responsibility, Special military operation, European Court of Human Rights, broad interpretation of the law, accusatory bias, Russian Armed Forces

For citation: Chushenko D. N. On law enforcement practice in cases of discrediting the Armed Forces of the Russian Federation during a Special military operation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):163–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-163-169>. EDN IHODG

Начало Специальной военной операции, инициированной Президентом РФ с согласия Совета Федерации Федерального собрания РФ, повлекло за собой ряд изменений в российском законодательстве (и, как следствие, в правоприменительной практике), связанных с фактом использования Вооруженных Сил РФ в том числе и за пределами нашей страны.

В частности, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) внесена статья 20.3.3, устанавливающая административную ответственность в отношении граждан, должностных и юридических лиц за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил России в целях защиты интересов нашего государства и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами своих полномочий в указанных целях, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы нашей страны.

За прошедшее время сложилась определенная правоприменительная практика по делам, связанным с дискредитацией Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе проведения данной специальной военной операции. Ее изучение вызывает у автора определенные сомнения, связанные с весьма широким толкованием понятия «дискредитация» при рассмотрении соответствующих категорий дел. Некоторые из них он предлагает обсудить в том числе на полях данного издания.

Так, весьма неоднозначным, по мнению автора, видится привлечение к ответственности и назначение наказания в виде административного штрафа в размере 40000 рублей девятнадцатилетнему студенту одного из колледжей г. Новомосковска Тульской области С. А. Васильеву (подрабатывавшему в личное время диск-жокеем), в отношении которого было возбуждено административное дело о дискредитации Российской армии, предусмотренное частью 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ.

Как следует из постановления судьи Новомосковского районного суда Тульской области Л. И. Соловьевой, С. А. Васильев – диджей кафе-бара «Флагман», осуществляя музыкальное сопровождение новогоднего мероприятия общества с ограниченной ответственностью «МУП «Ландшафт», во время трансляции по центральному каналу телевидения видеообращения Президента РФ на фоне российских военнослужащих, допустил проигрывание музыкального трека новогодней песни с названием «От сосны» украинской группы «Потап и Настя Каменских», что впоследствии привело к размещению в социальных сетях видеоролика с выступлением Президента РФ на фоне вышеуказанной песни, слова которой по мнению правоохранительных органов и суда воспринимались искаженно и неблагозвучно.

Суд счел, что данный факт дискредитирует¹ Вооруженные Силы России, а то обстоятельство, что, осуществляя музыкальное сопровождение новогоднего мероприятия, С. А. Васильев не имел умысла на дискредитацию Президента РФ и Вооруженных Сил РФ, в данном случае, по мнению суда, правового значения не имеет.

С таким толкованием закона сложно согласиться.

Во-первых, видится весьма спорной позиция суда о том, что отсутствие умысла не имеет правового значения для привлечения по указанной статье КоАП РФ к административной ответственности. В юридическом сообществе общеизвестно, что умысел (прямой или косвенный) по своему волевому содержанию существенно отличается от такой формы вины, как неосторожность. Умысел предполагает осознание со стороны субъекта общественной опасности своих действий (бездействия) и предвидение или допущение с его стороны реальной возможности либо неизбежности наступления общественно опасных последствий своего деяния, в то время как неосторожность характеризуется наличием необоснованного расчёта на предотвращение опасных последствий либо отсутствием предвидения их наступления. Впрочем, данные категории, несмотря на их легальное закрепление в нормах закона (статья 2.2 КоАП РФ) не отражают характеристик форм вины исчерпывающим образом, на что ранее

¹ В данном деле под дискредитацией суд счел необходимым понимать умышленные действия, направленные на умаление авторитета и подрыв доверия к объекту дискредитации.

уже указывал Конституционный Суд РФ, давая свою оценку формам вины при оценке административных проступков¹.

Изучение положений части 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ показывает, что ее диспозиция («Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации...») недвусмысленно указывает на наличие умысла у субъекта, что подтверждается наличием слова «направленные» применительно к слову «действия», бесспорно свидетельствуя об обязательном наличии как интеллектуальной компоненты (когда лицо осознает общественную опасность своего поведения), так и волевой составляющей, направляющей его действия.

Во-вторых, сложно не обратить внимание на несоответствие формы совершенного деяния тому, что закреплено законодателем в диспозиции вмененной С. А. Васильеву статьи.

Так, согласно части 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ, наказуемым являются именно действия, в то время как в рассматриваемом случае имело место бездействие привлекаемого к административной ответственности лица, своевременно не выключившего музыкальный трек песни с началом новогоднего выступления Президента РФ. Налицо несоответствие совершенного деяния диспозиции примененной статьи КоАП РФ, что вкупе с изложенным выше, должно было бы исключать в указанном случае наличие состава административного проступка, предусмотренного статьей 20.3.3 КоАП РФ.

Кроме того, видится весьма спорным вывод суда о том, что искаженное или неблагозвучное восприятие либо интерпретация слов новогодней развлекательной песни, транслировавшейся, между прочим, в средствах массовой информации до этого происшествия на протяжении более чем десяти лет, может каким-либо образом подорвать авторитет, имидж или доверие граждан к Вооруженным Силам своей страны. К сожалению, суд не раскрывает какие именно слова, по его мнению, подрывают авторитет, имидж или доверие к Вооруженным Силам России, а также не утруждает себя необходимостью обосновывать наличие причинно-следственной связи между исполнением песни на фоне новогоднего выступления Президента РФ и предполагаемым подрывом.

Нельзя упускать из виду также то обстоятельство, что С. А. Васильев вряд ли мог достоверно знать состав приглашенных на новогоднее выступление Президента РФ, которое было записано в кругу военнослужащих, а также его содержание (согласно материалам дела обращения Президента РФ с новогодним поздравлением в кафе-баре «Флагман» было беззвучным из-за выключенного на телевизоре звука).

Исходя из вышеизложенного, по мнению автора, следовало бы признать отсутствие в деянии С. А. Васильева состава административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ, и прекратить производство по делу.

Стоит отметить, что помимо С. А. Васильева было привлечено к административной ответственности по части 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ еще одно лицо: С. О. Ермаков – посетитель кафе-бара «Флагман», который заснял новогоднее выступление Президента РФ на фоне звучавшей музыки и выложил данный видеоролик в группу «Яндекс.Такси» в мессенджере WhatsApp.

Согласно постановлению судьи Новомосковского районного суда Тульской области Л. И. Соловьевой², оставленному без изменений решением судьи Тульского областного суда Д. А. Ретинского³, размещение видеоролика, имеющего неоднозначный смысл, на котором

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П.

² Постановление по делу об административном правонарушении № 5-20/2023 [электронный ресурс] // novomoskovsky.tula.sudrf.ru: официальный интернет-сайт Новомосковского районного суда Тульской области. – 2023. – URL: novomoskovsky-tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=132629088&case_uid=cb990bd3-d60d-437b-b2db-ae66c763d7c2&delo_id=1500001 (дата обращения: 14.09.2023).

³ Решение по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении № 7-34/2023 [электронный ресурс] // oblsud.tula.sudrf.ru: официальный интернет-сайт Тульского областного суда. – 2023. – URL: oblsud-tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=50151038&case_uid=94ab0cab-40e7-4962-aa8d-d667c505de4f&delo_id=1502001 (дата обращения: 14.09.2023).

в новогоднюю ночь в кафе «Флагман» проигрывался трек новогодней песни украинской группы «Потап и Настя» с названием «От сосны» во время трансляции по центральному каналу поздравительного выступления Президента РФ на фоне российских военнослужащих, так же умалял авторитет и подрывал доверие к объекту дискредитации.

Помимо данных двух случаев вызывает сожаление факт привлечения к административной ответственности трёх девушек-аниматоров, которые, как сказано в анонсе пресс-службы Алуштинского городского суда Республики Крым¹, 8 августа 2023 года на территории алуштинского аквапарка танцевали под песню «provokacionnogo характера, дискредитирующую Вооружённые Силы РФ, содержащие текст на украинском языке»².

Как следует из сообщений средств массовой информации, данной песней «provokacionnogo характера» и к тому же содержащей текст на украинском языке, является весьма популярная музыкальная композиция «Гулянка» в исполнении широко известного в России и на Украине певца Андрея Данилко (выступает в женском travesti-образе под псевдонимом Верка Сердючка)³.

В тексте данной песни, написанной в 2003 году и имеющей ярко выраженное празднично-юмористическое содержание (в связи с чем она была использована в новогоднем телевизионном мюзикле на русском языке «За двумя зайцами»), действительно присутствуют слова «Ще не вмерла Україна, если мы гуляем так!». Однако любой человек может лично убедиться, что данные слова не носят какого-либо провокационного характера, так как являются неотъемлемой частью припева, имеющего более чем жизнерадостное содержание, и не имеющего, по мнению автора, абсолютно никакого политического подтекста или двусмысленности:

«Льются песни, льются вина,
И стучат, стучат, стучат бокалы в такт.
Ще не вмерла Україна,
Если мы гуляем так».

Автор полагает, что данные слова в контексте песни (и мюзикла) вряд ли могут каким-либо образом дискредитировать Вооруженные Силы Российской Федерации⁴, так как не связаны ни с целями проведения Специальной военной операции, ни с субъектами, принимающими в ней то или иное участие, либо осуществляющими ее планирование и проведение.

Хочется напомнить, что совсем недавно Конституционный Суд РФ указал, что для целей статьи 20.3.3 КоАП РФ под дискредитацией следует понимать подрыв доверия отдельных граждан и общества в целом к кому-либо, к чьим-либо действиям (деятельности)⁵. Исходя из этого, автору сложно принять позицию правоохранительных органов и суда, усмотревших подрыв доверия отдельных граждан либо общества в целом к Вооруженным Силам России в веселой зажигательной песне, почти 20 лет транслировавшейся на российском телевидении и радио, и внезапно ставшую таковой в связи с проведением Специальной военной операции на территории Украины.

¹ Сообщение пресс-службы Алуштинского городского суда Республики Крым от 10.08.2023 г. [электронный ресурс] // alushta.krm.sudrf.ru: официальный интернет-сайт Алуштинского городского суда Республики Крым. – 2023. – URL: alushta.krm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1314 (дата обращения: 14.09.2023).

² См.: Электронный архив Алуштинского городского суда Республики Крым: дела об административных правонарушениях №№ 5-273/2023, 5-274/2023 и 5-275/2023.

³ В Крыму трех девушек оштрафовали за песню Верки Сердючки [электронный ресурс] // Ria.ru: официальный сайт государственного информационного агентства «РИА Новости». – 2023. – URL: ria.ru/20230811/shtraf-1889438809.html (дата обращения: 14.09.2023).

⁴ С содержанием данной песни можно ознакомиться по электронному адресу в информационно-коммуникационной среде «Интернет»: <https://youtu.be/c-147GgxxPA> (дата обращения: 14.09.2023).

⁵ См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Ильи Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 1398-О [электронный ресурс] // Ksrf.ru: официальный интернет-сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – 2023. – URL: doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision688924.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

Таким образом, в указанных случаях судебные решения, установившие дискредитацию Вооруженных Сил России в развлекательных новогодних песнях, навевают предположения о том, что причина, по которым С. А. Васильев, С. О. Ермаков и три девушки-аниматора были привлечены к административной ответственности, может крыться не столько в содержании указанных выше песен, сколько в иных причинах, связанных с гражданской позицией их авторов и исполнителей.

Так, дуэт «Потап и Настя» (Алексей Потапенко и Анастасия Каменских) – авторы и исполнители композиции «От сосны», как и Андрей Данилко – автор и исполнитель композиции «Гулянка», являются гражданами Украины, и согласно сообщениям средств массовой информации не только не поддерживают проведение Специальной военной операции, но и относятся к ней весьма негативно¹. Если данное предположение верно, то можно прогнозировать, что и другие песни указанных авторов (а также иных лиц, не поддержавших Специальную военную операцию) могут стать причиной привлечения к административной ответственности по части 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ в случае их публичного исполнения.

В качестве еще одного весьма спорного примера можно привести случай привлечения к административной ответственности по части 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ и статье 20.3 КоАП РФ (Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами) двух жительниц Республики Крым за исполнение песни «Червона калина»².

Как показало изучение источников, в том числе украинских средств массовой информации (из числа тех, которые остались доступны для российских пользователей), данная украинская народная песня, уходящая корнями в XVII век – во времена гетманства Богдана Хмельницкого, впервые опубликованная в 1875 году и считавшаяся некоторыми культурологами маршем Легиона украинских сечевых стрельцов – воинского формирования в составе армии Австро-Венгерской империи периода Первой Мировой войны, стала неким неофициальным символом среди ряда современных украинских исполнителей националистического толка (А. В. Хлывиюк и др.).

Однако данная композиция в исполнении различных певцов и музыкальных коллективов (количеством более сотни) доступна в каталоге бесплатной музыки российской социальной сети «Мой мир@Mail.ru», принадлежащей российской инвестиционной технологической корпорации «VK» (до 2021 года – холдинг Mail.ru Group), а некоторые российские популярные эстрадные исполнители даже включили ее в свое музыкальное творчество (например, Народный артист Российской Федерации А. Н. Малинин)³.

Необходимо отметить, что данная песня существует в различных вариациях: от классического и до националистически-конфронтационного, имеющего негативный акцент в отношении жителей России (именуемых «москалями»), однако ни один из вариантов не внесен Федеральный список экстремистских материалов, формируемый Министерством Юстиции РФ (<https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/>), и, как следствие, не запрещен на территории Российской Федерации.

Автор полагает, что исполнение классического варианта данной песни, воспевающей сечевых стрельцов как защитников Украины, само по себе вряд ли может дискредитировать Вооруженные Силы Российской Федерации в рамках проведения Специальной военной операции.

¹ См., например: <https://www.woman.ru/news/nikogda-my-ne-budem-vystupat-u-vas-potap-obratilsya-k-russkim-slushatelyam-id722438/> (дата обращения: 14.09.2023), <https://life.ru/p/1477649> (дата обращения: 14.09.2023).

² Приводится по официальному (согласно справочнику МВД России в социальных сетях, расположенному по интернет-адресу: https://xn--b1aew.xn--p1ai/contacts/presscenter/sotsialnye_seti) телеграмм-каналу Министерства внутренних дел по Республике Крым <https://t.me/mvdCrimea82/3870> (дата обращения: 14.09.2023).

³ Данная композиция входит в авторский музыкальный альбом «Червона Калина» (2003 год): <https://www.youtube.com/watch?v=CgrkNnxgrhk> (дата обращения: 14.09.2023).

Помимо указанных случаев, хотелось бы заострить внимание на деле депутата городского совета г. Красноярск И. П. Гринева, который был привлечен Железнодорожным районным судом г. Красноярска к административной ответственности по части 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ и оштрафован на 40000 рублей за критику оставления Вооруженными Силами Российской Федерации осенью 2022 года г. Херсон¹.

Как следует из постановления судьи Т. Н. Шаповаловой, И. П. Гринев на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» выражал свое недовольство внешней политикой, осуществляющей органами власти и Президентом Российской Федерации, и несмотря на то, что он лично Специальную военную операцию поддерживает, однако считает, что действия Вооруженных Сил России недостаточно эффективны, уровень командования не соответствует масштабу поставленных перед ними задач, а действия, приводящие к отступлению армии, влекут причинение вреда населению освобожденных территорий, поддерживающих Россию.

В данном случае объективная сторона деяния выражается в критической оценке деятельности должностных лиц Министерства обороны РФ и Президента РФ, что, по мнению суда, образует состав правонарушения, предусмотренного статьей 20.3.3 КоАП РФ.

Подобный подход к критическим оценкам деятельности должностных лиц со стороны граждан чреват тем, что под предлогом поддержания решительности и эффективности выполнения Вооруженными Силами Российской Федерации и другими государственными органами поставленных перед ними задач, мотивированности лиц, непосредственно принимающих участие в Специальной военной операции – то есть тех защищаемых ст. 20.3.3 КоАП РФ публичных интересов, которые были отмечены Конституционным Судом РФ в своем Определении от 30.05.2023 г. № 1398-О, возможно ущемление конституционных прав граждан на свободу слова и личное мнение в отношении тех или иных процессов, происходящих в стране либо за рубежом.

Конституционный Суд РФ в данном Определении указал на право граждан «...выражать собственное мнение по поводу деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, лиц, им содействующих, и государственных органов Российской Федерации, в том числе указывать на наличие недостатков...», однако в деле И. П. Гринева это, к сожалению, не повлияло на позицию вышестоящих судебных инстанций. Так, Красноярский краевой суд оставил постановление Железнодорожного районного суда г. Красноярска без изменения, а жалобу И. П. Гринева – без удовлетворения².

Критика действий (бездействия) должностных лиц, органов государственной власти, Президента РФ со стороны жителей страны является правом, закрепленным Конституцией РФ за гражданами России, составляющим ее многонациональный народ, являющийся источником власти. Европейский Суд по правам человека (г. Страсбург, Франция) также неоднократно указывал на то, что пределы допустимой критики политика шире, чем относительно других лиц³.

Хотя часть 3 статьи 55 Конституция РФ предусматривает возможность ограничения прав граждан в целях обеспечения безопасности общества и государства, защиты основ конституционного строя, а также нравственности, здоровья либо прав и законных интересов

¹ Дело об административном правонарушении № 5-66/2023 [электронный ресурс] // geldor.krk.sudrf.ru: официальный интернет-сайт Железнодорожного районного суда города Красноярска. – 2023. – URL: geldor.krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=372859164&case_uid=9e150046-b2c9-4853-923e-36bc852abffc&delo_id=1500001&new=0 (дата обращения: 14.09.2023).

² Решение по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении № 7п-314/2023 [электронный ресурс] // kraevoy.krk.sudrf.ru: официальный интернет-сайт Красноярского краевого суда. 2023. – URL: kraevoy.krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=65479204&case_uid=647bd0cb-b771-4f62-9562-08d5db1441db&delo_id=1502001 (дата обращения: 14.09.2023).

³ См.: три дела «Федченко против России» (CASE OF FEDCHENKO v. RUSSIA No. 3, Application no. 7972/09; CASE OF FEDCHENKO v. RUSSIA No. 4, Application no. 17221/13; CASE OF FEDCHENKO v. RUSSIA No. 5, Application no. 17229/13), дело «Надтока против России» (CASE OF NADTOKA v. RUSSIA, Application no. 38010/05), дело «Савенко (Лимонов) против России» (CASE OF SAVENKO (LIMONOV) v. RUSSIA, Application no. 29088/08) и др.

других лиц, однако в случае с И. П. Гриневым возможность придерживаться своего мнения в отношении тех или иных решений (действий или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц, а равно свободно выражать его, не должна, по мнению автора, влечь за собой административную ответственность по статье 20.3.3 КоАП РФ, так как Российская Федерация юридически не находится в состоянии войны с Украиной, а Федеральным конституционным законом от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» подобного рода ограничения не предусмотрены.

Подводя итог, можно сказать, что в ряде случаев правоприменительная практика в отношении лиц, привлеченных к административной ответственности по статье 20.3.3 КоАП РФ является весьма спорной и может подрывать у некоторых граждан закрепленные в Преамбуле Конституции России веру в справедливость, а также такой декларируемый ею постулат, как права и свободы человека в качестве высшей ценности. Автор допускает, что у других специалистов в указанной области взгляды на данную проблему могут существенным образом отличаться от взглядов, изложенных им в настоящей статье, в связи с чем он был бы весьма признателен за конструктивную критику.

Информация об авторе

Д. Н. Чушенко – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. N. Chushenko – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor at the Department of Procedural Law of the South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принятая к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 05.12.2023.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всероссийская научная конференция с международным участием «Шапсуговские чтения»

17 октября 2023 г. в ЮРИУ РАНХ и ГС прошла Всероссийская научная конференция с международным участием «Шапсуговские чтения», посвященная 80-летнему юбилею доктора юридических наук, профессора, главного редактора журнала «Северо-Кавказский юридический вестник», директора центра правовых исследований, руководителя школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС, Заслуженного юриста Российской Федерации **Шапсугова Дамира Юсуфовича**.

Конференция проводилась в смешанной очно-дистанционной форме. Модератором на конференции выступила зав. кафедрой теории и истории права и государства д.ю.н., профессор **Шатковская Татьяна Владимировна**.

С приветственным словом к юбиляру, участникам конференции обратились:

Хайям Джабраил оглы Исмайлов, д.ю.н., профессор Бакинского государственного университета.

Баранов Павел Петрович, д.ю.н., профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХ и ГС, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Брюханова Наталья Владимировна, к.э.н., доцент, директор учебно-научного центра ЮРИУ РАНХиГС.

Шапсугов Дамир Юсуфович, автор и руководитель научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа», д.ю.н., профессор, главный редактор журнала «Северо-Кавказский юридический вестник», директор центра правовых исследований, Заслуженный юрист РФ.

С докладами выступили:

Волова Лариса Ивановна, д.ю.н., профессор (Южный федеральный университет), юридический факультет, кафедра международного права). Тема выступления: «Правовая культура как синтез правотворческих форм по формированию международного права нового мирового правопорядка».

Маремкулов Арсен Нажмудинович, д.ю.н., профессор (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова). Тема выступления: «К вопросу употребления термина «стабилизационная оговорка»: ретроспективный анализ».

Шадже Асют Юсуфовна, д.ф.н., профессор (Адыгейский государственный университет). Тема выступления: «О феномене Шапсугова: взгляд из Адыгеи».

Озова Фатима Анатольевна, д.и.н., доцент, заведующий отделом истории народов Карачаево-Черкесской Республики (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсиrokova). Тема выступления: «Трансформации социальной структуры и политических институтов черкесского общества в конце XVIII – первой половине XIX в. через призму хабзэ».

Овсепян Жанна Иосифовна, д.ю.н., профессор кафедры конституционного права (Южный федеральный университет). Тема выступления: «Публичная власть как воплощение конституционных принципов государственного федеративного единства России (исследование на основе новелл в Конституцию РФ, предусмотренных в Законе о поправке 2020 г.)».

Исмаилов Магомедсагид Абдулмуслимович, д.ю.н., профессор (Дагестанский государственный университет). Тема выступления: «Введение и сущность системы военно-народного управления в Дагестане. Создание Дагестанской области».

Трапиш Николай Алексеевич, к.и.н., доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; **Шафранова Ольга Ивановна**, к.и.наук, доцент, зав. кафедрой региональной истории и музееведения Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета. Тема выступления: «Антология памятников права народов Кавказа» как инструмент эпистемологического конструирования исторической памяти».

Акопов Леонид Владимирович, д.ю.н., профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» ДГТУ. Тема выступления: «Концепция народовластия профессора Шапсугова Д.Ю.».

Апостолова Наталья Николаевна, д.ю.н., профессор кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС. Тема выступления: «Право и справедливость».

Ляхов Юрий Алексеевич, д.ю.н., профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор ЮРИУ РАНХиГС (СКАГС), профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФУ. Тема выступления: «Без установления истины нет справедливого судопроизводства».

Шатковская Татьяна Владимировна, д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. Тема выступления: «Проблема народовластия в научном творчестве Д. Ю. Шапсугова».

Данилов Андрей Геннадьевич, д.и.н, профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. Тема выступления: «Дискуссионные проблемы в процессе изучения исторических альтернатив».

Кузьминов Петр Абрамович, д.и.н., профессор кафедры истории России (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова). Тема выступления: «Научные практики изучения проблем права горских народов Северного Кавказа в 20–30-х годах XX в.».

Дышеков Мурат Владимирович, к.и.н., доцент (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова). Тема выступления: «Наследственное право кабардинцев в XIX в.».

Малиненко Эльвира Владимировна, к.ю.н., доцент кафедры конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС. Тема выступления: «К вопросу о вкладе д.ю.н., проф. Дамира Юсуfovича Шапсугова в науку».

Радачинский Юрий Николаевич, к.ю.н., доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. Тема выступления: «О некоторых проблемах формирования правовой реальности».

Федоренко Святослав Петрович, к.ю.н., доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. Тема выступления: «Цифровая трансформация и правовая реальность».

Хабаев Ибрагим Дагаевич, Чеченский государственный педагогический университет. Тема выступления: «Государственное устройство имамата шейха Мансура».

Команджсаев Евгений Александрович, к.ю.н., доцент (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова). Тема выступления: «Образование Калмыцкого ханства в составе России как способ защиты национальной идентичности калмыцкого народа».

Все выступавшие отметили большой вклад юбиляра в развитие юридической науки в России, в особенности, в исследование проблем народовластия, публичной власти, действительности и видимости права и государства, правового и юридического мышления, научной критики, становления культуры творчества в юриспруденции России. Было подчеркнуто важное значение инициированного им и успешно реализуемого коллективными усилиями ученых научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа», а также его деятельности по развитию научных учреждений (юридический институт, докторская конференция, южный филиал ИГП РАН, научный журнал «Северо-Кавказский юридический вестник»), участия в работе общероссийских вузовских и научных организаций.

Конференция завершила свою работу развернутым обобщением ее итогов, которое было сделано юбиляром. Он поблагодарил коллег за проявленное ими большое внимание к его научному творчеству, дружеское расположение и добрые пожелания, высказанные в его адрес. Им особо была подчеркнута незавершенность всех реализуемых совместных проектов и вытекающая из нее необходимость продолжить уже оправдавшее себя сотрудничество.

Чеченский
государственный
педагогический
университет

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Поздравительный адрес

доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу РФ

Шапсугову Дамиру Юсуfovичу

Уважаемый Дамир Юсуfovич!

От всей души поздравляю Вас с 80-летним юбилеем!

В день Вашего рождения примите слова искренней благодарности за плодотворную, конструктивную деятельность от профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного педагогического университета и лично от меня!

Сегодня Вы являетесь одним из ведущих отечественных специалистов в области общей теории государства и права, правового мышления. Невозможно переоценить Ваш вклад в развитие юриспруденции нашей страны и воспитание целой плеяды талантливых специалистов. Вы вдохновляете молодежь на достижение новых высот и подаете им пример целеустремленности, высочайшего профессионализма и преданности делу.

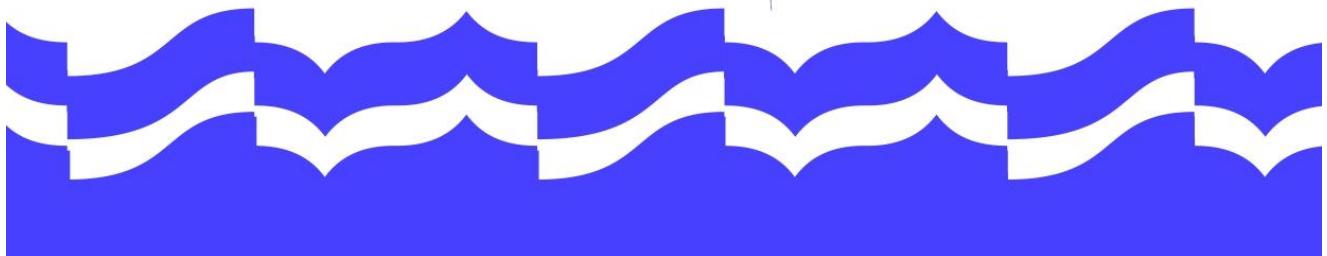
Вы заслужили репутацию человека, имеющего твердые убеждения, болеющего за настоящее и будущее науки и страны. Мудрость, принципиальность, жажда знаний и умение работать с людьми снискали Вам заслуженный авторитет и признание в обществе.

Желаем Вам крепкого здоровья и благополучия, бодрости и оптимизма, плодотворной законотворческой деятельности. Пусть каждый день приносит Вам блестящие идеи и ресурсы для их воплощения в реальность!

С уважением,
ректор Чеченского государственного
педагогического университета

И.Б. Байханов

**ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ -
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
(ИГИ КБНЦ РАН)**

Пушкина ул., д. 18, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 360000.
Тел. (8662) 42-46-97, факс: 42-47-78. E-mail: kbigi@mail.ru; <http://www.kbigi.ru>
ОКПО 04010076, ОГРН 1020700760453 ИНН 0711026447/КПП 072543001

«1»_08_2023 г.

№ _____

Директору Центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС
Д.Ю. Шапсугову

Уважаемый Дамир Юсуфович!

От имени коллектива Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН и от себя лично поздравляю Вас со знаменательной датой!

Ваше 80-летие невозможно измерить одними только достижениями в научной, общественно-политической и культурной сфере. Есть нечто большее и возвышенное – бескорыстное служение адыгскому этносу и российскому отечеству в целом, которым Вы всецело заполняете свою жизнь!

Вас отличают высокий профессионализм, большое трудолюбие, верность долгу и идеалам, прекрасные человеческие качества и доброжелательность, которые впитали в себя от своих замечательных родителей.

Пользуясь случаем, от всей души желаем Вам неиссякаемой энергии и дальнейших свершений на научном и педагогическом поприще! Пусть этому будут способствовать крепкое здоровье и семейное благополучие!

С уважением,
Касболат Дзамихов

* * *

С ЮБИЛЕЕМ, ДОРОГОЙ ДАМИР ЮСУФОВИЧ,

Почетный доктор юридических наук Ереванского университета «МАНЦ», Президент Ассоциации юристов Кавказа, руководитель 50-ти томного проекта «Антология памятников права народов Кавказа», доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор центра правовых исследований, основатель и главный редактор журнала «Северо-Кавазский юридический вестник»!

С гордостью заявляю, что Вы, как достойный ученый и мыслящий носитель истины в правовой науке Новейшего времени, постигающий ее не только разумом, но и сердцем, являетесь одним из Великих неугомоненных ученых мужей нашего времени не только для многострадального, когда-то крупнейшего адыгского народа с многотысячелетней историей Шапсугов, Кавказа, но и для всей современной России!

Дай Вам Бог долгих физических возможностей и творческих сил для реализации Ваших целей для достижения новых вершин, а также счастливых дней, месяцев и долгих лет в личной и семейной жизни ...

Всегда оставайтесь таким, как есть !..

С любовью, Победитель Первенства Мира по науке 2023 г. в Дубае, академик, доктор юридических наук СССР, профессор Рубен Авакян

2023 г., г. Ереван, Армения

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редакционная коллегия журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»,
коллеги по научно-исследовательскому проекту
«Правовой мир Кавказа» поздравляют
доктора юридических наук, профессора
Рубена Осиповича Авакяна с 80-летним юбилеем,
который он отметил в этом году!

Нам трудно пречислить все выдающиеся заслуги ле-
гендарного ученого, назовем лишь те, непосредствен-
ными свидетелями которых мы являемся.

Рубен Осипович – единственный армянин, ученый-
юрист, согласившийся участвовать в разработке научно-
исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа»,
подготовивший пять масштабных томов в данном про-
екте, посвященных памятникам права Армении, общим
объемом 300 п.л., тем самым официально представив

правовое развитие своего народа и государства в наиболее полном виде.

Рубен Осипович – активный участник международных научных конференций, прово-
димых в рамках указанного проекта.

Свое 80-летие Рубен Осипович встретил с крепким кавказским здоровьем – надежной
основой кавказского долголетия, отметив юбилей выдающимся научным достижением –
став Победителем на Первенстве Мира по науке 2023 г., проводимом Международным
историко-биографическим институтом. Рубен Осипович издал много фундаментальных
научных работ, одну из которых просто нельзя не упомянуть – «Причины преступности
в исторических и современных реалиях» (Ереван: Университет «Манц», 2021 г.) – совре-
менная энциклопедия человеческого знания по данной тематике.

Поздравляя
многоуважаемого
Рубена Осиповича
с юбилеем и заслуженным
научным признанием,
желаем ему дальнейших
творческих успехов,
новых научных достижений,
самого крепкого здоровья!

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблица должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержимое.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом. В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В.И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М.Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

Мы не запрещаем позитивизм, но и не пропагандируем!

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4, 2023

Выход в свет 22.12.2023. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 3082.8

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Принт». 246035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.
Тел.: 8 (3412) 56-95-53